Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№9-10

2023

СОДЕРЖАНИЕ

ГЕЙДАР АЛИЕВ – 100

Интервью литовских журналистов с Гейдаром Алиевым 3

ПРОЗА

Гафар ДЖАФАРЛИ. *Рассказы* 20
Марк БЕРКОЛАЙКО. **Поминание Евгения О.** *Маленькая повесть* 41
Ляман БАГИРОВА. **Маковые зерна.** *Эссе* 71
Гамид ПИРИЕВ. *Рассказы* 78
ЛАЧИН. **Вода и вино.** *Рассказ* 124

ПОЭЗИЯ

Сиявуш МАМЕДЗАДЕ. *Избранное. Стихи* 17
Фикрет МУРСАГУЛОВ. *Стихи* 39
Софа ВАРЗАГЕР. *Стихи* 56
Ляман БАГИРОВА. **Волшебная гроза.** *Стихи* 77

ПУБЛИЦИСТИКА

Мамед ОРУДЖ. **История ожидаемого расставания** 12
Яшар КАСЫМОВ. **Советский ренессанс и шестидесятники** 32
Зумруд АХУНДОВА-ДАДАШЗАДЕ. **Блистательная, царственная, неповторимая.** *(Вспоминая Фариду Халилову)* 61
Ширин МАНАФОВ. **Об истоках феномена бакинского КВН** 100
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. **Критическое мышление** 124

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**
https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474
https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Динара КАРАКМАЗЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Тофик Меликли, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 4.9. 2023 г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

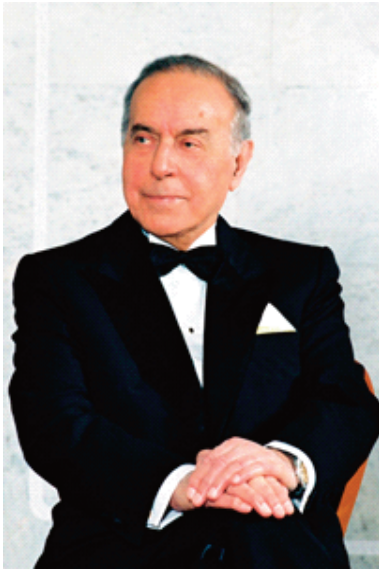
ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы
редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2023г.

ИНТЕРВЬЮ ЛИТОВСКИХ ЖУРНАЛИСТОВ С ГЕЙДАРОМ АЛИЕВЫМ



В 1990-1993 годах, когда всемирно известный политик и видный государственный деятель Гейдар Алиев (1923-2003) жил и работал в Нахчыване, он три раза встречался с литовскими журналистами и давал им интервью. Его беседы с Ритасом Стасялисом, Ритой Милюте и Ричардасом Лапайтисом тогда были опубликованы в литовских газетах.

Сразу отметим, что в этих интервью отражена и важная работа Гейдара Алиева в деле восстановления независимости Азербайджанской Республики, проделанная им еще в 1990-1993 годах на посту Председателя Верховного Собрания Нахчыванской АР. Кроме того, эти публикации сыграли определенную роль в деле распространения информации об истинном положении нашей страны и отражении азербайджанской действительности в зарубежной прессе, в том числе в странах Балтии. В ретроспективном контексте эти беседы имеют существенное значение в новейшей истории Азербайджана.

Г.Алиев в интервью литовским журналистам рассказывал о причинах своего возвращения из Москвы в Азербайджан в июле 1990 года, о трагических событиях 20 января 1990 года и называл конкретных исполнителей этой военной агрессии и карательной операции, организованной официальным Кремлем и группой его местных преступных пособников против азербайджанского народа, вставшего на путь свободы. Он в беседах с ними также высказывался в отношении карабахского конфликта и депортации азербайджанцев из Армении.

Наряду с этим, в интервью содержатся конкретные факты о взглядах и оценках Г.Алиева о национально-освободительном движении литовского народа 1988-1991 гг., информация о некоторых сторонах его деятельности, связанной с новейшей историей Литвы, а также мнения современных литовских журналистов о его роли в формировании положительных суждений и представлений в мировом сообществе о свободолюбивом литовском народе, борющемся за свободу и государственную независимость.

Г.Алиев однозначно поддерживал усилия Литвы в достижении независимости в 80-х годах XX века, симпатизировал процессу литовского возрождения, а также общенародному движению «Саюдис», в Москве с интересом наблюдал за деятельностью народных депутатов Верховного Совета СССР, избранных от Литвы. Он высоко оценил здравую и обоснованную позицию тогдашнего первого секретаря Коммунистической партии Литвы Альгирдаса Бразаускаса (1932-2010) во время его встреч в Верховном Совете СССР с руководителями страны, в частности, с Михаилом Горбачевым, а также его сдержанное поведение во время переговоров. В то же время Г.Алиев безоговорочно осудил пакт Молотова-Риббентропа 1939 года и открыто заявил, что этот пакт является гнусным документом, основанным на имперском сознании и амбициях Сталина, и имел трагические последствия для народов прибалтийских и других стран.

Провозглашение 11 марта 1990 года Акта о восстановлении независимости Литвы Г.Алиев назвал исторически логичным и правильным шагом, судьбоносным решением для литовского народа, высказал свое мнение о деятельности тогдашнего Верховного Совета Литовской Республики. Позднее он резко осудил ультиматумы, выдвинутые правительством СССР и лично М. Горбачевым против Литвы, а также чинимые экономические и политические препятствия на пути укрепления ее суверенитета.

В своих интервью Г.Алиев неоднократно отмечал необходимость выхода Азербайджанской ССР из состава СССР и по примеру Литвы идти по пути свободы и независимости. Он тогда подчеркивал, что восстановление независимого Азербайджанского государства и демократических традиций является главной национальной задачей азербайджанского народа на современном этапе. Из этих интервью литовские читатели еще в те годы узнали, что в ноябре 1990 г., когда Гейдар Алиев был Председателем Верховного Совета Нахчыванской Автономной Республики, по его инициативе из названия республики путем голосования были удалены слова: «Советский Социалистический», законодательный орган Автономной Республики – Верховный Совет – был переименован в Верховное Собрание (Али Меджлис), а трехцветный национальный флаг Азербайджанской Демократической Республики 1918-1920 годов был утвержден в качестве официального флага Нахчыванской Автономной Республики. В указанных беседах содержатся и другие важные положения и исторические факты. Предлагаю вашему вниманию переводы с литовского языка текстов бесед Гейдара Алиева с литовскими журналистами в 1990-1992 гг. в Нахчыване.

Махир ГАМЗАЕВ

председатель Общины азербайджанцев Литвы,
член Союза писателей Литвы
Вильнюс – Нахчыван – Баку, 1990 – 2023 годы

ГЕЙДАР АЛИЕВ:

«ЖЕЛАЮ ВАМ УСПЕХОВ В БОРЬБЕ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ»

Во время посещения закавказских республик мне пришлось на день съездить в Нахчыванскую АССР. Здесь я от знакомого местного журналиста услышал, что Гейдар Алиев, бывший член Политбюро ЦК КПСС и первый секретарь ЦК Коммунистической партии Азербайджана, некоторое время назад приехал в Нахчыван. И вчера он здесь провёл бурный предвыборный митинг, в котором приняли участие десятки тысяч человек. Мы сразу же прибегли к «политике телефонной связи», и этот шаг привел к журналистскому успеху. Через пару часов мы уже сидели и разговаривали с Гейдаром Алиевым в доме его покойной сестры.[1]

– Ваше решение стать народным депутатом Азербайджанской ССР для многих может оказаться неожиданным. Кроме того, некоторые скажут, что ваша цель – политический реванш. Как вы прожили последние три года после ухода из Политбюро ЦК КПСС?

– Примерно три года назад я по состоянию здоровья вышел из Политбюро. После инфаркта врачи посоветовали мне прекратить активную деятельность. Несмотря на то, что я был членом ЦК КПСС до апреля 1989 года, депутатом Верховных Советов СССР и РСФСР, все это время старался не заниматься политической деятель-

[1] Это первое интервью, данное Гейдаром Алиевым иностранным журналистам в Нахчыване.

ностью. Однако я бы не сказал, что у меня была какая-то активная работа в этих органах. За это время мне пришлось испытать достаточно предвзятое отношение к себе.

Средства массовой информации, инспирированные различными правящими кругами, организовали против меня кампанию как в Москве, так и в Азербайджане. В Баку эту кампанию возглавлял А.Везиров, 1-й секретарь ЦК Компартии Азербайджана, недавно позорно завершивший свою бесславную карьеру. Я старался терпеть, хотя их оскорбительные высказывания очень задевали меня как человека. До сих пор не думаю, что моя деятельность заслуживает такой клеветы. Поэтому, когда в июне 1989 года в Москве произошло чудо, в результате чего 110 членов ЦК КПСС и кандидатов «по своему желанию» в мгновение ока вышли из комитетов (хотя на самом деле это было не так), я решил выступить на пленуме. Понимая, что это мой последний шанс, я заявил о клеветнической кампании, организованной против меня.

После этого корреспонденты различных периодических изданий просили меня об интервью. Но я всегда старался держаться подальше от прессы. Свое первое интервью я дал журналу «Театральная жизнь» лишь в ноябре прошлого года.

Однако 19-20 января этого года, когда в Баку был введен крупный воинский контингент Вооруженных Сил СССР и была совершена незаконная акция против Азербайджана и его народа, в результате чего было убито много невинных людей, я понял, что не имею права молчать. Тогда я приехал в Постоянное представительство Азербайджанской Республики в Москве, ответил на вопросы журналистов на организованной здесь пресс-конференции и осудил эти антигуманные действия и акт агрессии, обвинив ее организаторов – политическое руководство Советского Союза и лично Горбачева. По моему мнению, урегулировать конфликт можно было без вмешательства армии.

После этой пресс-конференции нападки на меня в центральных СМИ усилились. Словно в качестве ответа на мои заявления в прессе через десять дней в газете «Правда» вышла статья, полная клеветы и измышлений обо мне. Тогда я понял, что обязан продолжать борьбу. Так что моя нынешняя деятельность началась именно с того времени.

– Может быть, вы кое-что уже по-новому оценили? Может, нашли и собственные свои ошибки?

– Я много лет работал на руководящих должностях в Баку и Москве. Я говорил и сегодня могу сказать, что всегда честно служил своему народу и партии, в рядах которой состою. Вы спрашивали о новых нюансах моей позиции. Думаю, что сегодня жизнь Советского Союза приобрела совершенно новое состояние. Сегодня каждый народ должен сам выбрать свою будущую судьбу и решить, в каком направлении он хочет дальше двигаться.

Теперь о том, что я могу осудить и от каких прошлых лет своей жизни могу отмежеваться. Это не очень важно. Прошлое уже стало историей. Я вообще не люблю копаться в прошлом, оставив в стороне важные проблемы. Мы уже шесть лет осуждаем наше прошлое, а тем временем страна продолжает разваливаться все больше и больше. Происходит оболванивание народа, кормят его обещаниями, утверждая, что сейчас происходит – это новый этап, что это перелом, что это новая фаза, что это окончательный перелом и т.д. Ну и как долго это может продолжаться?!

– Вы подчеркнули, что являетесь членом Коммунистической партии. А ваш взгляд на партию и на ее деятельность остался ли прежним?

– На этот сложный вопрос необходимо дать диалектический ответ. Ясно одно: действия нынешних политических лидеров партии ее разрушают. Это заставляет каждого коммуниста задуматься. Я тоже об этом думаю.

Я решил привести своему собеседнику цитату из воспоминаний бывшего министра иностранных дел Литовской Республики (журналист имеет в виду воспоминания министра иностранных дел Литвы Юозаса Урбшиса в 1938-1940 гг. – **М. Г.**). *Ссылаясь на мнение И. Сталина, министр в своем обобщении о функциях коммунистической партии говорил, что в каждой республике СССР есть коммунистическая партия, для того чтобы эти республики никогда не захотели выходить из состава Советского Союза.*

– Как вы думаете, могут ли сегодня республиканские коммунистические партии помешать народам свободно самоопределиться? Может быть, Сталин до сих пор прав?

– Во времена Сталина коммунистическая партия была такой и подчинялась лично Сталину. Это реальность того времени. А сегодняшняя реальность – это необходимость всем народам определить свою судьбу.

– У многих людей имя Г. Алиева может ассоциироваться как «противника перестройки». Как вы лично оцениваете политику перестройки, которая проводится в Советском Союзе последние пять лет?

– Неоднозначно. Всем надоело понятие «перестройка». Каждое понятие не должно терять своего престижа. Если престиж теряется, тогда люди начинают терять веру в него. Руководство Коммунистической партии утверждает, что все позитивные изменения в обществе осуществляет партия. С другой стороны, она признает, что страна переживает политический и экономический кризис, уровень жизни людей катастрофически падает, а дефицит увеличивается. Пока никто не может дать внятного ответа, зачем в таком случае существует весь этот управленческий аппарат.

– Хорошо. Сегодня вы снова в родном Азербайджане. Баллотируетесь в народные депутаты республики. Скажите пожалуйста, по вашему мнению, какой путь должен выбрать азербайджанский народ в будущем?

– Ровно такой же, по которому сегодня идет Литва. И абсолютно не обращая внимания на то, что сегодня для вашей республики создаются самые различные «московские» препятствия. Странно, что руководство СССР декларирует право народов на самоопределение, а тем временем Литве приходится терпеть такие суровые испытания и различные санкции. Съезд народных депутатов СССР (1989 год) осудил незаконный пакт Молотова-Риббентропа. Председатель депутатской комиссии Александр Яковлев неоднократно подчеркивал, что когда Сталин подписывал этот документ, его разумом владели имперские амбиции. Получается, что мы осудили амбиции 1939-1940 годов. Но теперь мы называем их законными делами. Ведь это одно и то же. События, произошедшие в Баку 19-20 января, также являются следствием имперских амбиций.

Говоря о дальнейшей судьбе нашей республики, должен сказать, что нам еще предстоит дождаться результатов сентябрьских выборов 1990 года. Я бы не рискнул прогнозировать, что выборы будут действительно демократическими. Если избиратели доверят мне представлять их интересы в парламенте, я постараюсь, чтобы Азербайджан и политически, и экономически стал бы полностью независимым государством. Эта предвыборная программа написана всей моей жизнью.

– Спасибо за интервью.

Беседу вел Ритас СТАСЯЛИС.
г. Клайпеда, еженедельник «Mažoji Lietuva», 15 августа 1990 года, № 32 (71).

ГЕЙДАР АЛИЕВ:

«АЗЕРБАЙДЖАН ДОЛЖЕН ИДТИ ПУТЕМ ЛИТВЫ»

С 17 ноября 1990 года Нахчыванская Автономная Советская Социалистическая Республика в своем названии отказалась от слов «Советская Социалистическая» и стала называться Нахчыванской Автономной Республикой. Верховный Совет Республики был назван Верховным Меджлисом. А трехцветный национальный флаг Азербайджанской Демократической Республики 1918-1920 годов был утвержден в качестве официального флага Нахчыванской Автономной Республики.

Через пять дней после принятия этого решения, имеющего судьбоносное значение для Нахчывана, в перерыве заседания Верховного Меджлиса Республики, депутат Верховного Совета Азербайджанской ССР и Верховного Меджлиса Нахчыванской АР Гейдар Алиев, председательствовавший на историческом заседании Верховного Совета Нахчыванской АССР, согласился ответить на несколько вопросов.

– Господин Алиев, что побудило Верховный Меджлис Нахчыванской Автономной Республики принять решение об изменении названия республики и возвращении флага?

– Это мотивировалось необходимостью восстановления национальной государственности Нахчывана и в целом всего Азербайджана. За 2-3 месяца до сессии депутаты, встретившись с избирателями, выслушали их мнения о названии республики и Государственном флаге. У азербайджанцев имеются собственные традиционные названия высших руководящих институций. Поэтому мы теперь высший законодательный орган республики называем не Верховным Советом, а Верховным Меджлисом.

– Как отреагировало на упомянутые вами решения Верховного Меджлиса руководство Азербайджанской ССР?

– Мы очень тщательно рассматривали эти вопросы, выступили многие депутаты. Решения принимались единогласно – против или воздержавшихся не было.

Азербайджанский народ эти решения встретил благосклонно, даже, я бы сказал, радостно. Но мы не знаем, какова официальная реакция руководства Азербайджанской Республики, потому что ни одного официального заявления пока не было. Кстати, в связи с такими важными переменами Нахчыван никто и не поздравил. Можно сказать, что мы здесь, в Нахчыване, себя даже ощутили в информационной блокаде – хотя прошло два дня после принятия наших исторических решений, но СМИ Азербайджана молчали... Только после официального протеста, адресованного президенту Азербайджана, Верховному Совету и Совету Министров республики, а также всем средствам массовой информации страны, в прессе появились скудные сведения о Нахчыване.

– Недавно вы сказали, что Азербайджан должен идти по пути Литвы. Значит ли это, что вы за независимость Азербайджана?

– Да, я сказал, что солидарен с народом Литвы, вставшим на путь свободы. А вот у меня вызывает удивление, почему Москва всячески этому препятствует? Ведь в союзной Конституции написано, что каждая республика имеет право выйти из состава СССР. Это неоднократно подчеркивалось и политическим руководством Союза.

Я не согласен с тем, что, когда Литва подняла вопрос о выходе из СССР, это было встречено в штыки. А относительно Азербайджана – да, я считаю, что Азербайджан должен быть независимой демократической республикой.

– Каково ваше отношение к январским событиям 1990 года в Баку? Вы, будучи бывшим генералом КГБ, можете назвать виновных в этом инциденте?

– Мы обсуждали это на заседании Верховного Меджлиса Нахчыванской АР. В повестку заседания также был включен вопрос о до сих пор действующем в Баку чрезвычайном положении. Поэтому я могу говорить об этом вопросе не только от своего имени, но и от имени всего Верховного Меджлиса. Верховный Меджлис осуждает ввод в Баку крупного советского воинского контингента и эту акцию, стоившую многих человеческих жизней, считает ее захватнической, антигуманной и незаконной. Нас удивляет тот факт, что до сих пор Верховный Совет Азербайджана не дал официальной оценки этим событиям, а специальная комиссия ВС Азербайджана, созданная 22 января 1990 года, не представила никаких выводов. Это ненормально. Верховный Меджлис Нахчыванской АР счел необходимым вписать в своем постановлении, что виновные в кровавой январской акции должны быть установлены и наказаны. По мнению Верховного Меджлиса, виновными лицами являются: председатель Верховного Совета СССР Михаил Горбачев, секретарь ЦК КПСС Андрей Гиренко, находившийся в то время в Азербайджане, бывший председатель Совета Союза Верховного Совета СССР Евгений Примаков, министр обороны СССР Дмитрий Язов, министр внутренних дел СССР Вадим Бакатин, бывший первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана Абдурахман Везиров, председатель ВС Азербайджанской ССР Эльмира Кафарова, тогдашний председатель Совета Министров Азербайджана Аяз Муталибов и члены бюро ЦК Компартии Азербайджана Виктор Поляничко, Муслим Мамедов, Вагиф Гусейнов.

– Конфликт между Азербайджаном и Арменией все дальше и больше обостряется. Как вы думаете, кому это выгодно?

– Трудно сказать, кому это выгодно. Но ясно одно: конфликт ни Азербайджану, ни Армении не выгоден. Хочу подчеркнуть, что он возник по вине армянских националистов. Насильственное выселение людей из родных мест не выгодно ни одной республике.

– Вы бывший член Политбюро ЦК КПСС, долгое время были одним из руководителей СССР. Как вы думаете, позволит ли М. Горбачев республикам не подписывать новый союзный договор?

– Ничего не могу сказать за М. Горбачева. Но ясно одно, что в Союзе уже многое произошло против его воли – народные движения, независимость республик... Плюрализм, хотя и ограниченный, заставляет М. Горбачева подчиняться воле народов и принимать им нужные решения.

– Находясь в Азербайджане, мне не раз приходилось слышать, что ради своего народа Алиев должен сдать партийный билет. Как вы оцениваете эти высказывания?

– Ха, ха, ха, ха... Это личное дело каждого человека. Меня уже спрашивали, какому блоку в Верховном Совете Азербайджанской ССР я принадлежу – коммунистам или демократам. Я – независимый депутат. Я не отношу себя к блоку коммунистов и с блоком демократов пока не общаюсь. Поэтому на все у меня свой независимый взгляд и подход, который во многом не совпадает с принципами Компартии. А то, что я являюсь коммунистом, – это для меня только формальность, дело второстепенное.

– Как вы оцениваете восстановление независимости Литвы 11 марта 1990 года?

– Положительно. Поддерживаю. Думаю, что это правильное решение.

– Какими вы видите перспективы нашей Республики?

– Думаю, что ваш Парламент должен активно и настойчиво работать в намеченном направлении. В последнее время депутаты работают вяло. Проводят то одни переговоры, то вторые, то третьи... Даже появилась тенденция неограниченно продолжать это дело. Но, с другой стороны, судя по СМИ и телевидению, складывается мнение, что Парламент Литвы убежден, что он на правильном пути.

– **Спасибо за беседу.**

Вела беседу Рита МИЛЮТЕ.
г. Вильнюс, ежедневник «Respublika», 7 декабря 1990 года, № 281 (312).

ГЕЙДАР АЛИЕВ:

«МЕНЯ ПОЗВАЛ НАРОД»

Бывший член Политбюро ЦК КПСС, первый заместитель Председателя Совета Министров СССР, генерал КГБ, ныне Председатель Верховного Меджлиса Нахчыванской Автономной Республики Гейдар АЛИЕВ отвечает на вопросы специального корреспондента литовской газеты «Respublika» Ричардаса Лапайтиса.

– Вы были на вершине власти в СССР. Накануне приобретения независимости Азербайджана вы были избраны главой Нахчыванской Республики. Не чувствуете ли состояние некоторого дискомфорта?

– Разница между уровнями власти, конечно, есть, но дискомфорта не чувствую. Я был в одном ряду с крупными руководителями государства. Но меня позвал мой народ и можно сказать вынудил стать Председателем Верховного Меджлиса. Республика небольшая, но очень специфическая. И масштаб решаемых задач малый. Но я здесь на своей родине, и это самое главное.

– Большая часть вашей жизни связана с КГБ. Не жалеете ли вы о годах, проведенных под крылом этой организации?

– Нет. Я не жалею ни о чем, что было в моей жизни. Разумеется, это относится и к работе в КГБ. Меня совсем молодым призвали в эти органы и я там проработал 25 лет. Сейчас модно все сваливать на КГБ, а ведь это был орган уже несуществующего государства. Я ничего не сделал против своего народа. Кстати, когда я ушел со всех занимаемых должностей, многие в моей работе пытались найти мои ошибки и нарушения закона. Это делали ЦК КПСС, правительство СССР, бывшие руководители Азербайджана. Но ничего не нашли.

– Потеряв все руководящие посты в СССР, вы долгое время находились в тени. Что вы делали за это время – отдыхали, готовились вернуться в политику или просто были рядовым пенсионером?

– Я жил в Москве, у меня было время обдумать весь пройденный жизненный путь, все время пытался что-то сделать для Азербайджана. Но я не думал возвращаться в политику и заниматься политикой не планировал. После январских событий 1990 года в Баку я выступал на митинге в Москве. Тогда снова начали преследовать меня. Пытались помешать мне вернуться в Азербайджан. Этим занимались и Михаил Горбачев, и КГБ. В Баку был убит один со мной близко связанный человек. Это было сделано с целью предупредить меня. Однако я преодолел все препятствия и вернулся, а в сентябре 1990 года был избран депутатом парламента Азербайджана от Нахчывана. В парламенте я требовал независимости для Азербайджана.

– СССР распался, возникло Содружество Независимых Государств. Что вы думаете о нем?

– Это так должно было случиться. Все началось в 1980-х годах. Балтийские страны первыми сломали лед, затем распад СССР ускорился. Процесс был непростым, но те страны, где народ ориентирован на созидательный труд человека, преодолеют трудности и присоединятся к мировому сообществу. Касательно СНГ – это попытка создать какой-то новый союз. Но сейчас это невозможно, и мы все это видим.

– Каковы ваши отношения с человеком, занимающим пост, который принадлежал вам, – с президентом Азербайджана Абульфазом Эльчибеем?

– Действительно, я много лет был руководителем Азербайджана, но президентом не был. Однако мои отношения с ним нормальные, никаких проблем нет. Я его лично не знаю, только по телевизору видел. Не могу утверждать, что наши взгляды на политику совпадают, но обе наши республики сосуществуют без особых конфликтов.

– В октябре 1992-го года была попытка государственного переворота в Нахчыване. Кто были его организаторами?

– Переворот пытался совершить Народный фронт Нахчывана (НФН). Ситуация была интересна тем, что НФН является составной частью Народного фронта Азербайджана (НФА). Поэтому, когда участники переворота заняли здания МВД Республики, телевидения и радио, я даже ровно девять раз разговаривал по телефону с А. Эльчибеем. Ведь он является лидером НФА. Однако он не отозвал эту мерзкую выходку НФН, вероятно, санкционированную им же самим. Жители Нахчывана были готовы вытеснять участников переворота из всех ими занимаемых зданий. Мы им поставили ультиматум и дали час времени на решение. К сожалению, произошла перестрелка между сторонами, но участники переворота были вынуждены отступить. На следующее утро на заседании Верховного Меджлиса мы осудили попытку государственного переворота, но парламент Азербайджана по-прежнему молчит.

– На Кавказе сейчас много межэтнических конфликтов. Где гнездятся их корни?

– Это болезненный вопрос. Корни – и в многонациональности Кавказа, и в процессах, происходивших на территории бывшего СССР за последние 10 лет. Нет сомнений, что эти боестолкновения кто-то инспирирует, кому-то это выгодно. Однако однозначного ответа дать не могу.

– Но вы являетесь историком по образованию. Какое «белое пятно» в истории своей страны вы хотели бы удалить?

– Самое большое «белое пятно» – это то, что происходит у нас за последние пять лет. Война в Карабахе давно перешагнула границы Азербайджана и Армении. Я не знаю, как долго это еще продлится и сколько лет мы будем пытаться залечивать наши раны.

– Мы уже упоминали балтийские страны. Что вы думаете здесь, в Нахчыване, о Литве?

– Уверен, что не только Нахчыван, но и весь Азербайджан может быть достойным партнером для Литвы. Ровно так же и Литва для Азербайджана. Это партнерство могло бы быть реализовано в сфере экономических, научных, культурных, гуманитарных отношений. Насколько мне известно, кое-что уже делается, но пока между нашими государствами нет даже нормальных дипломатических отношений.

– Теперь в Литве, как и в Нахчыване, снова у власти бывший лидер компартии. Как вы оцениваете такой поворот политических событий?

– Мне понравилось то, что делали руководители Литвы еще до восстановления независимости. В то время я жил в Москве и наблюдал за деятельностью литовских народных депутатов Верховного Совета СССР. Я симпатизировал и отколовшейся от КПСС Компартии Литвы, и общенародному движению «Саюдис». Нынешняя победа Компартии Литвы на выборах есть не что иное, как волеизъявление народа. Могу только поздравить вас с победой. А международные отношения между нашими партиями – это дело будущего.

– Какой самый счастливый и самый трудный день был в вашей жизни?

– Самый тяжелый день для меня был 20 января 1990 года. Это была трагедия, которую я пережил в Москве. А самый счастливый... самый счастливый день еще впереди.

– **Спасибо за беседу.**

P.S. *Интервью взято в ноябре 1992 года.*
г. Вильнюс, ежедневник «Respublika», 28 января 1993 года, № 17 (895)

Перевод Махира ГАМЗАЕВА
Натаван ХАЛИЛОВОЙ

МАМЕД ОРУДЖ

ИСТОРИЯ ОЖИДАЕМОГО РАССТАВАНИЯ

Что скрывать, я думал об этой статье еще при его жизни и даже просмотрел некоторые материалы, которые считал важными, потому что каждый раз, входя в его квартиру, двери которой, по его словам «кроме badi-səbadan» (*утренний бриз*), никто не открывал, моя надежда на следующую встречу все более и более уменьшалась...

Знаменитый врач, осматривавший его в последний раз, сказал, что не стоит обижать этого прекрасного человека, водя его по больницам, дайте ему спокойно прожить остаток жизни. Все было очевидно; его ноги дрожали, когда он пытался встать, уже два года как его ступни не касались земли, не гуляли по улицам, и он смотрел на мир из окна своей квартиры на втором этаже. Путь от спальни до кухни, который он проделывал при помощи специального устройства, по его словам, был равнозначен одному кругу ада.

Но кто может сказать, кому сколько жизни отмерил Бог?..

Как бы глубоко я ни погружался в печальные мысли, такие сочинения (можно сказать, и некрологи) хотя бы частично должны отражать биографию того, о ком пишешь.

Имран, отец Сиявуша, учитель математики, в разные годы работал директором в бакинских школах, он был выходцем из Ардебиля (Южный Азербайджан), так что родственников в Баку со стороны отца они не имели.

Мать, Гамер ханым, родом из Гарабаха, родилась и выросла в Агдаме, окончила Институт иностранных языков в Баку по специальности учитель немецкого языка и до конца жизни преподавала в этом высшем учебном заведении. Он часто вспоминал своих дядьев, участвовавших в Великой Отечественной войне, которые потом, выучившись на юристов, работали в правоохранительных органах. Помню, когда в ноябре 2020 года было объявлено о победе Азербайджана над армянским фашизмом, он шепотом сказал: «Хотелось бы, чтобы моя мать и дяди увидели этот день».

Сиявуш Мамедзаде родился 2 октября 1935 года в Баку, получил среднее образование в русскоязычных учебных заведениях в центре Баку.

– Когда я закончил десятый класс, я совершенно не мог говорить по-азербайджански, это меня очень удручало,и я решил, что должен как можно быстрее выучить родной язык...

Эти слова я много раз слышал от Сиявуша.

Гамер ханым, узнав о желании сына, стала учить сына наряду с родным азербайджанским и немецкому языку. Страстное желание и, думаю, память крови вскоре дали результат. Уверен, мое мнение разделят все, кто близко знал Сиявуша, в его речи не было и следа русского акцента.

Его отец Имран Мамедзаде хотел видеть его математиком, а мать, Гамер, – специалистом по немецкому языку, но Сиявуш, очарованный поэзией Пушкина, Лермонтова и другими книгами, которые занимали большую часть их квартиры, уже выбрал свой путь.

Когда он был студентом филологического факультета (изучал русский язык и литературу) АГУ, он пел в университетском хоре. Приятный тембр его голоса привлек внимание, видимо, сказались карабахские гены... Ему предложили сольный номер, в результате это привело к тому, что его пригласили на профессиональную сцену. Но он не согласился. Никто не знал, что он пришел петь в хоре только ради одной из студенток.

...Но это была не первая его влюблённость. В школе он пользовался успехом у девушек, с его ростом, культурой и общим высоким уровнем невозможно было оставаться к нему равнодушным. Но выбор он сделать так и не смог, может, оттого, что в Москве его ждала встреча с другой девушкой... Причем никакого отношения к хору не имевшей, жившей в глухой деревне и приехавшей в Москву в поисках работы – Валентина!

В последние дни из-за потери зрения он перестал читать, но по-прежнему пел. Особенно, когда играл в шахматы, всегда что-то тихонько себе напевал и, казалось, получал от этого облегчение, а иногда говорил, что шахматы – это повод для общения...

О том, что он занимался музыкой и лет пять-шесть ходил в музыкальную школу, я узнал, когда он, по просьбе знавших его людей, сел за рояль на дне рождения друга. Уже шестидесятилетний Сиявуш играл известную сонату Бетховена, а гости стоя аплодировали ему. Ни в микрорайоне, ни на проспекте Азадлыг я не видел пианино в его квартире, но когда он иногда садился за старый, даже ветхий рояль в клубе «Натаван» в Союзе писателей, и раздавались звуки нежной и печальной мелодии, все знали, кто играет...

– Что дал тебе Институт литературы имени М.Горького после пяти лет очного обучения на филологическом факультете АГУ?

На этот вопрос, который я ему много раз так или иначе адресовал, он, наконец, ответил, и ответ был предельно лаконичным и содержательным: из Сиявуша Институт литературы сделал Сиявуша Мамедзаде.

Да, он знал, какое место занимает в азербайджанской литературе, знал, с каким уважением произносят его имя. За свои литературные заслуги Сиявуш Мамедзаде был удостоен звания Заслуженного деятеля искусств Азербайджана, получал персональную президентскую пенсию.

Многочисленные стихи, рассказы, очерки, рецензии, переведенные Сиявушем Мамедзаде, преимущественно на русский язык, но также с русского на азербайджанский, почти не изучены, но, тем не менее, есть (хотя и немногочисленные) статьи о его многогранном творчестве.

Народный писатель Анар, называя его «Подвижником литературы», пишет:*«...Как поэт и писатель, как талантливый переводчик поэзии и прозы, как исследователь и публицист, Сиявуш занимает особое место в нашей современной литературе. Он посвятил всю свою жизнь укреплению азербайджано-российских литературных связей. Главными элементами этой деятельности являются, без сомнения, художественные переводы. Своими переводами на протяжении многих лет Сиявуш успешно обогащает литературу обоих народов произведениями поэтов и писателей, отмечу, что он на высоком профессиональном уровне донес и ряд моих статей до русских и русскоязычных читателей».*

В предисловии к книге Сиявуша Мамедзаде «Увидел я Шушу в снегу» Народный поэт Бахтияр Вагабзаде, рассматривая творчество поэта, отмечает: *«Наш соратник по перу наряду со своей переводческой деятельностью издал несколько сборников стихов на русском языке. Я читал эти книги и люблю его уникальный поэтический стиль и манеру письма (я также перевел несколько его стихов). Честно говоря, когда он переводил мои сочинения на русский язык, я волновался, сможет ли он точно перевести сложные фразы, особенно идиоматические выражения. Но я убедился, что Сиявуш умело находит точные народные поговорки и мастерски передает сложные грамматические конструкции на русский язык, максимально верно передавая смысл и сохраняя при этом поэтичность. Несомненно, такого рода мастерством может обладать человек, в совершенстве владеющий обоими языками, точно подбирающий синонимику и тождественность слов, филигранно меняя конструкцию, чтобы без смысловых потерь передать мысль автора. Увидев этот талант в Сиявуше, я не удивился, а наоборот обрадовался, услышав, что он начал писать стихи на родном языке.*

На нескольких примерах я хочу показать, насколько хорошо Сиявуш знает тонкости нашего родного языка, как использует сладость и текучесть поэтического слова:

Bu aləmdə el dərdinə yanan var,
Babaları hörmət ilə anan var,
Unutma ki, Vətən adlı anan var.
Canın öz vətənində,
Şanın öz vətənində,
Tanın öz vətənində.

Есть тот, у кого душа за народ болит,
Есть тот, кто чтит отца и мать,
Не забывай, есть Мать-Родина у нас,
Живи для Родины своей,
Славься Родиной своей,
Прославься в Родине своей.

Я хотел бы, чтобы уважаемый читатель обратил внимание на певучесть, сладость и мягкость языка в этих строках. Все эти качества стихов Сиявуша не уступают стихам великих поэтов, писавших на протяжении всей своей жизни на своем родном языке. Конец этой строфы «Прославься в Родине своей» содержит основную мысль стихотворения. Поэт прекрасно знает, что художник, которого не знают на родине, которого не любит его же народ, не может быть любим и принят другим народом».

Ürəyim qonmuşdu qərib ulduza,
Darısqal sanmışdım öz beşiyimi,
Bir könül canından ayrı oldusa,
Əriyib itərmiş tüstülər kimi,
Ayıltdı ayazlı yağışlar məni,
Ey isti ocağım, bağışla məni.

Мое сердце поселилось на чужой звезде,
Тесной казалась мне моя колыбель,
Не знал я, если сердце от души отделить,
Растаяв, исчезнет душа, как дым,
Пробудили меня холодные дожди,
О, мой теплый очаг, прости меня.

В словах поэта «Пробудили меня холодные дожди» содержится простая истина. Никому не удалось избежать тех холодных дождей, пролившихся в 90-х годах прошлого века. В те годы стало популярным стихотворение Сиявуша Мамедзаде, которое он посвятил своей родине Шуше.

Şuşanı qar gördüm, qar gördüm,
Elimi var gördüm, var gördüm.
Səslədim ötən günləri,
Daşları kar gördüm, kar gördüm.
...
Dağları dağ gördüm, dağ gördüm,
Həmişə şax gördüm, şax gördüm.
Bir bulaq aynasında
Saçımı ağ gördüm, ağ gördüm.

Я видел Шушу в снегу, в снегу,
Я видел родину в цвету, в цвету.
Я дни прошедшие звал и звал,
Но видел лишь камни немые, безмолвные.
...
Я видел горы, полные гордости,
Горы царственные, полные величия.
И в зеркале журчащего ручья
Себя совсем седым увидел я.

Бахтияр Вагабзаде не остался равнодушным к этому стихотворению и в своих заметках писал: *«...Это песня, стихотворение или картина? Эти стихи льются, как песня. Разве строки «В зеркале журчащего ручья/Себя совсем седым увидел я» – не прекрасная картина, написанная талантливым художником? Красота и величие седины, отраженные в родниковой воде, погружают в раздумья и завораживают, как и сама природа».*

Меня как-то спросили: кого из азербайджанских поэтов Сиявуш Мамедзаде переводил на русский язык? Я ответил: надо было сказать по-другому: «Кого из известных азербайджанских поэтов не переводил на русский язык Сиявуш?» Думаю, в данной ситуации можно таковых перечесть по пальцам.

В последние годы, после того, как Сиявуш доверил мне свою богатую библиотеку (а теперь и свой архив), мое внимание привлекла телеграмма, пришедшая накануне 70-летия Сиявуша от народного писателя Эльчина: *«…Твое многогранное творчество, являющееся итогом твоих многолетних трудов, твоя чистая, добрая, верная, предельно искренняя и простая личность заслужили тебе такое место в нашей современной литературе, которое больше никто не сможет занять, это место достойно принадлежать только и только Сиявушу Мамедзаде»*.

Кстати, Эльчин написал обширное и хорошее предисловие к поэме Физули «Лейли и Меджнун», которую Сиявуш Мамедзаде перевел на русский язык уже на седьмом десятке жизни. Издание этого перевода также было осуществлено по инициативе Эльчина и при поддержке Министерства культуры, и Сиявуш всегда был благодарен Эльчину за это.

Теплое отношение питал Сиявуш и к Эльмире Ахундовой, народному писателю и бывшему депутату Милли Меджлиса, которая по возможности часто навещала Сиявуша после того, как он из-за болезни слег в постель и даже приносила ему труднодоступные лекарства. Сиявуш иногда приглашал меня на эти встречи и хотел, чтобы все знали, что Эльмира ханым посещала его. В 80-х годах прошлого века они оба работали в Союзе писателей Азербайджана. Сиявуш хотел поддерживать связь с Эльмирой ханым и после ее назначения чрезвычайным и полномочным послом Азербайджана в Украине, но физически он уже не был в состоянии это делать, появившиеся проблемы с речью не давали возможности пользоваться телефоном.

Оставались встречи с работниками редакции «Литературного Азербайджана», которые никогда не забывали Сиявуша и нередко наведывались к нему.

Хотелось бы упомянуть также имя заслуженного артиста Рафика Гашимова, который при наших беседах всегда интересовался состоянием здоровья Сиявуша и выражал желание навестить его. Когда я передавал приветствия Рафика Гашимова, лицо и глаза Сиявуша озарялись светом. Когда-то, однажды, они вместе участвовали в недельной поездке в Киев.

Что же касается обращения выдающегося поэта к такому огромному памятнику, как «Лейли и Меджнун», на седьмом десятке своей жизни, уже в старости, то это исходило из его внутренней духовной потребности. Он обожал Физули как поэта: «Лишь я воистину влюблен, Меджнун известен только славой».

Он был действительно верен; не только Чингизу Гусейнову, Василию Белову, Алле Ахундовой, Максуду Ибрагимбекову, Фикрету Годжа, Эйвазу Борчалы, Акраму Айлисли, Хейрулле Джамалу, с которыми он познакомился в Институте литературы им.Горького, но и всем своим однокурсникам, разбросанным по всему миру. Я помню, как однажды, через семьдесят лет, напав на след своих однокурсников, он отправился в Петербург. Пока он мог пользоваться мобильным телефоном, держал связь со всеми, помню и то, как он писал им письма.

Ему пришлось пережить страшное событие – смерть своего единственного ребенка, сына Марата, в Новосибирске. Убийцами Марата были преступники, представители армянской диаспоры. Однако, его отношение к армянам не изменилось. Ничто, даже такое горе, не могло разрушить его принципы гуманизма и человеколюбия. До последних своих дней он остался им верен, как и герой известной пьесы Джалила Мамедгулузаде «Кяманча».

Я вспоминаю периоды его жизни и творчества, вызывавшие удивление и даже изумление; уже в преклонном возрасте, вдохновившись исследованием литературоведа Вилаята Гулиева о Мирзе Казем-беке (русская версия этих исследований вышла также из-под пера Сиявуша Мамедзаде), он создал поэму, посвященную этому ученому-востоковеду, что еще раз доказывает, что Сиявуш поклонялся только гуманизму и человеколюбию. Будучи сыном кавказского шейх уль-ислама, Мирза Казем-бек неожиданно принял христианство. Почему? В наши дни не так просто обращаться к подобной теме. Кстати, подчеркну, что Сиявуш Мамедзаде был человеком толерантным и таким хотел видеть современный мир. Он рассматривал ислам и христианство с одной и той же точки зрения, не делая между ними различий

Обобщая в юбилейной статье как оригинальные произведения, так и переводы Сиявуша Мамедзаде, заслуженный критик Вагиф Юсифли упомянул не только его стихотворение «Вопрос правды» о Мирзе Казем-беке. Литературовед, уделивший большое внимание переводческой деятельности юбиляра, отметил, что в художественных переводах Сиявуша Мамедзаде можно максимально почувствовать и услышать красоту азербайджанской поэзии, чтобы убедиться в этом, достаточно познакомиться с поэтическими переводами на русский язык произведений Шахрияра, Саханда (Булуд Гарачорлу), Наби Хазри, столь естественно звучат эти поэты на русском языке.

Десять лет назад его жена Валентина Алексеевна, умирая, просила Сиявуша принять помощь и заботу ее подруги Валентины. И он до конца своей жизни жил под опекой подруги своей жены.

Когда за одну ночь из его памяти исчезли все телефонные номера, он со своей неповторимой улыбкой сказал мне: *«Кажется, моя память умерла раньше меня»*. Да, он умел шутить со смертью. Однако он помнил стихи, заученные в детстве. Еще год назад он перевел жившее в его памяти стихотворение, а я записал его и, по его просьбе, напечатал в «525-й Газете».

Свою квартиру на проспекте Азадлыг он несколько лет назад завещал своему брату Арифу. Сиявуш хотел, чтобы кто-нибудь из внуков его брата с фамилией Мамедзаде зажег в его доме лампу, тогда его душа будет счастлива. И могилу он выкопал несколько лет назад: между его единственным ребенком и женой.

Я написал шесть или семь статей о своем учителе и друге Сиявуше Мамедзаде в различных журналах. Думаю, и эта статья не последняя.

P.S: *Я хотел бы воспользоваться этой возможностью и обратиться к творческой интеллигенции, знавшей поэта: присылайте свои мысли о Сиявуше Мамедзаде на мой электронный адрес, чтобы мы могли подготовить о нем книгу памяти и осчастливить его душу*: **mammadorucov1947@gmail.com**

СИЯВУШ МАМЕДЗАДЕ

И З Б Р А Н Н О Е

***

Перевожу стихи... Перехожу
от рубежа к иному рубежу.
Переношу на острие пера
пыльцу с цветов бессмертного добра.
Перевожу стихи... Перевожу
стихи через широкую межу
разрозненных друг с другом языков,
религий, континентов и веков.
Перевожу на собственном горбу
чужую боль, и радость, и судьбу...
Перевожу стихи, перевожу.

***

Я ухожу в поэзию от быта,
а быт еще не ведает о том,
похрапывая буднично и сыто
под медленным моим календарем.

Я поднимаю заржавелый якорь
со дна своих обыденных тревог,
И каждый день мне видится двояко,
и дни пронзает вечность, как ожог.

Какая-то раскованная сила
несет меня над сущностью иной.
Меняются и мерки, и мерила,
и берег остается за спиной.

И, отделившись от велений плоти,
от пестроты религий и вериг,
вторгаюсь духом в чистые высоты
и истины касаюсь я на миг.

А быт зовет назойливое войско,
заметив вдруг отсутствие мое,
и тянет вниз набитою авоськой,
считающей себя за бытие.

***

Я увидел воочию смуту
И агонию ложных идей,
Насажавших послушников всюду
Мановеньем лукавых вождей,

И видение манны небесной,
Исчезающей, как фейерверк,
Над великой клокочущей бездной,
Где влачится в грязи человек.

Я увидел воочию в мире
Из-под стен грановитых палат
В небывалом и нищем ранжире
Вопиющих палаток парад...

Я увидел агонию веры
И химеры о добром царе,
Наступленье невиданной эры,
Распрягающей воз на дворе.

Я увидел убогих сатрапов,
Верещащих усердно чинуш,
Что, трибуны привычно облапив,
В час беды имитируют туш.

Я увидел пророков отечества,
Отвергающих жалкую ложь
Импозантной ухоженной нечисти,
Облепивших державу, как вошь.

Пусть не жалует их, аввакумов,
Вседержавная грозная власть,
Пусть не умер иной аббакумов,
Поменявший личину и масть,

Пусть еще лихорадит парламент
В стоголосом азарте страстей,
Затыкает им глотку регламент
И мерещится страж у дверей.

Но сквозь муть и толпу бестолковую
Прозреваю в бескровном лице
Восходящего на Голгофу
Гражданина в терновом венце.

***

Я слишком поздно начинаюсь,
нащупывая слова нить,
азербайджанскую чинару,
уча по-русски говорить.

Мне от причала до причала
пришлось пространствовать, пока
свои исконные начала
я сознавал наверняка.

Я понял истину простую,
что главное не речь, а суть,
что слово тратишь вхолостую,
когда еще не найден путь.

И ныне, странный сын Востока,
ряжу в славянские меха
свои печали и восторги
и в том не чувствую греха.

***

Беженцы там и здесь.
Их не стихия гнала...
В сердце у нас не месть
В сердце у нас – зола...

Что обвинять и пенять?..
Разве такая цена
Людям нужна, чтоб понять –
Это земля – одна?..

Кровь не имеет рас,
Боль не знает границ, –
Боль заплаканных глаз,
Боль безутешных лиц...

Будь, человек, един!
Будь, человек, велик! –
Плачет из-под руин
Неумолкающий крик.

ГАФАР ДЖАФАРЛИ

Р А С С К А З Ы

Писатель-публицист Гафар Джафарли (Джафаров Гафар Ильтифат оглу) родился 7 марта 1957 года в Азербайджане, в городе Ленкорань. Юрист по образованию. Со школьных лет занимается художественным творчеством. Член Союза Писателей Азербайджана и Союза Журналистов Азербайджана. Автор девяти книг в детективном и в других жанрах. По его произведениям сняты фильмы. Является лауреатом ряда медиа премий.

*С 2019 года президентский стипендиат. В 2018 году удостоен диплома и золотой медали Международной Академии Наук Исследований Тюркского Мира; а в 2022 году международной премии этой же Академии в номинации за «**Литературные заслуги Тюркского Мира**» и международной литературной премии Союза Писателей Азербайджана имени Самеда Бехранги. В мае 2022 года увидела свет монография известного учёного-литературоведа и писателя Аллахверди Эминова «Проза Гафара Джафарли», посвящённая его жизни и творчеству.*

С августа 2020 года Гафар Джафарли является председателем Ленкоранского Регионального отделения Союза Писателей Азербайджана.

Любовь всей жизни

Светлой памяти моей матери

У матери спросили: – Кого из своих детей любишь больше?

Мать ответила: – Самого младшего, пока тот не вырастет, больного, пока тот не выздоровеет, находящегося вдали, пока тот не возвратится домой, и каждого из них, пока я дышу.

В семье нас было трое: два брата и сестра. Разница в возрасте между мной, старшей сестрой и младшим братом составляла по два года.

Мой отец закончил профтехучилище по специальности экскаваторщика, поэтому его часто отправляли работать в соседние районы. Днями, а иногда неделями он не приходил домой. Вся тяжесть семейных забот легла на хрупкие плечи моей матери. Вдобавок совхозные работы, на которые все обязательно привлекались, никак не заканчивались. Тем, кто слышал, как моя мать, засыпая ночью, стонет от болей в теле, казалось, что она вот-вот умрет. А её помощницей и «поддержкой» была моя сестра, которой не исполнилось еще и восьми лет, рано повзрослевшая, ей пришлось взвалить на свои худенькие, узкие плечи всю непомерную тяжесть слов: «Ты уже взрослая девочка».

В тот год зима была суровой. Все вокруг занесло белоснежным покровом. С крыш домов свисали сосульки. Холод пробирал аж до костей. Событие, о котором я поведаю, произошло в один из тех холодных зимних дней.

Ранним утром, уходя на работу, мать велела сестре: «Согреешь комнату детей». И сестра, бросившаяся выполнять должным образом распоряжение матери, в очередной раз наполнила печь дровами, принесёнными из вязанки дров на веранде. Дрова, сложенные на потухающие угольки, дымясь, начали воспламеняться.

Сестра, сварив яйца, терпеливо накормила нас завтраком и напоила чаем. Мы с братом играли с игрушками в сторонке, а сестра от усталости заснула на месте.

Всё произошло в мгновение ока. От крика братишки мы испуганно вскочили. Сестрёнка с трудом смогла оттащить на пол бьющегося на раскалённой печи ребёнка. Кожа на лице, руках и ногах брата всё ещё тлела. Не знаем, сколько прошло времени, но за все это время никто не услышал, как мы кричали и рыдали, никто не пришёл нам на помощь.

Наверное, Аллах нас пожалел, что вернувшаяся с работы и узнавшая о трагедии брата мать не сошла с ума. У меня в ушах до сих пор звучит ее крик, когда она увидела крики и страдания брата. А те мгновения, когда она упала без сознания и мы с сестрёнкой навалились на неё и даже страдающий от невыносимых болей на теле братишка, обнимая её, орал что есть силы: «Мама! Мама!», – до сих пор стоят перед моими глазами и, наверное, не сотрутся из памяти до самой моей смерти. Мама находилась без сознания недолго. Несчастная женщина, еще до конца не опомнившись, бросилась во двор, утопая в полуметровых сугробах, бегала взад-вперёд и звала на помощь. Вернувшись домой, она прижала к груди обессилевшего брата и стала беспрерывно целовать его обгоревшее тельце. Брат, обнимая маму, плакал навзрыд. Мы с сестрой, прекратив реветь, с ужасом смотрели на прижавшихся друг к другу матери и ребёнка.

Через несколько минут к нам прибежала живущая по соседству тётя Сабия, одна из родственниц матери. По ее совету, сначала на раны брата нанесли яичный белок, а в последующие дни на обгоревшие участки ставили компресс из жидкости, полученной из коры чинары, смешанной с уксусом, на раны были также наложены измельченные листья подорожника. В виду того, что у нас не было материальной возможности для лечения брата в больнице в Баку или райцентре, мы были вынуждены довольствоваться знахарским способом лечения. Раны брата заживали очень медленно, обгоревшие места покрылись черной коркой. Через некоторое время сосуды на обгоревших участках стали сужаться, и спустя одиннадцать месяцев после этого события...

В течение нескольких лет после смерти брата на нашу семью словно был наложен запрет на радость и веселье. Подобные чувства стали нам полностью чужды. Но недаром говорят: «Время лечит все страдания». Постепенно всё вошло в привычное русло, лишь мама не стала прежней. Смех и радость покинули ее, и даже на свадьбах она не могла сдерживать своих слёз. А в те моменты, когда замечала, что и у нас испортилось настроение, она говорила: «Эх, дети, да я же от радости плачу», и этим старалась как-то приободрить нас. Но мы все знали, что мать говорит это для того, чтобы не переживали за неё...

Прошло три года, как скончался отец. Смерть отца, который впал в кому после инсульта и в последующие десять дней не смог вымолвить ни слова, подкосила маму. Бедная женщина всё время твердила: «Мы обязаны Аллаху жизнью, но у меня лишь единственная просьба к нему, чтобы я не ушла из этой жизни, лишившись дара речи». К горю моей матери добавилось ещё одно. Я неоднократно был свидетелем того, как она беззвучно плачет, оставшись в одиночестве. Слышал, как она, посещая траурные, поминальные собрания, молилась за моего несчастного брата и отца. Несмотря на то, что день и ночь я ухаживал за ней, её состояние всё ухудшалось. Надо отдать им должное, ни моя жена, ни мои дети никогда не перечили ей. Всякий раз, когда я, возвратившись домой, видел такое состояние матери или когда домашние сообщали мне, что она часами плакала в своей комнате, я обнимал, целовал и ласкал её, спрашивая причину того, почему она так истязает себя. И каждый раз под каким-нибудь предлогом она избегала ответа.

– Я же старая женщина, и сейчас моя жизнь связана с воспоминаниями. Я живу, вспоминая прожитое. Не обращай на меня внимания.

В последний раз, где-то месяц назад, после долгих просьб и уговоров мать наконец-то открыла душу:

– Ты, сынок мой, умный. Ты никогда не заставлял меня краснеть. Я довольна тобою и всегда благословляла тебя. Сынок, неизлечимая рана в моём сердце связана с твоим братом. Скорбь по нему будет преследовать меня до последнего вздоха. До гроба я буду нести с собой эту боль. Родить дитя – веление Аллаха, а оберегать его было моим долгом. Хоть бы у меня отнялись ноги, когда я шла на работу… Я не смогла защитить своего сыночка. Мой красавчик, мой сынок с ангельским личиком, ушёл от меня. Как мне пережить такое горе, сынок? Такая мать, как я…

Слёзы не дали ей досказать, потекли по ее бархатному, полному морщин лицу. Ее плач разрывал мне сердце. Я обнял её и прижал к груди. Некоторое время мы с ней так и просидели, будто бы застыв на месте. Затем я вытер ей слёзы. Она, немного успокоившись, продолжила:

– Еще и смерть твоего отца! Сынок, и ты, и твоя семья всё делаете для меня, всячески ухаживаете за мной. Разве дело только в том, чтобы есть-пить, одеваться, отдыхать? Нет, сынок, равно, как и ты дорог мне, так и твой отец также был моим душевным другом, хранителем моих тайн, спутником жизни. Ведь я же не могу рассказать тебе того, что могла бы сказать ему. Кроме того, мы же с ним столько лет вместе делили ложе. Его душа сейчас во мне, в моей крови. Прости меня, сынок, прости, что я была вынуждена тебе сказать эти слова.

После долгих уговоров мать пообещала мне, что больше не будет плакать. Я знал, что она это сказала, чтобы успокоить меня. Каждый раз, обнимая меня, она проводила рукой по моему телу, гладя найденные в её воображении «раны», и со слезами на глазах при этом охала.

...Состояние матери часто менялось. Обследования показывали, что у нее серьезные проблемы со здоровьем, особенно в кровообращении и в сердечно-сосудистой системе. Лечение не давало должного эффекта. Несмотря на это, я не прекращал обследования и лечения.

Стоял конец апреля, и весенняя красота радовала глаз. Всё утопало в цветах и зелени. Пёстрые цветы на деревьях и кустарниках дарили душевную радость людям. Настроение у матери тоже было неплохим, во всяком случае, она сама так говорила. Как бы я этому ни радовался, весть о том, что меня посылают на месячную служебную командировку в одну из зарубежных стран, испортила мне настроение. Если бы не совет матери, возможно, я отказался бы от этого.

– Поезжай, сынок, коли выпала такая возможность. И мир увидишь, и это будет полезно для твоей работы. Ну, а я, слава Богу, чувствую себя хорошо.

Я постоянно держал связь с семьёй. Но после звонка, сделанного 6 мая, в день рождения моего отца, у меня потемнело в глазах. После очередных тоскливых слёз состояние моей матери ухудшилось, и она впала в кому. Я так и не смог услышать ее голоса.

Моё возвращение домой пришлось на одиннадцатое мая. Маму уложили в ее комнате, лицом к гыбле. Врачи уже перестали давать ей лекарства. В комнате находились сестра, пара близких родственников и её лучшая подруга. Как только я вошёл в комнату, моему взору предстало бледное, застывшее лицо матери, а её глаза сразу же уставились на меня. Я был растроган, тем не менее, подавил в себе слёзы, чтобы её не мучить. Приблизившись к ней, сел на корточки, пригнулся и поцеловал её глаза. Белки маминых глаз были неподвижны. Слегка приподнявшись, я вдруг увидел слёзы, текущие из её глаз и смешавшиеся с её белоснежными волосами. Платком я вытер ей глаза, щёки и начал гладить её волосы. В этот миг открылась дверь. В комнату вошла невестка моей сестры со своим двухмесячным ребёнком. Сестра назвала своего внука в честь моего несчастного брата. Резвившийся в объятиях матери малыш словно хотел обнять бьющуюся в предсмертной агонии «мать».

Сестра, взяв ребёнка на руки, нагнулась и прошептала маме в ухо:

– Мама, смотри, твой сын Бахтияр пришёл тебя проведать.

Взгляд мамы устремился на протягивающего пухленькие ручки лопочущего малыша. От тёплого, пахнущего молоком дыхания ребёнка мама словно воспрянула, её глаза заблестели. Когда сестра приблизила ребёнка к ней, мама с трудом подняла правую руку вверх и погладила его тельце, словно искала шрамы. На миг лицо женщины озарилось радостным светом. Но вдруг взгляд устремился куда-то в сторону, рука безжизненно поникла … Плач и рыдания заполнили всю комнату.

Полные радости глаза матери уставились на неизвестную точку и застыли там. Её лик, озарённый светом, был объят божественной любовью. Я понял, что ангельская душа моей матери, испытывающей радость от «исцелившихся» ран на теле своего несчастного сына, на последнем дыхании в умиротворённом состоянии покинула этот мир.

Ленкорань, 2019

Место могилы

Джаббар-киши, один из более-менее уважаемых людей села Бейляроба, в последнее время возвращался расстроенным из сельской чайханы, куда он по обычаю ходил раз в день. Каждый раз хотя бы один человек жаловался ему на проделки его сына Мусы: то просил у кого-то под разными предлогами деньги, то брал в долг и не возвращал, то обманывал ложными обещаниями и вдобавок насмехался. Из-за таких вот дел все в селе его звали – Дудук (Балбес) Муса. Муса никогда не подходил к беднякам, зная, что у них не так уж много денег, хотя при желании своим сладким языком смог бы даже выманить змею из норы и прибрать к рукам их последние гроши. Зато он обманом выуживал деньги у таких богачей, которые скупились тратиться даже на саван. Деньги Муса тратил на застолья с сельскими прощелыгами, и, хотя его собственный отец не уважал его, часть деревни его очень любила.

Однажды, выслушав по дороге в чайхану очередную порцию жалоб, Джаббар-киши, придя домой, в летний зной прогнал Мусу до самой магистральной дороги, расположенной на значительном расстоянии от деревни, и на некоторое время это стало темой для обсуждения односельчан…

С тех пор, как Муса уехал в Россию и возвратился в село, прошло около семи лет. Когда он возвратился, многие его не узнали, как будто это был не прежний Муса. Он поправился, был аккуратно одет, даже характер его изменился. Теперь он вёл себя солидно, старался избегать бывших собутыльников. А зависть матерей, не желавших когда-то выдавать за него своих дочерей, началась, когда Муса построил себе на отчей земле роскошный двухэтажный дом. Теперь и отец относился к нему с большим почтением.

То, что Муса стал обладателем такого богатства, в селе каждый объяснял по-своему. Одни говорили, что Муса связан с криминальным миром, другие утверждали, что он сбежал, кинув партнёров по бизнесу на крупную сумму денег. Были даже и те, кто говорили, что Муса приказал убить русскую женщину, годящуюся ему в матери, с которой он вступил в законный брак и тем самым овладел всем её наследством. Спустя два месяца после возвращения в село Муса женился на девушке в возрасте двадцати одного года и свадьбу приурочил к своему сорокалетнему юбилею. Объединив две знаменательные даты, он совместно с избранными родственниками и друзьями торжественно справил свадьбу в одном из ресторанов райцентра. Теперь никто не называл его Дудук Муса. Многие стали утверждать, что Муса никого не обманул, никому не должен, оказывается, ему дали эту кличку из-за того, что он играл на дудке, который смастерил из тростника.

Возвращение Мусы совпало с созданием муниципалитетов, все нормально восприняли то, что он стал первым главой муниципалитета в селе. Все были уверены в том, что никто, кроме Мусы, не сможет потратиться на такое дело. Муса был опытным и повидавшим виды человеком. Он знал, что ему больше не выпадет такая возможность, и поэтому дери столько, сколько можешь.. Первым делом он приобрел карту земельного фонда села из районного земельного отделения. После этого он стал заниматься тем, чем занимаются муниципалитеты по всей стране. Люди, годами мечтающие приобрести участок земли и построить на нём дом, с мольбами отдавали свои деньги Мусе. А он, получив разрешение сверху, налево и направо распродавал земли. По мере того, как росли его барыши, Муса всё молодел и становился всё более властным. Он гордился тем, что был одним из первых в районе, кто приобрёл «Тойота Прадо». Не забыл он также присвоить лучшие участки на имя каждого из членов своей семьи, даже для бабушки и дедушки, чей возраст уже приближался к 75-80 годам, и некоторых других близких родственников. Конечно, об этом знали немногие, однако всё село знало о том, что он оцепил железным забором довольно большой участок на возвышенном безводном месте сельского кладбища. На одном из застолий некоторые слышали от Мусы, что он намерен продавать землю, прихваченную им на кладбище.

...В один из жарких дней Муса, выпроводив посетителей всяческими обещаниями, поднялся с кресла, дымя чёрной, длинной сигарой. Стоя у вентилятора, он несколько минут с закрытыми глазами вдыхал прохладный воздух. Открыв дверь приёмной, он увидел Махмар, женщину, которая жила по соседству с его дядей. Её семья считалась одной из самых бедных в селе, хотя некогда муж Махмар, Садых, долгое годы занимал хорошую должность. Будучи до войны секретарём сельсовета, Садых и после возвращения с войны еще четырнадцать лет проработал на этом месте. Хотя Махмар была бекской дочерью, но из-за того, что сбежала с Садыхом, ее лишили наследства. Она вырастила единственного сына Хасрета, женила его, сделала главой семьи. Никто в селе не видел, чтобы Махмар обивала чей-то порог с просьбами. Веская причина привела ее сюда. Махмар, увидев Мусу, сразу же встала и поздоровалась. Затянувшись сигарой, нахмуренный Муса пробормотал:

– Эй, женщина, я же тебе послал ответ. Разве тебе мало места, что ты не можешь найти участок на такой большой территории?

Умоляющий взгляд женщины устремился на Мусу и, вздохнув, она начала:

– Врачи говорят, что моему сыну осталось жить несколько дней. Он завещал, чтобы его похоронили рядом с отцом. В том месте с одной стороны стоит могила, другую занял ты. Пожалуйста, отодвинь забор на пару метров, дай место для могилы моего сыночка, чтобы его завещание было исполнено. Я попросила твоего отца, дядю, чтобы они замолвили слово перед тобой.

Муса, вынув сигару изо рта, сдвинул брови и повысил голос:

– Эй, женщина, видно, слов ты не понимаешь. Там нет места, чтобы похоронить твоего сына. И ещё я не принимаю заказы от покойников! Можешь идти!

Муса, вновь сунув сигару в рот, прошёл в свой кабинет и нарочно сильно хлопнул дверью. Женщина, тяжело ступая, вышла из здания. Вынув из бокового кармана выцветшего халата разноцветный платок, она вытирала текущие по щёкам слезы.

...Всё произошло так быстро и неожиданно, что никто не мог поверить. Дед и бабушка Мусы по отцу погибли в пожаре, возникшем от короткого замыкания на линии электропередачи, расположенной на крыше их дома. Не прошло и месяца, как попал в аварию автомобиль «Тойота Прадо», который Муса вел пьяным, возвращаясь со свадьбы. В автомобиле также находились и родители Мусы. В тот день скончался его отец, Джаббар-киши, а через неделю и мать, Гюльзар. В тяжёлом состоянии Муса попал в больницу. Он лечился там больше трёх месяцев. Когда он вернулся в село с деревянными костылями, то подъехал на машине прямо к дому Махмар.

У калитки его встретил сын Махмар, тот самый, которому врачи несколько месяцев назад предрекли, что жить ему осталось считанные дни. Хотя Хасрет и пригласил гостя в дом, тот не согласился. Увидев вышедшую на шум Махмар, Муса побледнел как полотно. Хотя он приехал к ним переполненный эмоциями, теперь не мог и рта раскрыть. Сев на стул, поднесённый ему Махмар, он грустно поник головой. Чтобы успокоить гостя, Махмар тепло произнесла:

– Царство небесное твоим умершим! А тебе дай Бог здоровья.

– Нет, Махмар, больше не может быть и речи о моём здоровье.

– Зачем так говоришь, сынок?

Муса, грустно вздохнув, продолжил:

– Знаю, я обидел тебя. Может, меня настигло твоё проклятие. Я приехал, чтобы попросить у тебя прощения.

Глаза Махмар наполнились слезами, но она постаралась взять себя в руки. С улыбкой на лице она сказала:

– Не будем вспоминать те тяжёлые дни... Милость Аллаха велика. Невозможно даже дышать без Его позволения. Слава Богу, мой сын выздоровел и теперь стоит рядом со мной. Видать, Всевышний не захотел мне дать испытание утратой ребёнка.

Махмар, устремив глаза на Мусу, замолчала. Через несколько минут тишину, давящую на барабанные перепонки, нарушила сама же Махмар.

– Боишься, что прокляну, но не считаешься с тем, что ранил моё сердце. Наверное, ты не понимаешь, что мы на самом деле не являемся хозяевами сердца, которое носим в груди… Ранить чужое сердце – это большой грех, сынок… Хоть я и простила тебя после того, как мой сын выздоровел, грех этот остался лежать на тебе. Хорошо, что ты приехал, ибо, простив тебя лично, я избавилась от этой муки… Однако будет неплохо, если ты поищешь причину своих бед и в других местах. А сейчас можешь подняться наверх и стать моим гостем.

Муса, как бы подтверждая сказанное, пару раз кивнул головой и, взяв костыли, прислонённые к стулу, с трудом поднялся и молча заковылял в сторону машины.

...Не прошло и месяца, как Мусу похоронили на сельском кладбище, в последней могиле на участке, который он оцепил.

Ленкорань, 2016

Волшебная ночь

Посвящается одиноким людям

– Явилась? – Агасан, вздохнув, с трудом шевельнулся и, не поднимаясь с деревянной скамейки, немного отодвинулся. Лампа, прикреплённая к столбу возле скамейки, подобно солнцу, освещала все вокруг. – Иди, иди, садись, немного поболтаем. – Агасан пригладил рукой седые волосы, почесал пальцами небритое горло, потянул за ворот кожаной куртки, подбитой изнутри мехом. Когда он повернулся направо, улыбка осветила его лицо. – Садись поближе. Что, боишься? – сказал он с усмешкой. – Как ты, как проходят твои дни, Гамер?

– Хорошо, если можно так сказать. Мои дни проходят быстро, в мгновение ока. Я безработный человек, но не чувствую, как проходит время. Мой Ага, а ты как? Ты как-то неважно выглядишь? Случайно не болен?

Агасан, прикрыв лишённые блеска, по краям все в морщинах глаза, пару раз покачал головой. Грустно вздохнув, он произнёс дрожащим голосом:

– Мне нехорошо. Кажется, Азраил в пути ... У меня пропал аппетит, мучает бессонница, не могу спать. Всё тело ослабло. Руки-ноги больше меня не слушаются. Они тоже, как и ты, стали неверны. Бросают меня, оставив на полпути.

– Мой Ага, как ты можешь произносить такие слова? Совесть есть у тебя? Разве я была неверна тебе? Как же ты быстро забыл прошлое? Хотя бы в этом возрасте не превращай справедливость в жертву своей гордости.

Гамер замолчала. Чтобы уменьшить воздействие от сказанных слов, прижалась к Агасану. По голосу было ясно, что она растрогана.

– Помнишь те дни? С первого дня нашей помолвки я не уставала называть тебя «Мой Ага». Хотя наши семьи не отличались богатством, но мы были молоды и сильны и не уставали от работы. С каким трудом мы выбились в люди. Когда ты ушел в армию, то был уже отцом двоих детей. Тех двоих детей я вырастила одна-одинёшенька. От болей в теле я стонала по ночам. Ты приехал, поддержал меня. Хотя и с трудом, всё же вырастили мы детей. Мы не делили наш труд на мужской или женский. Всё это длилось до тех пор, пока в твои руки не приплыли деньжата, а сам ты не обзавёлся машиной.

Агасан недовольно покачал головой, Гамар продолжала:

– Помнишь, с каким удовольствием ты показывал мне фотографии с женщинами в санаториях, в домах отдыха и полученные от них письма. Я терпела, несмотря на то, что гнев душил меня. Успокаивала себя мыслью, что это временное увлечение.

– Ну, хватит, Гамер. – Чувствовалось, что Агасан сердится. – Всё это в прошлом, какой смысл вспоминать?

Ироничный смех Гамер и лёгкое покачивание её головы переменили настроение Агасана. Его сердце будто сжали в тиски. Почувствовав это, Гамар ещё ближе подвинулась к нему.

– Мой Ага, ты прав, всё это в прошлом. Смотри, сколько лет я прихожу на встречу с тобой. До сих пор я не сказала ни слова, что обидело бы тебя. То, что ты упрекнул меня в неверности, напомнило мне прошлое... – Глаза Гамер устремились вдаль, она иронично засмеялась. – А помнишь, как ты проводил дни с распутными женщинами? Ведь у вас же, мужчин, есть такое: таять от слов таких женщин. Я молчала, терпела. Но когда однажды ты привёл одну из них домой, я посмела возразить тебе. Ты так ударил меня по голове около той уличной девки, что я без сознания рухнула на пол. У тебя не проснулась совесть даже тогда, когда ты отвез ту женщину в город, вернулся домой и увидел, как наши малыши гладили моё окровавленное лицо и волосы. Твоя совесть совсем не проснулась, мой Ага, совсем. – Гамер основательно расстроилась: – Что я пережила, ведает один Аллах и ты. Я молчала, закрывала глаза на всё, что видела и слышала. В конце концов я смирилась с такой жизнью, но во мне еще теплилась надежда. И действительно, человек живёт надеждой. Я знала, что тому, кто потерял надежду, больше нечего терять.

Гамер горько заплакала. Глаза Агасана тоже увлажнились, губы задрожали. Лицо его было полно грусти и печали. Кажется, он сожалел о недавно сказанных словах. Грустный голос Гамер терзал всё его существо.

– В те дни я много размышляла. Куда пойти, к кому? Родителей нет, сестры нет, а братья мои бедны. Приняв свою судьбу, я осталась дома, собрала вокруг себя своих детей и продолжила жить. Затем под личиной «друзей» ты приводил домой многих женщин. В качестве дара ты отвозил «друзьям» фрукты-овощи, что я выращивала в поте своего лица, соленья, кур-цыплят, яйца, сливки, шор, которые ты меня заставлял собирать. Уже выросшие дети много раз твердили мне, чтобы я так не поступала, но я продолжала так поступать. От того, что я очень сильно любила тебя, я думала, что если тебе будет хорошо, пусть будет так, мне достаточно и того, что в доме слышится твой голос, ощущается твоё дыхание. Не знаю, была ли я права или нет, но я так думала. – Вдруг голос Гамер изменился, и она с улыбкой продолжила: – И вправду, Аллах дал нам, женщинам, столько терпения и выдержки. Мы жертвуем всем ради любви, семьи. Нынешние девочки даже и дня не смогут так прожить. Кто знает, может, и правильно поступят...

Полным грусти голосом Агасан спросил:

– Моя Гамер, но ведь я не всегда был таким?

– Моя Гамер!... От этого слова задрожало всё моё существо. Только ради твоего этого слова я готова была пожертвовать жизнью. Но, как и везде, ты и здесь опоздал, мой Ага. Да, ты прав, ты не всегда был таким. Но когда ты вернулся ко мне, к семье, было уже поздно. Мой Ага, ты не понял, что физические мучения человека преходящи, можно стерпеть даже увечье. Однако растоптанная душа, душевное увечье бывают невыносимым. Раны на душе никогда не залечиваются, и человек умирает именно из-за этих ран. То есть умирает духовно, умирает, оставаясь живым, и его существование заключается лишь в дыхании, в том, что он стоит на ногах. Когда ты вернулся ко мне, я уже была в таком состоянии, да и ты тоже лишился сил.

– Я очень сожалею, моя Гамер, очень, – произнёс Агасан слабым, печальным голосом. – Нет числа несправедливостям, которые я сотворил по отношению к тебе. Особенно, когда в аварии, которую я совершил на той проклятой машине. Ты покинула меня, я погиб вместе с тобой и до сих пор живу, как живой труп. Я не могу себе этого простить, наверное, Аллах тоже не простит. Я не ценил тебя, Гамер, и сейчас несу свою кару. Каждый день сотни раз я умираю и пробуждаюсь. Моя жизнь без тебя проходит в боли. Я остался один-одинёшенек. Дети хоть и приезжают пару раз в неделю, стирают одежду, приводят меня в надлежащий вид, готовят еду, но ничто мне не по душе. Я скучаю по твоему голосу, дыханию. Только тебя хочу видеть рядом с собой. – На миг он умолк, затем горестно продолжил: – Каждый день я молю Аллаха о прощении своих грехов. У меня больше нет охоты жить, я устал, моя Гамер.

Агасан умолк вместе с наступившим кашлем. После нескольких приступов кашля с мокротой, сосуды на висках вышли наружу, лицо покраснело, как свекла. Затем, словно лишившись всего, он обессиленно посмотрел на Гамер.

– Мой Ага, – послышался грустный голос Гамер, – наш Аллах не настолько несправедлив, чтобы простить тебе мои мучения. Но я простила тебя, когда в последние годы своей жизни получила от тебя любовь, доброту, которые были у тебя прежде. Я и сейчас живу приятными воспоминаниями тех радостных дней. Ведь ты был старшим в доме, который мы построили с таким трудом, отцом моих детей и моим Агой. – Гамер грустно выпрямилась: – Мой Ага, прости меня, я должна уйти. Уже глубокая ночь, а путь у меня не близкий.

На лице Агасана появилось разочарование.

– Моя Гамер, на этот раз я совсем не хочу, чтобы ты уходила. Может, останешься рядом со мной? Может, и мне пойти с тобой?

– Нет, мой Ага. Я никогда более не смогу быть рядом с тобой. Ты тоже не можешь пойти со мной. Теперь наши жизненные пути разошлись. Я проживаю совсем другую жизнь. А быть рядом с тобой зависит от воли Аллаха.

– А когда я снова увижу тебя?

– Не беспокойся. На следующей неделе я снова приду на встречу с тобой. Вот здесь мы побеседуем, сидя рядышком на моей любимой скамейке, которая была свидетельницей всей моей жизни, полной и света, и тьмы. Береги себя, мой Ага.

Агасан грустно протянул дрожащие руки к Гамер, его руки повисли в воздухе. С трудом выпрямившись, он с тоской уставился в небо. Чёрные тучи словно соревновались между собой в том, чтобы укрыть маской луну, которая своей непередаваемой красотой освещала всё вокруг. От этого влажно-холодного осеннего ветра тело Агасана задрожало, он еле сумел удержать равновесие. Совладав с собой, он прислушался. Кроме воя собаки у соседнего забора, вокруг не было слышно ни звука. Агасан обессиленно обернулся назад. По мере того, как он думал о том, что его ожидает мучительная ночь в двухэтажном красивом доме напротив, его плечи начали дрожать, как листья.

Ленкорань, 2020

Жизненный урок

Берегите слёзы детей, чтобы они могли их проливать над вашей могилой.

Пифагор

Мы остались дома вдвоём вместе с матерью детей. Дочери озаряют чужие дома, а сыновья приникли к своим очагам. Иногда я сержусь на них. Сколько я вложил в них труда, а они, переехав, живут на расстоянии сотен и даже тысяч километров от тебя, и ты остаёшься в разлуке с внуками. Разве это справедливо? Но затем, вспомнив себя, успокаиваюсь.

Хотя после того, как мои сёстры, окрылившись, перелетели в чужие гнёзда и я был единственным сыном в семье, из-за работы я вынужден был прожить долгие годы вдали от родителей. Я любил своих детей, не упускал их из виду, когда они были маленькими, и по причине образования, воспитания, когда они выросли. Верно говорят: «Никто не покинет этот мир, не увидев воздаяния содеянного». Я уже вынужден понимать, что пережили мои родители.

Относительно ближе живёт моя дочь. Мы часто ходим друг к другу. У неё сын и дочь. Мой внук Махир уже распрощался с младенчеством, уже как год ходит в школу и ведёт себя, как взрослый. Отличная от него моя внучка Нурай, несмотря на малый возраст, своим красноречием, резвостью и шаловливостью стала всеобщей любимицей. Обезоружит вмиг любого, кто попадётся ей на пути. Именно из-за их несхожести я очень люблю обоих.

Мы с Махиром были близкими друзьями, ничто не могло нас рассорить, однако во время последних каникул в течение недели проклятый шайтан дважды встревал между нами. Однажды, когда из-за боли в ноге и немного лени я не погулял с ребёнком, несмотря на то, что он был настойчив в своей просьбе. А во второй раз, когда он вновь захотел альбом и цветные карандаши, а я, отказав ему, настоял на своём: «Оттого, что прежние ты испортил за день, новые тебе не полагаются». Хотя на самом деле я хотел приучить ребёнка к бережливости и ответственности, но моя настойчивость не была им принята. Хотя меня и расстроило то, что два дня назад Махир вернулся домой обиженным, я терпел, но в то же искал повода, чтобы помириться. Если вы хотите узнать, чем все это закончилось и помирились мы, тогда рекомендую до конца прочесть этот рассказ.

...Сегодня я также последовал своему обычаю навещать покойных по четвергам. Несмотря на холодную погоду, по количеству машин, стоявших около кладбища, было понятно, что людей много. Я тоже остановил машину на обочине. Выйдя из машины, я увидел напротив себя толстого мужчину с румяными, словно яблоко, щеками, в плаще «аба» и с тюбетейкой на голове. По его взгляду, устремлённому на меня, я понял, что он предлагает помощь в прочтении молитвы. Я его не обидел. Поняв мой знак, он пошёл за мной следом. Пройдя через высокие, разукрашенные и огороженные забором мраморные могилы, я остановился напротив родителей, взирающих на меня с плоского, широкого мраморного надгробия. Мулла, следовавший за мной, не дожидаясь моего слова, прошёл в головную часть могилы, прочёл «Фатиха» тонким, но мелодичным голосом, не вязавшимся с его дородным обликом, и начал нараспев читать «Йасин». Пару минут я печальным взором глядел на покойных. Мысль о тщетности, суетности этого мира, вновь пронзив, прошла сквозь сердце. Сокрушённо вздохнув, я огляделся вокруг.

Немного поодаль на усыпанной цветами могиле (было видно, что могила свежая) молодой мулла читал суру «Йасин».

В шаге от надгробия, на котором был изображен пожилой мужчина в панаме, стоял ребёнок лет семи-восьми с чёрными, зачёсанными набок волосами, а у изголовья – женщина и мужчина средних лет. Взгляд ребёнка был устремлен на фото мужчины на надгробии. Женщина иногда утирала слёзы, а мужчина то оглядывался вокруг, то смотрел на могилу или моллу. Мулла прочёл «Йасин» громким голосом относительно быстро. Наверное, по этой причине, а также из-за того, что они пришли раньше нас, он закончил свою работу раньше. Как только «Фатиха» закончилась, мужчина подошёл к мулле и всунул ему в руку деньги, которые держал в руке. Мулла, совершив салават, скорыми шагами направился в сторону входа на кладбище. Мужчина, не оборачиваясь, сказал следовавшим за ним: «Пойдём», – и зашагал между могилами.

– Царствие тебе небесное, отец.

Женщина печально что-то пробормотала, вытерла платком слёзы и, обратившись к будто замершему у могилы ребёнку, сказала: «Пойдём, сынок, отец зовёт». Женщина, увидев удаляющегося мужчину, вышла на дорогу.

Из-за того, что мулла произносил некоторые слова громко и нараспев, я, невольно обернувшись, внимательно посмотрел на него и на фото родителей, высеченных на камне. Размышляя о том, как они прожили сложную жизнь, как растили нас с трудом и лишениями, я вздрогнул от внезапного плача. Ребёнок, обнявший надгробие на соседней могиле, стонал:

– Дедушка, зачем ты уехал, бросив меня? Не могу без тебя. Я очень скучаю по тебе.

Ребёнок, протирая ладонью фото на надгробии, то и дело его целовал. Его горький плач основательно меня расстроил. Его мать, а затем пришедший на «помощь» ей отец с трудом смогли оторвать ребёнка от могилы и увести с собой. А ребёнок всё плакал: «Я хочу своего дедушку»…

Когда я обернулся, вздрогнув от слов: «Аллаху Акбар!», «Аллаху Акбар!», то увидел напротив себя муллу. Он сказал, улыбаясь: «Царствие небесное!», глядя на меня невинным взглядом. Я быстро вынул из кармана деньги и отдал ему. То ли денег было много, то ли отчего-то другого на этот раз мулла вновь громко произнёс: «Царствие небесное!» и, обернувшись, удалился.

Я никак не мог прийти в себя от увиденной сцены. В этот момент у меня на душе было одно желание: прижать Махира к груди и вдоволь расцеловать.

Ленкорань
9 февраля 2020.

Чудо

Несмотря на то, что был конец октября, погода была душной. Работавшая пару часов во дворе Гюльбениз прошла домой, чтобы отдохнуть и начать приготовления к обеду. Налив в армуды стакан чаю из чайника на печи в кухне, она уселась на диване. Она только сделала второй глоток, как резко вскочила от услышанного звука. Это был сигнал машины её мужа Пашахана, который она могла очень легко отличить из застрявших в пробке десятка машин. Она спешно спустилась во двор.

«Нива» Пашахана въехала в настежь раскрытые ворота. Когда муж вышел из машины, Гюльбениз сразу поняла, что настроение у него превосходное. Пашахан, открыв крышку багажника, с радостной улыбкой взглянул на жену. Гюльбениз тотчас же поняла, что в багажнике что-то есть. Она сделала пару шагов к машине, и услышала, как утиное кряканье объяло всё вокруг. Пашахан с помощью жены вынул из машины три пары белых уток, положил их на землю, а затем, отрезав верёвку, привязанную к их лапам, выпустил птиц во двор.

Гюльбениз радостно похвалила мужа:

– Спасибо, ай Паша. Как умно ты поступил, как будто прочёл мои мысли. Я и так вожусь с курами-цыплятами и об этих тоже буду заботиться.

Пашахан остался доволен похвалой.

– Гюлю, разве ты не знаешь, что я умею читать твои мысли? Смотри, начало холодать. Максимум через месяц мы можем приготовить и съесть этих уток с пловом.

Супруги с восторгом некоторое время наблюдали за утками, которые с кряканьем гуляли по двору. Птицы, поначалу опешив, пару секунд с любопытством осматривались вокруг, постепенно привыкая к новому месту. В мгновение ока они выклевали весь ячмень, который им насыпала Гюльбениз. Жёлтыми клювами они возились в мутной воде и в земле, как следует искупались в наполненном водой тазу. Хотя двор был большим, но птицы не уходили дальше сада рядом с двором. Когда стало темнеть, Гюльбениз разместила птиц на высоком чердаке, построенном из камня. В ту ночь она намертво заснула, крепко обняв Пашахана...

Пашахан хотя и рано проснулся, но ввиду воскресенья, по обычаю поздно встал с постели. После завтрака немного поиграл с внуком, посмотрел телевизор, договорился с другом о своём участии в свадебном торжестве, куда должен был пойти вечером.

К обеду, накинув на плечи кожаную куртку, он спустился во двор, поискал глазами уток, которых купил днём ранее. Утки были в узкой, но длинной канаве, наполовину заполненной водой. Пашахан не спеша направился к канаве. Радостные утки, словно соревнуясь друг с другом, плавали там. Иногда, засунув головы в воду, махали в воздухе своими крыльями. Когда мгновение спустя они выпрямлялись, то по тому, как их клювы шевелились, было ясно, что они, хоть с трудом, но нашли что поесть.

Гюльбениз, закрывшая дверь курятника и направляющаяся в сторону дома, позвала мужа на обед. Хотя Пашахан был уставшим, тем не менее, с аппетитом начал есть. В это время Гюльбениз сказала:

– Ай Паша, если купишь немного индюшек и выпустишь их во двор, то они за пару месяцев как следует поправятся и на новый год мы угостили бы внуков шашлыком из индюшатины.

Пашахан, прожевывая пищу, кивком головы подтвердил слова жены и, сглотнув слюну, ответил:

– Иншаллах, жена. Вот увидишь, что индюшки загогочут во дворе.

Закончив обед и выпив стакан бархатистого чая, Пашахан сказал:

– Жена, ночью я плохо спал, хочу прилечь. Смотри, чтобы дети не шумели.

Пашахан только начал засыпать, как услышал громкий крик.

Вначале он не понял, что произошло. Попытался определить, откуда раздался крик. Затем он предположил, что это кричит Гюльбениз, помчался на застекленную веранду и выглянул в окно. Со двора слышался голос Гюльбениз.

– Ой, что за горе? Ой, конец нам. Какой негодяй с отсохшими руками сделал это? Да чтобы ты пропал, чтобы тебя Аллах наказал! – кричала Гюльбениз во дворе.

Хотя Пашахан и открыл окно веранды, но ему не хватило терпения разговаривать отсюда с Гюльбениз, и он, молча закрыв окно, спустился во двор. Гюльбениз, стоя посреди двора, причитала во весь голос. Пашахан, схватив жену за плечи, стал трясти её.

– Гюлю, успокойся. Объясни мне, что случилось?

Гюльбениз, бессильно помахав рукой в воздухе, указала на верхнюю часть сада. Пашахан посмотрел в указанном направлении и на мгновение застыл от увиденного. Утки, как снежные хлопья, распростёрлись по сторонам. Не веря своим глазам, Пашахан пару раз зажмурился, а затем, поняв, что это правда, с выпученными глазами опустился на землю. Словно ожидая такой реакции от мужа, Гюльбениз встала и подошла к нему.

– Ничего не поделаешь. Пусть будет приношением от наших детей и внуков. Ты, давай, иди домой.

Гюльбениз с помощью своей невестки Шахзаде, впопыхах спустившейся во двор, собрала уток и разложила их на земле. Пашахан, глядя на неподвижных уток, грустно произнёс:

– Жена, хотя верхняя часть нашего сада без забора, впереди него протекает канал, а расстояние от металлической сетки с соседями с трёх сторон достаточно большое. Мы никому не сможем ничего доказать. Поэтому молчи. Птицы, скорее всего, уже несъедобны, загрязнены. Отнеси и брось их в канаву в конце двора, пусть станут кормом для собак.

От горького плача Гюльбениз Пашахан растрогался.

– Не расстраивайся, заново куплю.

Увидев направляющегося в сторону дома мужа, Гюльбениз кончиком платка вытерла слёзы.

– Ай, киши, смотри, какой красивый у них пух, белоснежный, как хлопок. Жаль, хоть выщипала бы их перья.

Хотя Пашахан и покачал головой в знак согласия, он, не сказав ни слова, зашагал в сторону лестницы дома.

...Неожиданный крик словно стрелой вонзился в голову Пашахана. В испуге он вскочил с места. Первое, что он увидел, были изящные часы на входной двери комнаты. Обе стрелки часов стояли между цифрами пять и шесть. Пашахан вспомнил, что после происшествия с утками где-то около полутора часа он размышлял о причине этого происшествия, но так и не смог его объяснить. Если так посчитать, то он спал где-то около двух часов. Крик жены положил конец этим размышлениям. «Это уж точно голос Гюльбениз», – подумал Пашахан и, сердито поднявшись, пробормотал: «Да проклянет Аллах шайтана! Кажется, жена сошла с ума». На этот раз, не открывая окна на веранде, он прямиком спустился во двор. Пашахан сделал лишь пару шагов, как ноги его словно пригвоздили к земле. Он пригнулся, причитая: «Бисмиллах! Бисмиллах!» Совершенно голые утки, хлопая крыльями в воде, плавали в канаве, в верхней части сада.

– Господи, слава твоему чуду! – Пашахан, подняв руки к небу, совершал салават.

Пашахан, шокированным взглядом глядя вокруг, только сейчас заметил, как на него с выпученными глазами уставилась Гюльбениз, которая сидела возле песочного холмика во дворе.

В тот вечер во многих домах села основной темой для разговора стало «чудо», произошедшее во дворе Пашахана. Лишь спустя два дня «алкаш» Мами, работавший рабочим на винно-водочном заводе, который находился слева от дома Пашахана, смеясь, двумя-тремя предложениями, сказанными им в сельской чайхане, внёс ясность в это чудо.

– Эхх, что ещё за чудо? Мякоть, кожура, семя, кисть винограда, которые бродили для вина, были выброшены в канал. А утки, хорошенько «нагрузившись» этим вином, опьянели в стельку. Когда проснулись, то обнаружили себя совершенно голыми.

Ленкорань,2019

ЯШАР КАСЫМОВ

СОВЕТСКИЙ РЕНЕССАНС И ШЕСТИДЕСЯТНИКИ

(Раздумья о поэзии русских и азербайджанских шестидесятников)

Любое новшество художественного слова начинается с перемен в сущности и характере его героя. А новый герой – это уже следующий этап в развитии художественного мышления. Если говорить точнее, новый герой – это первое знамение качественных изменений в художественном процессе. Новые творческие принципы и эстетические нормы всегда формируются требованиями характера нового героя. В этом смысле высказывание *«новая литература начинается с нового человека»* (И.Бехер) имеет важное значение, так как художественный герой является основным общественно-эстетическим критерием, выражающим отношение литературы к жизненным истинам, конкретной реальной действительности в контексте времени и пространства. Другими словами, мировоззрение и сущность литературы характеризует её главный герой.

Шестидесятники засверкали на небе поэзии, как утренняя звезда в конце 50-х и начале 60-х годов прошлого века. Представители этой плеяды являются одними из самых знаменитых и «боеспособных» поколений прошлого столетия. Среди близких и далёких по времени поколений их можно сравнить разве что с художниками, творившими в тридцатых годах. Однако и такое сравнение не совсем полноценно. Дело в том, что в литературоведении термин «тридцатники» так и не смог полностью сложиться и не нашёл широкого распространения в литературном пространстве бывшего Союза. Поэтому он так и не стал ходовым эстетическим выражением. А термин «шестидесятники» уже давно получил широкое распространение в научной литературе и стал частью теоретической практики. Между этими двумя поэтическими этапами немало точек как типологической общности, так и противоположностей. Сближающий их главный типологический признак: приход обоих поколений в литературу с решимостью изменить и обновить мир художественного мышления. Однако в вопросах, касающихся методов по выполнению этой миссии, они резко отличались друг от друга. Вернее, эстетические цели этих двух поколений были совершенно противоположны. С другой стороны, общественно-политическая обстановка и среда также действовали на этих мастеров пера. Поэтому при выполнении цели, связанной с осуществлением грандиозной общенациональной культурно-нравственной перестройки, между ними возникли радикально отличающиеся друг от друга особенности.

При этом больше всего роднит тридцатников с шестидесятниками их протестный и бунтарский настрой. Первые отвергали предшествующий тысячелетний классический культурный опыт, а вторые попытались сделать то же самое в отношении литературы, созданной в последние 40-50 лет под влиянием и по указке советского режима. Тридцатники не принимали классическую культуру, ставили перед собой цель создания совершенно новой художественной системы. Шестидесятники же хотели вернуться к классическому литературному наследию и возродить национальную литературную традицию. И с этой целью они желали устранить из мира искусства фальшивые эстетические реалии, созданные советской системой, отказаться от них навсегда. Отличались эти два поколения не только целями, которые они ставили перед собой, но и средой, в которой они жили и творили. Тридцатники действовали под диктовку и при поддержке советской социалистической системы – новообразованной диктатуры пролетариата.

Шестидесятники же, естественно, были лишены такой заботы и внимания. А причина заключалась в том, что квинтэссенцией и ядром их художественного идеала были отрицание этой системы и стремление к национальной независимости, невзирая на все трудности, возникающие на их пути. Справедливости ради должны отметить, что уже в 60-е годы вслед за знаменитым XX съездом Коммунистической партии (1956) советская репрессивная машина в значительной степени лишилась своей прежней мощи. Однако молодые писатели с первых же шагов в области литературы на своих хрупких плечах стали ощущать громадную идеологическую тяжесть сверхдержавы. И шестидесятникам пришлось в течение всей жизни оберегать свои бойцовские и бунтарские натуры от прессинга данной тяжести. Все свои художественные реформы, поэтическую революцию они осуществили мужественно, невзирая на все боли и горечи, порождаемые данными обстоятельствами.

Несмотря на все различия между указанными поколениями, необходимо особо отметить одно неопровержимое обстоятельство, которое их объединяло и было характерно для шестидесятников; они родились из пепла сожжённых мечтаний тридцатников, были отзвуком подавленных, затоптанных голосов поэтической юности тридцатых годов. Если следовать формальной логике, преемниками поколения тридцатых непосредственно и естественным образом должны считаться художники, творившие в сороковые и пятидесятые годы. Но по диалектической логике самыми родными и близкими последователями тридцатников стали именно шестидесятники. Новая молодёжь с нежными чувствами вспоминала «потерянную» в общественно-политических бурях и катаклизмах юность. Шестидесятники наслышались легенд и преданий об их доблести, любви и заблуждениях. «Трагедия веры» казнённой юности, несмотря на прошедшие годы, оставалась в памяти и сердцах людей всё ещё свежей и неугасимой. Павшие за любовь и веру нашли себе прибежище в сердцах и памяти людей, создали почву для следующих поколений на негласное, бессловесное общение и соучастие. Шестидесятники вспоминали эту пламенную и наивную юность предшественников такими словами: «Помню, мне говорили, что на свете был один прекрасный поэт Мушфик» (А.Керим). Шестидесятники воспевали лидера того разочарованного поколения, как солнце поэзии. Халил Рза Улутюрк называл его «Полувосходившим солнцем». Мамед Араз же осуждает этих мракобесов – убийц, затмивших солнце поэзии, и пишет в честь и во славу тогдашней великой юности элегию «Обвинители солнца». Странно и то, что не только нравственный мир, но и эстетическое мировоззрение поэтической плеяды определили участь жертв той эпохи и того, что от них осталось. Иначе говоря, небытие породило бытие, из трагедии, скорби по безвозвратно ушедшим родились новые, не похожие на своих павших предшественников личности.

Считаем необходимым коснуться ряда факторов и признаков, сформировавших и характеризующих шестидесятников как поэтическую плеяду. Внимание привлекают своеобразные черты и особенности поколений, порождённые не только чисто поэтической необходимостью и процессом, но и естественным историко-биографическим ходом жизни. Те, кто дает оценку эпохе, часто не принимают в расчёт в равной степени эти два фактора. Часто большее значение придаётся первому из них. То есть, исходя из характера поэтического процесса, они пытаются рассматривать всех активных участников его как движение, имеющее однородный состав и статическое мышление.

Иногда даже профессиональные литературоведы затрудняются представить и определить в полной мере качество и признаки, которые сформировали шестидесятников как литературное поколение. Ведь отождествлять молодых авторов, вступивших на путь литературы в 60-х годах, с опытными мастерами пера, подошедшими к новому этапу в своём творчестве, и причислять их всех к одному и тому же художественному поколению было бы не верно с точки зрения эстетической реальности.

Нельзя не учитывать особенностей, обусловивших специфически художественный мир шестидесятников; на первый взгляд они кажутся ничем непримечательными, однако при внимательном рассмотрении они оказываются сущностными. Отмеченные нами признаки характерны не только для поэтического поколения и поэтического движения одной страны. Можно сказать, что на всём литературно-культурном пространстве бывшей советской империи, начиная с 60-х годов прошлого века, наблюдался художественный подъём, так как в литературу пришло новое, воинственное поколение. Среди них заметно выделялись те (художники слова), кто в своих произведениях опирался на литературно-нравственные и национально-исторические ценности, именно их и называют шестидесятниками.

Какие же существенные признаки отличали их от других участников грандиозного и сложного поэтического процесса?

Прежде всего следует отметить, что все они принадлежали одному поколению, все лидеры и активисты плеяды родились в 30-х годах прошлого века и имели примерно одинаковую биографию. Массовые репрессии оставили неизгладимые следы в сознании и памяти этих тогда еще детей. Другим страшным испытанием для них, испытавших на себе невероятные превратности и тяготы судьбы, стала Вторая мировая война. Большая часть шестидесятников очень рано потеряла своих родителей, а детство выпало на годы войны. Многие были детьми репрессированных или тех, кто погиб на войне. Несомненно, все это оставило неизгладимый след в их жизни и сформировало свойственные только им самим мироощущение и мировоззрение. По сравнению с теми, кто был всего на 5-6 лет старше них, это поколение относились к жизни более чутко. В их невинной, чистой детской памяти навалившаяся на них «взрослая жизнь» оставила болезненные следы. А с жизнью, привычной для взрослых, с которой взрослые «примирились», эти дети примириться не могли. Все это определило специфику мышления этого поколения.

Жизнь и судьба имеют странные контрасты. Если биологическое рождение этого поколения совпало с периодом массового истребления людей, их отроческие и молодые годы пришлись на кратковременный период оттепели, последовавшей после смерти Отца народов. Миру стали известны бесчисленные и невообразимые ужасы самой громадной империи мира, и самое большое воздействие это оказало на молодых и впечатлительных мастеров пера.

Поэтический почерк и эмоционально-стилевое своеобразие шестидесятников были определены, обусловлены именно этими неоспоримыми жизненными факторами.

Не имеющая аналогов общественно-политическая эпоха и неповторимый переходный период обретали вечность в виде своеобразных образов в лирике нового поколения. Соприкосновение с изменяющейся социальной действительностью и новыми формами общения давало возможность молодым поэтам обрисовать контуры совершенно других эстетических отношений и форм их отображения. Отказ от широко распространённого в то время и занимающего главенствующее положение «способа оптимистического отображения» жизни общества и происходящих в общественном бытии перемен, а также переход к совершенно новой форме отражения действительности – к *«средствам трагико-драматического отображения»* (Эдуардас Межелайтис) были ещё одной исторической заслугой литераторов «Новой волны». В основе грандиозных эстетических новшеств, блестяще проявляющихся в творчестве шестидесятников – качественно нового способа художественного отображения, лирических конфликтов и контрастов, новых и оригинальных средств поэтического описания, образов и системы образов, оборотов и выражений, семантико-логических комбинаций и словосочетаний, многих других поэтических открытий и находок, стояли усилия именно молодых писателей, отказавшихся от старой системы эстетического отображения.

Начинающие пускать корни в европейской поэзии и прозе и определяющие поэтический почерк века такие психолого-эстетические тенденции, как *«трагедия веры в человека»* и *«трагический оптимизм»* (Альбер Камю), дошли до литератур народов Союза именно благодаря художественному мужеству и бесстрашию шестидесятников. Страсть к изображению и показу изнанки жизни в среде, где отвергались тенденции и опыт трагического отображения действительности, стала у молодых мастеров пера неодолимой нравственной потребностью.

Видный учёный-литературовед, член-корреспондент НАН Азербайджана Яшар Гараев, хорошо знакомый с творчеством шестидесятников, ещё в 70-80-е годы прошлого века пытался обобщить эстетические преобразования и успехи этого литературного поколения, к которому относился и он сам. В этом плане живые и заставляющие размышлять замечания этого тонкого и трудолюбивого учёного, высказанные им в книге «Поэзия и проза», и сегодня сохраняют свою научную актуальность. Он пишет, что наряду с характерной идеей, размахом и масштабностью мысли эти стихи отличаются высоким уровнем и богатством культуры художественной формы. В нашей современной поэзии новый поэтический словарь, художественный синтаксис, сложность такта и ритма, признаки поэтического новаторства в ремесле слова нашли своё удачное выражение именно в этих стихах.

Хотя создание поэтического культа «мы» и считается одной из основных заслуг тридцатников, его провал и такие комплексные эстетические перевороты, как изменение в системе образов, формирование актуальной новой системы образов, впервые возникли непосредственно в творчестве шестидесятников и были новаторскими художественными качествами того времени. Ибо художественные системы, формируемые на основе лирических «мы» и «я», сильно отличаются друг от друга. И здесь необходимо особо подчеркнуть, что поэтическое высказывание одного из ярких представителей шестидесятников Евгения Евтушенко: *«Замена поэтического «мы» на поэтическое «я» в союзной литературе является одной из самых крупных заслуг нашего поколения»*, – дополняет представление о поэтическо-исторической миссии этой плеяды.

Следует отметить ещё один немаловажный исторический фактор, обеспечивший шестидесятникам объединение. Наверное, впервые в истории мировой художественной мысли возникло подобное естественное и жизненное слияние. Действительно, время и масштабы отмеченного нами художественного подъёма были в высшей степени поразительными. Так в составе единой огромной многонациональной и многоликой империи одновременно в литературу пришли представители почти всех пятнадцати республик. Их всех объединяли единые эстетические цели, энтузиазм и творческий задор. Во всех сферах мышления и искусства, науки и культуры, работая, творя в одном ряду с другими поколениями, шестидесятники всё же возглавляли этот процесс. Учитывая именно этот факт, видные шестидесятники Андрей Вознесенский и Вагиф Самедоглу назвали грандиозный и многосторонний культурный подъём 60-х годов «микроренессансом». И действительно, происходящее тогда во всесоюзной литературе можно было оценивать именно как национальный ренессанс. Одним из важных факторов, объединяющих шестидесятников, можно назвать служение одним и тем же эстетическим целям. Помимо этого, следует отметить также схожие черты их побед и поражений, их общую радость и печали. Всё это упрочило общность и своеобразные черты поколения. Интересно, что Е.Евтушенко, А.Вознесенский, Р.Рождественский, Б.Окуджава, Б.Ахмадулина в Москве и А.Керим, М.Араз, Х.Рза Улутюрк, Ф.Годжа, В.Самедоглу в Баку испытывали схожие трудности и притеснения. Русские шестидесятники в качестве художественного идеала воспевали А.Блока, С.Есенина, М.Цветаеву, А.Ахматову, Б.Пастернака. Заявляя: «Не продаётся Ахматова, не продаётся Пастернак», А.Вознесенский испытывал гордость за своих предшественников.

Азербайджанские же шестидесятники восхищались творениями М.Хади, Г.Джавида, Д.Джабарлы, А.Джавада, М.Мушфика и других авторов как смелых борцов за национальное раскрепощение, осуждали тех, кто затмил, заставил померкнуть эти яркие таланты. Словами «Я может и не полюбил бы Азербайджан, если бы он не вырастил таких сынов, как ты!» (1962) шестидесятники обращались к своему учителю, расстрелянному в 1937 году молодому поэту Микаилу Мушфику.

Как было отмечено выше, цельность и общность шестидесятников как плеяды обусловили в первую очередь само их творчество и их поэтические биографии. Литературные чаяния и идеалы, ставшие для них общими горести и проблемы, любимые темы и образы, актуальные лирические конфликты, к разрешению которых они стремились, отношение к художественному слову и вообще к искусству, их первичные эстетические заключения – всё это очень хорошо резонировало, гармонировало и было созвучно у этой молодёжи, сочетаясь с их самобытной судьбой. В то же время сходство их поэтических биографий, взлёты и падения, наличие возможностей и их отсутствие, природа их борьбы и препятствий, стоящих перед ними – анатомия всего этого напоминает близость и взаимосвязь между близнецами. Все шестидесятники с глубоким уважением относились к национальному и интернациональному классическому наследию. В их ранней лирике особой привлекательностью отличаются произведения, посвящённые таким знаменитым общечеловеческим гениям, как Деде Горгуд, Низами, Навои, Физули, Шекспир, Гёте, Байрон, Пушкин, Лермонтов, Шевченко и др. С большим вдохновением они переводили на родной язык лучшие произведения восточной и западной литературы. Гениальный русский поэт Пушкин был одним из любимых адресатов и образов молодых шестидесятников. Их переводы Пушкина имели важное художественно-эстетическое значение, вместе с тем производили впечатление своеобразного состязания в мастерстве с вечно молодым гением. Не только в русской и славяноязычной, но и в азербайджанской и узбекской поэзии произведениям и героям Пушкина были посвящены десятки стихотворений. Было написано много посвящений Пушкину, который был идеальным лидером не только для ведущих представителей шестидесятников – Е.Евтушенко, Р.Рождественского, А.Вознесенского и других, но и для всех шестидесятников.

Наличие общественно-политических давления и сопротивления и одновременно с этим безграничная любовь к шестидесятникам со стороны народа, огромной, бесчисленной массы читателей – всё это было источником, с одной стороны, крайне отрицательного, а с другой, невероятно положительного отношения к плеяде. В конце 50-х и начале 60-х годов в кипучей литературной среде Москвы такие гении прошлого столетия, как Б.Пастернак, А.Ахматова, А.Твардовский, были признанными покровителями молодого поколения. Не случайно их считали моральной опорой не только русской литературной молодёжи, но и всех шестидесятников бывшего Союза. Журнал «Новый мир», главным редактором которого был А.Твардовский, стал литературной трибуной нового демократического художественного фронта на всём огромном пространстве империи. Произведения самого сражающегося и бунтарского художника слова того времени А.Солженицына выходили в свет только на страницах «Нового мира». Конечно, в союзных республиках и речи не могло быть о широкомасштабной деятельности и храбрости, присущей А.Твардовскому, но и здесь были свои Твардовские. И Пастернаком, и Твардовским литературной среды тех лет в Азербайджане был поэт Расул Рза.

Устремления в глубь жизни, предпринятые шестидесятниками, предвещали рождение силы, способной коренным образом изменить не только литературу, но и саму жизнь. Новый лирический герой был носителем энергии, способной обновить художественно-эстетические вкусы времени и вообще всю систему общественно-нравственных отношений. А общий результат состоял в том, что молодёжь, вступившая на арену литературы с желанием изменить художественные идеалы и моду,

вскоре обнаружила в обществе, к которому принадлежала и она сама, непростительные пороки. Дело преобразования литературы и творчества превратилось для этих людей в дело коренного преобразования общества. Творчество шестидесятников превратило их из подвижников и реформаторов эстетического ренессанса в силу, обновляющую общество, т.е. подвижников общественной революции, и это является их отличительной чертой. В истории не так уж много литературных движений художественных систем, которые взяли бы под прицел устои государства и власти и мобилизовали бы все свои возможности для приближения их краха. Переполненные гуманистическими порывами, помыслами и влиянием демократически настроенной русской поэзии, тогдашняя поэтическая молодёжь сыграла главную и решающую роль в формировании нравственных устоев национальной независимости своих народов.

Однако начиная с 70-х годов различные условия, предъявляемые к художественному творчеству, оговорки, а также чинимые ему серьёзные препятствия не могли пройти бесследно для его эстетической природы. Часть литераторов нового поколения отошла от открытого и смелого отображения истины и оппозиционных настроений в отношении существующего политического строя. Другая же их часть была вынуждена изменить способы художественного выражения и отображения.

Так, участилось обращение к иносказаниям (читай между строк), многослойным метафорам, сложным и многозначным символам. Выход в творчестве шестидесятников на передний план своеобразных символических образов и вообще поэтического символического мышления был результатом отражения существующих общественно-политических давлений и воздействий на мир художественной мысли. Настоящие художники никогда не становятся на сторону злых деяний эпохи, не становятся добровольными свидетелями, а самое главное, соучастниками бесстыдной лжи, обмана и мракобесия. Как говорил один из многострадальных правозащитников XX столетия Александр Солженицын, нелжесвидетельствование само является подвигом. Выдающийся русский писатель очень чётко и чутко определил отношение искусства слова к правде и лжи: *«Писатели и художники могут сделать больше: они должны победить ложь! А в борьбе с ложью искусство всегда побеждало и всегда победит! Это ясно для всех как божий день! Ложь на свете может противостоять против многих вещей, но против искусства она не может противостоять. Вот почему, когда ложь становится явью, насилие сразу обезоруживается и потерявшее мощь насилие обязательно потерпит сокрушение»* (Александр Солженицын. Нобелевская лекция. Журнал «Новый мир». 1989 №2.).

Эти соображения, глубоко раскрывающие природу и сущность художественного творчества, были весьма близки шестидесятникам. Не только такие мятежные поэты, как Е.Евтушенко, А.Вознесенский, Б.Ахмадулина, Б.Окуджава, В.Высоцкий, но и представляющие боевую азербайджанскую поэзию мастера слова – А.Керим, М.Араз, Х.Р.Улутюрк – как своим творчеством, так и в плане занимаемых общественных позиций и активного отношения к современной им действительности были единодушны с А.Твардовским и А.Солженицыным. Академик Ю.Борев, обобщая свою творческую судьбу и судьбу шестидесятников, писал: *«Моё поколение – один из лучших плодов XX в. и, вероятно, лучший плод великого эксперимента создания советской цивилизации и культуры со всеми его недостатками и достоинствами»* (Ю.Борев. Времена. Сборник стихов. Вместо предисловия. Баку, «Сабах», 2012, с. 6.).

Можно с уверенностью сказать, что советская эпоха не дала возможности шестидесятникам полностью реализовать свой неиссякаемый художественный потенциал и энергию. Удивительно и то, что творческий подъём шестидесятников, приступивших к творчеству на волне грандиозной борьбы с советской эпохой, сходит на нет одновременно с крахом империи. И это остается в истории литературы как одно из невиданных явлений.

Литература, как мотылёк, стала жертвой ею же любимого пламени. Выдержавшее испытание временем известное выражение *«Литература в эпоху запретов процветает, на свободе же умирает»* (Ж.П.Сартр) словно сказано в отношении именно шестидесятников.

В одной из своих последних и самых лучших статей о шестидесятниках Анар, обобщая свои мысли и чувства, связанные с этим великим литературным движением прошлого столетия, очень красиво и верно выразил свою поэтико-философскую и глубоко человеческую эмоциональную печаль по своему поколению и соратникам-современникам: *«Булат Окуджава, Владимир Соколов, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Римма Казакова, Роберт Рождественский, Василий Аксёнов, Владимир Высоцкий, Иосиф Бродский – художники, прославившие шестидесятников… Жестокий приговор времени их всех до единого обрёк на неотвратимую погибель, фатальный ветер перемен унёс их всех одного за другим… Оставшийся в живых из этой когорты последний из могикан – это Евгений Евтушенко. Он является последним уцелевшим свидетелем неблагодарности современной эпохи по отношению к поколению шестидесятников. Это тот Евгений Евтушенко, чтобы увидеть которого при выходе из дома толпы людей становились в очередь, и он тот, кто увидел и осознал, что следующее поколение тех же людей его практически не знает, он же тот, кто ныне теребит золу уже потухшего очага. Евгений Евтушенко, которому суждено было проводить в мир иной своих сверстников, друзей, коллег и женщину-поэтессу, которую он некогда любил и которой он посвятил свои самые нежные стихотворения, Евгений Евтушенко, попавший не на чужбину родины, а на чужбину времени»* (Анар. Жестокость времени. «Эдебият газети». 21 июля 2012 г.).

Да, случилось именно так, что знаменитые мастера-художники, чье каждое выступление и стихотворение доходили и находили отклик даже на самых отдалённых окраинах империи, ушли в вечность своих национальных государств тихо и без всякой помпезности. Поэты, перетерпевшие и пережившие бесчисленные муки, горести и страдания, самые мужественные, бесстрашные и самые известные личности своей эпохи покинули этот мир и ушли в небытие как самые простые смертные. Вот ещё одна ирония судьбы: до окраин бывшей империи, которую в свое время бросали в дрожь и трепет их поэтические кличи и которую приводило в смятение каждое произведение шестидесятников, вести о смерти этой бунтарской поросли так и не дошли. Неожиданный приход в литературу этих необычных поэтов и их невероятно обыденный уход – ещё один парадокс мира и эпохи.

ПАМЯТЬ

У азербайджанской литературы был свой Николай Островский.

Фикрет Мурсагулов родился в 1955 году, умер в возрасте Христа – 33 года.

Фикрет ослеп в раннем детстве, но это не сломило его, он не только окончил школу-интернат для незрячих, но и факультет журналистики Бакинского университета, работал главным редактором в издательстве Общества слепых.

А жил то в интернате, то в общежитии, то в съёмной лачуге.

Книжка его стихов (перевод с азерб. Гия Пачхаташвили), изданная друзьями посмертно в 2015 году, называется «Утешение». О том, каким человеком был Мурсагулов, говорит то, что и спустя 25 лет он жив в памяти друзей.

ФИКРЕТ МУРСАГУЛОВ

Голос Левитана

Доброй ночи,
с добрым утром! –
потрясает естество,
ужасает – нету мочи, –
голос этот,
если даже
объявляет торжество.
О трагедии взывают
трубы рока,
выбьют дух
из изношенных до срока,
претерпевших всё старух.
Грозы мирные вздыхают
и, шипя, идут ко дну.
Мать сыночка прижимает
и не верит в тишину.

Дедушкины деревья

Как цвели оголтелые вишни!
Как и деда все сроки их вышли.
Та рука – топору у отца,
а другая – для саженца.
Сын познает значенье железа,
а у внука влеченье к черешням.

Зимняя элегия

Если бы этой зимы беда
лишь стужей себя проявила – тогда
я бы, шажками к весне курс держа,
льдинки швыряя ногой, не дрожал.

Можно отлично прожить без пальто,
но нестерпимы страданья зато,
когда понимаешь: пыхтенья напрасны,
и леденят горло цепкие пальцы.

Что будет в грядущем не знаю.
И верьте,
я даже не знаю про день своей смерти.

Если матери был я сыном...

Повстречаюсь с судьбою злою,
повенчаюсь с могильной плитою,
но омоюсь обильной слезою –
если матери был я сыном.

Долг сыновий воздастся сторицей,
повторятся похожие лица,
чтоб тоскою нездешней излиться –
если матери был я сыном.

Память пусть твоя рвётся пляской,
пусть врагов опрокинет тряска,
пусть внучатам останется ласка –
если матери был я сыном.

Перевод Марата ШАФИЕВА

ЗЕМЛЯКИ

МАРК БЕРКОЛАЙКО

Поминание Евгения О.

(из серии «Голоса from anywhere»[1])

1 апреля 1825 года

Но шпор внезапный звон раздался,
И муж Татьянин показался,
И здесь героя моего,
В минуту, злую для него,
Читатель, мы теперь оставим…

Александр Пушкин

Княгиня Татьяна Дмитриевна N., в девичестве Ларина. Во все время от раннего отъезда мужа и до нежданного появления Евгения я перечитывала его письма, написанные торопливо, с помарками и зачеркиваниями, неровно очиненными перьями, разбрызгавшими вокруг букв мелкие слезки чернил… И думала: «Как же они похожи на то письмо, что я писала ему пять лет назад»...

Князь Сергей Георгиевич N., генерал от кавалерии в отставке, экс-камергер. Сдержанность изменяла Татьяне редко, однако зимою я несколько раз заставал ее плачущей. «Нет, Серж, – отвечала она на попытки уяснить причину слез, – ничуть не больна… Что ты, друг мой, разве может женщина быть несчастна в таком браке, как наш! Но недавняя смерть моей бедной няни…».

Князь Сергей Георгиевич N. Я оставлял расспросы, уходил чуть не на цыпочках, удивляясь самому себе, – moi-meme, un vieux guerrier[2], – что так беззаветно люблю женщину, которую не понимаю с тем же смирением, с каким принимаю неисповедимость путей Господних.

Княгиня Татьяна Дмитриевна N. Но прошлое – хоть оплакивай его, хоть забывай – оставалось только прошлым; письма – хоть рви их, хоть целуй – оставались всего лишь листочками бумаги, однако все стало сумбурным настоящим, когда передо мною возник Евгений и коленопреклоненно припал к руке...

Чьей?! Тани Лариной, для которой прическа, румяна, цвет и крой платья были не заслуживающими внимания мелочами, или княгини N., которая ни мужу своему, ни лакею или кучеру не желала бы явиться такою, какой нечаянно предстала перед Евгением – в ночной сорочке и пеньюаре, бледной, неубранной, с заплаканными глазами?!

Но как он узнал, что кузен его, мой муж, поскакал на рассвете куда-то? – не понимаю.

Как угадал расположение наших комнат и лестниц, как сумел пройти незамеченным в мой будуар – до сих пор не знаю, но в то утро «Дня дураков», – сказочно теплое, первое такое после череды морозов и мрачной непогоды, – я силилась понять другое: к чьей все же руке припал Евгений?!

[1] Отовсюду, откуда угодно (англ.)
[2] Себе, старому вояке (фр.)

Исстрадавшейся в духовном одиночестве наивной Тани Лариной, влюбившейся в него безрассудно и бесстыдно, но которую он счел до смешного неинтересной, или княгини Татьяны Дмитриевны N., которую ныне мечтает завоевать?!

«И он смеет быть уверен, – мысленно кипела я, – что моя гордость падет перед его дерзким появлением и этим коленопреклонением?!»

«Да, я рыдаю над его письмами, – билось в голове моей, – но оттого лишь, что столичной княгине N. горестно за провинциалку Таню, мечтавшую когда-то, чтобы губы Евгения О. приникали к ее руке с такой кружащей ей голову страстью!»

Но, почувствовав, что и моя голова вот-вот вскружится до обморока, заговорила…

Князь Сергей Георгиевич N. Бесподобное то было утро! Еще затемно в форточку пробралось теплое дуновение, и я подумал спросонья, что караульные костры слишком далеки от моей палатки, и ветер не может донести до меня их жар...

Но когда в глаза ударил луч солнца – вставай, мол, лежебока: весна! – я понял, что не на биваке, что ветер доносится до моей спальни не с залива или Невы, а откуда-то из тех краев, где о зиме давно забыли. И я вскочил, забыв поохать привычно, и истерзанное ранами тело мое потребовало былой молодости, но где же и как обрести ее боевому кавалеристу, ставшему обрюзгшим царедворцем? Да в поле, да на коне – что за вопрос!

Точно так думал и Абрек, когда мчал меня не в тот надоевший нам крытый манеж, в котором столичные вертопрахи демонстрируют выездку разряженных лошадей, а на поле для маневров лейб-гвардии Конного полка. Ах, что мы там с ним вытворяли! На его темном крупе пятна от грязи, взлетавшей из-под копыт, были почти не видны, зато мой камзол и лосины стали леопардовыми – но что с того, ежели с каждой минутой нам с гнедым моим другом становилось даже не теплее, а жарче!

И, охваченный шальным весельем, я решил, что, не приводя себя в надлежащий вид, являюсь devant sa precieuse epouse[1] таким вот сущим дикарем, и она, завидев меня столь pas noble[2], рассмеётся, я ответно расхохочусь, и Абрек, будто услышав нас, разразится буйным ржанием!

А все потому, что весна!

Княгиня Татьяна Дмитриевна N. – Довольно, встаньте! – велела я. – Моя рука – не чудотворная святыня, а вы не богомолец, всю жизнь мечтавший припасть к ней!

…Он стоял молча, а я говорила.

О том, как несносны попытки придать ореол искреннего чувства его тщеславному желанию обладать той, чей позор был бы всеми обсуждён и осуждён, отчего слава рокового соблазнителя Евгения О. засияла бы новым блеском. О том, как благороден он был с Таней, убеждая, будто она создана для кого-то, но не для него, однако теперь, – какая злая насмешка, какая чудовищная перемена! – склоняет к неверности ту же Таню, ставшую женой не неведомого «Кого-то», а именно Сержа, который всегда был для него, Евгения О., больше, чем кузеном, а в тяжелые годы отверженности заменил ему отца, этого не повзрослевшего enfant terrible[3], промотавшего немалое состояние.

…Я говорила взахлеб, а он оставался недвижен и безмолвен.

Говорила словно бы уже не ему, а самой себе, пока не поняла, что топчу не прежнего Евгения О., едким и скептическим умом оградившего от мира душу свою, а совсем другого человека.

[1] Перед своею драгоценной супругой (фр.)
[2] Не вельможного (фр.)
[3] Балованный (дословно – ужасный) ребенок (фр.)

Беспомощного оттого, что стал навсегда моим – и неужто именно так суждено было сбыться мечте Тани Лариной?!

И я поверила, что он не требует и не просит ничего иного, как возможности видеть меня; что он жив только в тот из дней, в который мы раскланялись хотя бы издали, а уж в тот, когда перемолвились, – живет счастливо.

Поверила его единственному желанию – чтобы я знала, как безмерно и безнадежно он любит меня.

И поверила своему единственному желанию – чтобы он знал, как безмерно я люблю его… но тоже безнадежно, ибо всегда буду верна Сержу.

А поверив, сказала это – и ушла прочь.

Забрав его письма и желая умереть, прижав их к груди.

Он тоже все понял, мой изменившийся Евгений О., – и за мною не пошел.

Князь Сергей Георгиевич N. Матушка моя в девичестве была О. и имела брата, в родах которого их общая мать умерла. Вскоре скончался и отец их, а ребенка, будущего отца Эжена, взяли на воспитание мои родители. Матушка, весьма строгая со мною, родившимся через несколько лет, для брата своего так и осталась жалостливой старшей сестрицей, да и отец мой был с юным шурином весьма мягок – а зря. Избалованный мальчик вырос и после вступления во владение своей долей большого состояния стал взбалмошным взрослым. Под стать себе и пару нашел: легкомысленная фрейлина императрицы, едва родив Эжена, влюбила в себя несметно богатого бывшего екатерининского вельможу и стала ему не просто любовницей, что было и есть весьма заурядно, а как бы дражайшей супругой. Второй, впрочем, при наличии здравствующей первой – законной, но надоевшей. Своим щекотливым положением все же тяготясь и забыв, что муж ее при живой жене станет полувдовцом, а сын при живой матери полусиротою, ветреница уговорила новообретенного полумужа, что жить им надобно в Карлсбаде: ему – дабы лечебными водами лета свои длить, ей – чтобы в глазах местной знати, ничего о пылающих страстях холодного Петербурга не знающей, казаться женою «русского набоба».

Эжена же, никогда матери не знавшего, свет поначалу принял ласково, но когда беспутный отец его оказался к 1818 году разорен, зачислил некогда завидного жениха едва ли не в изгои – и он, исколотый холодностью тех, кто недавно клялся ему в вечной приязни, стал знаться лишь со мною, но был так требователен и раздражителен, будто именно я был всему виной.

Что же до меня, то, поступив на военную службу в шестнадцать лет, – когда Эжену едва год исполнился, – я воевал во всех войнах того бурного времени, был несколько раз ранен, едва выжил и, оказавшись самым молодым в Российской империи генералом от кавалерии, ужаснулся вдруг тому, что близок к сорока, но одинок. Однако куда ж мне было думать о семье, когда на руках моих оказался ставший почти бедняком и впавший в злую хандру Эжен?!

Что ж, я смирился. Я решил, что эполеты мои не по годам пышны, а жизнь мне сохранена не потому, что сверх меры достоин, а оттого, что Богом призван. А у каждого призванного – свой крест; моему, стало быть, суждено было зваться Эженом.

… Но внезапно кузену моему был дарован прежний достаток, а мне – нечаянное освобождение: умер его дядюшка по матери. Этот достойный господин сестру свою осуждал, единственного племянника жалел, а потому завещал ему свое большое имение в Псковской губернии. Куда Эжен вскоре и отбыл, напустив на физиономию Чайльд Гарольдов скепсис, но весьма довольный тем, что дядюшка благоразумно успел скончаться до его приезда…

А я, теми же днями перешедший на придворную службу и избавленный теперь от парадов, смотров и родственной обузы, принялся искать жену с той же решимостью, с какой Суворов брал крепости.

Но прошло два года, и стало ясно, что легче взять штурмом укрепленную по канонам фортификации крепость, нежели найти жемчужину в повсеместно разбросанных нечистотах!

«Может, ее вообще нет, – задавался я вопросом, – среди шальных, балованных детей, среди скучных злодеев и привязчивых судей, среди кокеток богомольных, среди холопьев добровольных, среди блистательных глупцов, учтивых измен и холодных приговоров[1]?!»

А в 1822 году, приехав по делам в Москву, увидел там все то же, но усугубленное московским барским чванством.

И совсем отчаялся, как вдруг, поздней весною…

Княгиня Татьяна Дмитриевна N. Уже прикрывая дверь спальни, услышала далекий звон шпор Сержа и подумала с фаталистическим спокойствием, что ссора и дуэль между кузенами неизбежны, что оба стреляют отменно, стало быть, один из них, мне бесконечно дорогих, погибнет, а мне не останется ничего, как уйти за ним следом. И, как бы готовясь к неизбежному, сняла пеньюар, улеглась в постель, положив письма Евгения на грудь, и приготовилась умереть…

Князь Сергей Георгиевич N. А поздней уже весною, на балу, тоскливом, как и все балы в чужом и чуждом городе, я увидел ее в окружении типичных московских матушек-тетушек – и не смог отвести глаз. Старые карги с зоркостью хороших дозорных мигом это заметили, через пару минут по залу уже гулял шепоток, да мне было все равно…

Попросил хозяина дома меня представить. «Кто эта девица?» – спросил по пути в самый дальний и тихий угол зала. «Провинциалка, – ответил тот с улыбкой прожженного интригана, – из Псковской губернии, кажется. Привезена в Москву на выданье, да дело-то не складывается, потому как не танцует и молчалива».

Не танцует? – так и я из-за искалеченной ноги своей не танцевал. Молчалива?! – да мы с нею всего через несколько минут болтали так непринужденно, будто знались с малых ее лет…

Спросил, что любит читать. Она перечисляла, а я удивлялся, какая богатая библиотека у ее простоватой на вид матушки. Но барышня пояснила, что в родительском доме книг мало, кое-что из Ричардсона, да и только, зато у владельца соседнего имения их было очень много, и покойный охотно ее просвещал.

– Так не о дядюшке ли моего кузена речь идет? Вы, наверное, и с Эженом, Евгением О., его наследником, знакомы?

– Бывал у нас раза два, не более.

– А где же этот злодей и преступник, – не возражай, Татьяна, злодей и преступник! – теперь обитает? – вмешалась ее матушка.

– Путешествует, однако почему вы его так называете?

– Да не я одна, вся губерния в этом единогласна! Представьте, убил на дуэли друга своего, жениха моей младшей дочери!

– Ах, это! Так губерния, к сведению вашему, не единогласна: назначенная губернатором комиссия во всем разобралась и признала виновным некоего Зарецкого, секунданта трагически погибшего юноши. Он обязан был сделать все, чтобы соперников примирить, однако старый шулер будто бы еще вампиром оказался и молодой крови алкал. Даже когда Эжен, в последний раз пожелав обратить все в безделицу, привез с собою в роли секунданта слугу, что правилам противоречит вопиюще, Зарецкий, этот истинный преступник, вместо того чтобы поединок отменить, заставил приятелей стреляться…

[1] Приблизительное цитирование окончания шестой главы в первом издании романа, позже самим Пушкиным измененного.

А Эжен… что ж, это ведь я ему руку поставил и научил бить без промаха, так и меня, по-вашему, следует в злодеи записать?!

– Что вы, князь! – вскричала будущая моя теща, – помилуйте! Откуда ж нам, провинциалкам, тонкости дуэльных правил знать?!

– Но несчастная дочь ваша гибель жениха до сих пор, наверное, оплакивает?..

– Ничуть, – возразила Татьяна, и видно было, что заступничество мое за Эжена ей по сердцу. – Едва полгода прошло, как замуж за улана вышла. Под венцом дивно была хороша, жаль, Владимир Л., столько стихов ее красоте посвятивший, не смог полюбоваться.

– Татьяна, что ты говоришь, это mauvais[1]!

– Но ведь так, maman, и было!

… А тремя неделями позже, когда сделал ей предложение, девчонка дерзкая ответила: «Вы мне приятны, а титулы и звания ваши – безразличны. Что же до любви, то в романах она описывается превосходно, да боюсь, не так уж красочна в жизни».

Господи, спасибо тебе за это ниспосланное мне чудо!

Которое не понимаю, зато принимаю с восторгом.

Княгиня Татьяна Дмитриевна N. Но странно, сердитые голоса из будуара моего не раздавались, а разговор, как мне казалось, был тих и доброжелателен. И я поняла, что ссоры не будет, что они разрешат возникшие сложности, оберегая меня и мою репутацию, – и стало легко, и полились слезы благодарности судьбе за то, что меня любят двое таких необыкновенных мужчин.

И умирать расхотелось…

Князь Сергей Георгиевич N. Встретив осенью 1824 года вернувшегося в Петербург Эжена, я обрадовался, конечно, но и встревожился: почудилось, будто безоблачному моему счастью что-то угрожает. А потому, увидев его в будуаре жены утром 1 апреля следующего года, закончившегося для России так ужасно, я утерял всю дарованную мне весной и Абреком радость, и подумал: «Вот оно!» А он, не отпрянув и не сделав шаг навстречу, стоял поникнув, чуть ли не с закрытыми глазами, меня не замечая – и щегольский рединготего казался еще более грязным, нежели мое заляпанное одеяние для верховой езды.

– Эжен, как ты здесь!? – прервал я глупое молчание. – Не находишь, что это несколько неуместно?

Нескоро он очнулся и почти прошептал:

– Вообще все неуместно, Серж: мое возвращение, появление в хорошо мне знакомом доме твоем и в жизни твоей, которую немало отягощал ранее, но еще более отягощаю теперь... Дело в том, что я безумно люблю Татьяну….

– И что же мне делать прикажешь?! – ярость душила меня. Не ревность, нет, клянусь, если б жена сказала, что полюбила другого, я счел бы это все той же неисповедимостью. Но Эжен, этот несносный мальчишка! Я вспомнил наши совместные похождения; вспомнил, каким успехом он пользовался у женщин, убеждая меня при этом, что завидовать ему не стоит, поскольку все его победы en matière d'amour[2] проистекают лишь из легкомысленного отношения к прекрасному полу, да другого он и не заслуживает. Как язвил, когда я возражал, что бывают, наверное, и исключения – и что же?! Я нашел свое исключение, полюбил, обрел счастье – и теперь он, обезьяна-подражатель, завидуя мне, избрал себе мою же избранницу?!

О, я безумно хотел высказать это, но, едва произнеся несколько слов, сообразил, что все, наверняка, уже высказала ему жена. И замолчал, и только повторил:

– Так что же мне прикажешь делать?!

[1] Дурно (фр.)
[2] Делах любви (фр.)

Долго-долго длилось молчание.

Наконец, он произнес:

– На твоем месте я вызвал бы наглеца и пристрелил без жалости. Кстати, и мой приятель, Владимир Л., был бы отомщен.

Мне стало смешно:

– Ты предлагаешь мне драться с тобою, с кузеном, которого я же и воспитывал, да жаль, недовоспитал?! Чтобы Татьяна стала опозорена, чтобы сам я, как с ума сошедший инвалид, жалостливо был бы изгнан отовсюду – нет слов, итог прекрасный! Да вот беда, не желаю с тобою к барьерам сходиться, слишком много чести для никчемного штафирки – от генеральской руки пасть. В хорошем французском театре публика за подобную пошлость актеров тухлыми яйцами бы закидала. Уж ты окажи нам с Татьяной милость, придумай что-нибудь более сценичное!

– А знаешь, придумал! – оживился он. – Завтра же поеду в свое имение, подготовлю его к продаже за достойную цену, а к январю отправляюсь по санному следу и с немалыми средствами куда-нибудь за Кавказ. Там приму ислам, заведу гарем и погружусь в вечный кайф. Прощай, надоевшая Россия, здравствуй, «Тысяча и одна ночь»! Только как думаешь, что мне более будет к лицу: персидская шапка или турецкая феска?

Я ответил что-то, мы поёрничали еще с полчаса – и он ушел, даже не сделав попытки подать мне руку.

Да и я ему вслед едва поклонился.

И направился к жене – не повеселить, так удивить.

Но это она меня удивила – спала спокойно и мирно. Так, наверное, дети спят, уверившись, что страшное с ними случается лишь во сне.

От шагов моих проснулась, спросила: «Как прогулка?»

– Превосходно! – ответил. – Кстати, невзначай Эжена встретил.

– И что же он?

– Велел тебе кланяться и передать, что уезжает очень надолго. Мы с ним, считай, уже простились.

– Вот и ладно! – согласилась она.

Бросила в ящик ночного столика три письма («Это от Эжена! – догадался я. – Это ж она над ними плакала, а не по няне!»), потянулась сладко и спросила неожиданно:

– Друг мой! Неужели я одна думаю, что наш союз давно пора ребенком скрепить?

О! Конечно, не одна она так думала!

А за секунду до того, как отдаться мне с изумляющей пылкостью, она, моя непостижимая, прошептала: «Серж, дорогой! Это же по моей невольной вине вы с Эженом никогда больше не увидитесь. Так давай, чтобы тебе это имя в памяти и душе сохранить, назовем наше будущее дитя Эженом, если будет мальчик, и Эжени́ – если девочка!»

1 апреля 1826 года

Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука,
Все это было только скука…

Александр Пушкин

Княгиня Татьяна Дмитриевна N. Беременность протекала так легко, что светские матроны наперебой твердили, будто ношу я мальчика, которому покровительствовать будет не Арес, как его отцу, но гораздо более мирные Аполлон и Афина. На что я отшучивалась «Лишь бы не Дионис!», а сама была уверена, что родится девочка, характера, непременно, боевого.

И точно, вскоре отец прозвал Эжени «кавалерист-девица».

Тоже, наверное, шутил, стараясь отвлечь меня от беспокойства по поводу того, что день моего разрешения от бремени был днем мятежа на Сенатской, а первый крик дочери минута в минуту совпал с первым залпом пушек, из которых русские артиллеристы расстреливали картечью русскую же пехоту.

Князь Сергей Георгиевич N. Татьяна роды сносила с воистину воинской стойкостью и стонала так тихо, что я, находясь в своем кабинете, ничего, кроме залпов на Сенатской, не слышал. Безотлучно находящиеся при ней лучшие в Петербурге доктор и акушерка уверяли, что все идет «по классике», но я все равно умирал от беспокойства – еще и потому, что не верил, будто ураган, обрушившийся на Россию, нас с женою минует.

И мучило сознание, что междуцарствие и близость войны своих со своими были преступно рукотворными.

Александр Павлович, занятый духовными исканиями и искуплением несчастной гибели отца, завещание оставить не соизволил.

Константин Павлович, – с которым я в нескольких сражениях дрался бок о бок и которому, с надеждой на лучшее, присягал в конце ноября, – с не свойственным военным людям двуличием трон не принимал, но отречение не подписывал.

Зато Николай Павлович, ничтоже сумняшеся, как и полагается ничтожеству, объявил вчера, 13 декабря, себя императором.

И, измученный ожиданием известий из спальни жены, я проклял Петра, так бездумно устроившего государственность российскую, что после его смерти единственными дееспособными правителями была дочь, рожденная от распутной немки, а следом за нею еще одна немка, уже чистокровная, вскарабкавшаяся на русский трон по трупу мужа и еще более распутная. Господи, прости! Проклясть Петра Великого, у памятника которого собралось, как мне докладывали, три тысячи солдат, а горожан – еще больше?!

Но для чего же собрались эти дуралеи?! – не Сенат осудить, который две недели назад присягал одному брату, а сегодня, темным утром 14 декабря, – другому; не призвать обоих этих братьев твердо соблюдать правила престолонаследия – нет, вышли конституцию требовать, не желая того признать, что рассудительные британцы прекрасно и без нее обходятся, а от века безрассудные русские ею будут, как метелкой, пыль с сапог смахивать!

Княгиня Татьяна Дмитриевна N. Он разглядывал дочь с такой нежностью, что я даже возревновала. Но заметила в его волосах, столь густых, что многие дамы завидовали, гораздо больше седины, чем было еще вчера.

– Что это, Серж? – спросила я. – Бедный мой, ты так за нас с малюткой тревожился?

– Да, – ответил он, почему-то не глядя мне в глаза, – безумно тревожился.

– Знаешь, когда Эжени в руках повитухи закричала, я стала так счастлива, что мне показалось, будто крик этот салютом издали приветствовался.

– Так и было, милая, хотя и не очень издали – с Сенатской. Но лучше тебе, да и мне тоже, об этом салюте забыть, пусть в нашей памяти из всех громких звуков дня останется лишь первый крик нашей дочери.

Князь Сергей Георгиевич N. 15 декабря я передал министру двора прошение об отставке со всех занимаемых постов, объясняя это желанием всецело посвятить остаток дней своих воспитанию новорожденной. Николай, к счастью, удовлетворил мое прошение без вызова на аудиенцию – и мне не случилось высказать ему в глаза то, что он счел бы непростительным вольнодумством…

Итак, не присягнув новому императору и, – по его распоряжению, – лишенный каких-либо прощальных вознаграждений, я оказался свободен от всех, кроме Господа и mes precieuses filles, Tatyana et Eugenie[1].

А в начале марта следующего года меня попросил приехать Бенкендорф, генерал-лейтенант от кавалерии, командовавший кровавым подавлением недавнего мятежа и принявший активное участие в преследовании его участников.

Письмо, меня приглашавшее, было почтительно, как и положено при обращении к старшему по званию; он вышел навстречу мне в приемную, провел в кабинет, установил себе стул поближе к моему креслу, желая подчеркнуть интимность беседы – и я понял, что внутренне он стеснен донельзя.

– Речь, Ваше сиятельство, пойдет о Евгении О..

– Но он, как мне представляется, в краях далеких.

– Увы, слишком близких. В Петропавловской крепости.

Княгиня Татьяна Дмитриевна N. Когда Серж вернулся, я по виду его сразу поняла, что случилось нечто ужасное. Оказалось, что, продав имение, Евгений, о котором мы вестей, кроме этой, не имели, совсем было собрался уехать куда-то в края южные, но ранним утром того дня, который я не в силах называть роковым, ибо он подарил мне дочь, отправился погулять напоследок по Петербургу. Пошел, любопытствуя, за колонною солдат лейб-гвардии Московского полка и к одиннадцати часам оказался на Сенатской – чуть не первым из сочувствующих мятежникам горожан. Сделал попытку убедить офицеров, что бессмысленно стоять у здания Сената, из которого члены его, присягнув в семь утра Николаю и сочтя патриотический долг свой исполненным, разъехались по домам; что необходимо срочно захватить Зимний и Петропавловку. От него отмахнулись и остались просто стоять. Евгений высмеял их, ушел, но в пять пополудни нелегкая вновь привела его на Сенатскую, уже освещаемую сполохами залпов, и когда площадь опустела, он единственный ходил между убитыми и ранеными… похожий на священника, отпускающего грехи уже недвижным и обещающего вечное утешение еще стонущим. Когда же к нему подбежали жандармы, обозвал их трупоедами, и они отволокли его в управление.

Князь Сергей Григорьевич N. А там он наговорил такое, что, по словам Бенкендорфа, писари несколько раз бросали перья, не решаясь вносить в протоколы подобную крамолу. Но ведь почти все заговорщики от взглядов своих отреклись, только Каховский, смертельно ранивший генерала Милорадовича, выражал от имени угнетенной Польши ненависть к престолу, да полковник Лунин, набравшийся вольнолюбия в той же Польше и прибывший на допросы лишь в апреле, держался твердо… Так то были люди, к заговору более чем причастные – Эжен же… подследственные пожимали плечами, услышав его фамилию! Редко кто припоминал «этого О.», но и они уверяли, будто этакие бонвиваны к заговорам не примыкают.

«Однако ваш кузен заявил, – вздыхал Бенкендорф, – что **любая** монархия есть **сумма** бездарности и пошлости, но **российская** превзошла все прочие, умудрившись превратиться в бездарность, **помноженную** на пошлость. Что крепостное право – срам, что будь русские крестьяне свободны, они работали бы не хуже англичан; что он, следуя Адаму Смиту, заменил у себя в имении барщину на легкий оброк, и доход его удвоился. Но нашим помещикам рабов непременно подавай – так к черту же их всех заодно с Романовыми!»

[1] Моих драгоценных девочек, Татьяны и Эжени.

Княгиня Татьяна Дмитриевна N.

– Это какая-то мистика, – говорил Серж, – ведь за минуту до рождения Эжени я орал в кабинете то же самое, но наедине с собою. А Эжен сказал все жандармам и потребовал, чтобы каждое слово было занесено в протокол! И значит, мы не только с ним мыслями совпадаем, так он, кого я считал пустым повесой, еще меня, боевого генерала, мужественнее оказался?!

Князь Сергей Георгиевич N. Еще два раза я посещал ставшего почти ненавистным мне коллегу-кавалериста Бенкендорфа.

В первый, позабыв о том, что он ниже меня по званию, буквально умолял выхлопотать для меня аудиенцию у императора; убеждал, что мой кузен, будучи аффектирован ужасными событиями, невольным свидетелем коих оказался, виновен всего лишь в том, что наговорил жандармам глупостей.

– Ах, если бы! – отвечал Бенкендорф. – Он заявил еще, будто уговаривал гвардии штабс-капитанов братьев Бестужевых и Щепина-Ростовского немедленно двинуть солдат на Зимний и Петропавловку, называя их мирное стояние бабьим бунтом… точнее, бунтом Лисистраты, что делает честь его знанию греческой словесности, но не уму. Да за одно это, Ваше сиятельство, его следовало бы расстрелять без суда и следствия, да к счастью для вас… кстати, поздравляю с первенцем! Девочка, кажется? Как крещена, позвольте спросить?

– Евгения. Эжени.

– Нда-а-а… Надеюсь, в этом случае имя к добру окажется… Так вот, все три штабс-капитана эти признания отвергают – мол, выдумал господин О., рисуется… Ох, тяжелы времена наши! Во Франции пылкое якобинство давно не в моде, зато теперь у нас в чести… Ваше сиятельство, послушайте совета: доверьте хлопоты перед Государем мне. Он на вас за демонстративную отставку весьма обижен…

А во второе мое посещение вроде как бы и обрадовал:

– Уверяю вас, Ваше сиятельство, что на моем месте никто большего бы не добился. Учитывая некоторую странность ситуации, то есть то, что образ мыслей кузена вашего заслуживает наказания самого сурового, но отсутствие противоправных деяний виновность эту уменьшает, Государь повелел отправить господина О. рядовым Отдельного Кавказского корпуса под личную ответственность генерала Алексея Петровича Ермолова, чьи приятельские отношения с вами хорошо известны. Все состояние господина О. будет конфисковано в пользу казны.

Княгиня Татьяна Дмитриевна N. Серж добился для меня возможности увидеться с Евгением на пересыльном пункте, и я встретилась с ним в День дураков, ровно через год после того, как он вихрем ворвался в мой будуар.

… Это было ужасно: впервые я увидела воочию, что значит забрить лоб в солдаты – вся передняя часть головы Евгения была голой, с многочисленными порезами, хорошо, если не грязной, ржавой бритвой.

Вечерело – и ставшие неправдоподобно большими глаза его блестели в сумерках так лихорадочно, что мне словно передался этот воображаемый жар, и я, ослабев, опустилась на колченогий табурет.

А Евгений, как и год назад, пал передо мною на колени. Но не в сюртуке и щегольском рединготе, а в серой гимнастерке, столь явно ему тесной, что казалось, будто он не может шевельнуть рукой.

Он и не шевелил, руки его беспомощно повисли… и мою руку не стремился целовать… просто приникал к коленям моим все сильнее, и я чувствовала через платье, нижнюю юбку и чулки, что никакого жара у него нет, что, напротив, ему безумно холодно. И стала гладить плечи его под грубым сукном, волосы на затылке, тем же безжалостным цирюльником укороченные неровно – но все равно, я гладила и гладила,

спешно отдавая ему хоть толику той ласки, что могла бы быть между нами, но не было ее никогда и никогда не будет.

– Мне сказали, у вас появилась дочь, – произнес он наконец глухо, в мои колени. – Это чтобы от меня отгородиться надежнее?

– Да.

– Как назвали?

– Эжени.

И тогда он заплакал.

И я заплакала тоже.

Мы дружно лили слезы в холодной комнате с низким потолком, почти в каземате – потому что шесть лет назад не стали дружно счастливы в саду, словно плывущем в августовском воздухе… но нет, мы предались тогда вещам гораздо более важным: он – менторским наставлениям, я – почти ненавистью к нему за них.

… А время шло, за дверью уже слышны были нетерпеливые переминания караульного, и я спросила:

– Зачем ты сделал все это 14 декабря?

Он вскочил, как подброшенный.

– Да затем, что все царствование Александра после великой победы над Бонапартом было дикой нелепицей! Что перебрасывание короны от брата к брату было дикой нелепицей. Что и мятеж, это рабское стояние солдат в шеренгах… впрочем, нет полурабское, потому что стояли по команде «Вольно!» – был того же сорта. И непотребство моей матери, и никчемность отца, и то, что ты написала мне о своей любви, а я отнесся к этому, как к забавному анекдоту, и смерть Владимира, и то, что я безумно полюбил жену человека героического и великодушного, – все, все, все было дикой нелепицей! Но не может одна несчастная страна быть постоянным средоточием диких нелепиц! Не должна судьба одного человека быть цепочкой диких нелепиц! И 14 декабря стало, наконец, возможно изменить, срочно изменить – Россию и жизнь свою. Но Россию – не удалось, так я хоть изменил жизнь, выкрикнув все, что переполняло!

– Если так, я поеду за тобой! Это суждено – и будь, что будет!

– Что будет?! А я тебе скажу, что будет. Ты возьмешь с собою дочь – невозможно же малютку оставить! За вами поедет Серж – невозможно же вас оставить! А Бенкендорф отправит за ним соглядатаев – невозможно же оставить без присмотра двух полных генералов, за которыми Особый Кавказский корпус пойдет куда угодно, хоть на Стамбул, хоть на Петербург. Замечательный же у меня, новобранца, будет эскорт: княгиня, князь, княжна и филеры! Нет, Таня, нет…

В первый и единственный раз назвал меня так, как называла няня; как мысленно я обращалась сама к себе…

И его увели.

А уже 2 апреля отправили не в Персию или Турцию, где он грозился жить, ласкаемый гаремом, а в крепость Грозная – на войну.

1 апреля 1827 года

Что ж он? Ужели подражанье,
Ничтожный призрак, иль еще
Москвич в Гарольдовом плаще,
Чужих причуд истолкованье,
Слов модных полный лексикон?..
Уж не пародия ли он?

Александр Пушкин

Егор Егорыч Т., отставной гвардии вахмистр Особого Кавказского корпуса. Как этого барина чудного к отделению моему приписали, я насторожился: «Ох, намаюсь с ним!» Тем паче слушок был, что об нем самолично Его высокопревосходительство Алексей Петрович Ермолов беспокоится, вроде как о сродственнике приятеля своего ближайшего.

«Так ты, Егор, поаккуратнее с ним, – велел мне секунд-ротмистр, – кулачищи в ход не пускай». Я аж обиделся: «Кто это, Ваше благородие, сказать может, будто я не аккуратен бываю?! За двадцать два года службы мне самому, еще рядовому, вахмистры два зуба выбили, а сам я – никому ни одного! Разве когда розовую юшку из носа нерадивому пущу или там ухо у кого вспухнет… а чтоб от злой души, без дела – ни-ни!» «Знаю я твое ни-ни! – секунд-ротмистр упорствовал, – и вообще, Егор, учти: из Петербурга к нам теперь много офицеров пришлют рядовыми, ну, из тех, кто против Государя пошел. Так генерал Ермолов велел быть с ними повежливей. Бездельничать не позволять, в стычках особо не беречь, но повежливей. Понял?» «Так точно, Ваше благородие!» – рявкнул, как положено, а сам думаю: «Не иначе, этот О. из тех, кто против Государя, – взгляд уж больно исподлобья, без почтения. Да ведь я не царь, мне твое почтение, барин, до едрени фени, одначе бойся, если службой манкировать станешь».

Но не манкировал, нет. К седлу и рубке приучать его не пришлось – это я потом узнал, что ему посадку и руку ставил сам Его сиятельство Сергей Георгиевич, на моих, можно сказать, глазах из полковников в полные генералы выросший. Но мы-то в Грозной кавалеристами больше по названию оставались, а на деле, с горцами в стычках схлестываясь да в секретах полеживая, пехотную лямку тянули. Но барин этот и шагистику быстро усвоил, и ружейные приемы… только стрелять страсть как не любил. «Не обессудьте, Ваше благородие, – говорил, – настрелялся я в былой жизни, а в этой – избегать буду. Разве что товарищей спасая…».

Что ж, ежели со мной по-человечески, то и я – также, тем паче никакой грязной работы или там караульной службы он не гнушался. Противу того, первым готов был взяться. Но гордецом все ж оставался: я иногда, в минуту добрую, давал ему понять, что мы и в Парижах, мол, живали, да кой-чего тамошнего набрались: всяких там пардон, камон сова, комси комса[1]… Так он делал вид, что по-французски – ни бум-бум. «Ладно, – думаю, – мне-то через два с половиною годика, Бог даст, в отставку с полным пенсионом, а тебе, барин, еще ого-го трубить! Гордыня, небось, повыветрится».

29 марта большая неприятность для корпуса нашего случилась: Его высокопревосходительство Алексея Петровича Ермолова император со всех должностей отставил, а в ночь на первое апреля пробрались мы из Грозной на самый дальний секрет, дождались рассвета, трубки покурили, благо, ветерок на нас дул – как вдруг, откуда ни возьмись, с десяток конных горцев. Вдвое, то есть, больше нашего. А барин мне в тот же момент шепчет:

– Знаете ли, Ваше благородие, какой сегодня в Европе праздник?

Князь Сергей Георгиевич N. Из штаба корпуса мне в конце апреля сообщили, что Эжен убит при весьма странных обстоятельствах. А добравшись через месяц до крепости Грозная, я узнал об этих обстоятельствах от Егора, встрече с которым сильно обрадовался – он ведь еще десять лет назад был лучшим вахмистром кавалерийских дивизий Первого гвардейского корпуса, коим я имел тогда честь командовать.

Выслушал я рассказ Егора у могилки Эжена с дощатой табличкой и деревянным крестом и подумал: «Странная смерть, достойная Дня дураков. Или героическая? – героизм ведь всегда странен. Прощай, Эжен, добрый человек со злой судьбой!»

[1] Comment ca va? – Как дела? (фр.); Comme ci, comme ca – Так себе (фр.)

Дал я денег настоятелю крепостного храма на первоапрельские панихиды и чугунный крест, выпили мы с Егором на помин души кузена моего, да и спросил я: «А не хочешь ли, вахмистр, ординарцем моим стать? Полному генералу, пусть и отставному, он пожизненно положен. Да и после смерти моей, поверь, бедняком не будешь».

Он не промедлил: «Теперь, когда Его высокопревосходительство генерала Ермолова с Кавказа долой, мне здесь мои двадцать пять лет дослуживать не по нутру. А быть при вас, Ваше сиятельство, какой стоящий кирасир от того откажется?»

– Только ты княгине Татьяне Дмитриевне смерть кузена моего в подробностях пока не описывай, – сказал я, – боюсь, слишком близко к сердцу все примет. Будет расспрашивать, отвечай: погиб, мол, в случайной стычке, похоронен по-христиански. А когда-нибудь потом….

15 августа 1830 года

Онегин, помните ль тот час,
Когда в саду, в аллее нас
Судьба свела, и так смиренно
Урок ваш выслушала я?
Сегодня очередь моя.

Александр Пушкин

Князь Сергей Георгиевич N. Ближе к полудню она вошла в мою комнату так, будто на что-то решилась:

– Серж, дорогой, имение будет продано, мы больше никогда сюда не приедем, а ведь здесь я десять лет назад познакомилась с Евгением. Не стану говорить, как это для меня важно, но не мог бы ты велеть Егорычу рассказать мне, наконец, про последний день твоего кузена?

– Таня, – в последние годы я все чаще обращаюсь к ней так. – Я ничего от тебя не утаиваю, но это будет печальный рассказ, и я тревожусь за сердце твое. Знаю – не возражай! – что мне оно до конца никогда не принадлежало, но принимаю это со смирением и тревожусь…

Она подошла ко мне, поцеловала нежно и попросила: «Кликни своего бравого вахмистра…»

Егор Егорович Т. … И спросил он, стало быть, знаю ли я, какой первого апреля праздник в Европе. Но не до Европы мне, матушка княгиня Татьяна Дмитриевна, было: думал я, какая цель у конного разъезда? Уж не про секрет ли наш лазутчики мюридам дали знать? А дело-то к джихаду идет, думаю, и захотят они порезвиться, и атаковать нас будут… Вот я барину и прошептал: «Стар я, ихние праздники помнить. Как бы нам сейчас наших русских святых помянуть не забыть…». И тут он – я, ей же Богу, охнуть не успел, – на открытое место выскочил, а потом на кремнистую дорогу в два прыжка! И зашагал к всадникам – да таким строевым, да ружье так «На кра-а-ул!» держа, что любо-дорого… И мне крикнул, не оборачиваясь:

– Самый лучший, Ваше благородие, сегодня праздник! «День дураков» называется!

А потом всадникам:

– Эй, господа мюриды, не желаете подурачиться?!

И что мне, матушка княгиня Татьяна Дмитриевна, было делать?! За ним пуститься и за шиворот обратно притащить – тогда тайное место рассекречено, тогда простись, Егор Егорыч, с беспорочностью службы и пенсионом. Дать уйти, вроде как дезертирству поспособствовать? – добавочно, Егор Егорыч, со шкурой на спине простись, шпицрутенами до мяса спустят. Сижу, потерявшись, шепчу только: «Господи, пронеси!» И Бог ли управил или нечистый барину шепнул, только он, строевой шаг не ломая и на ходу ружейные приемы проделывая, песню запел. Ту, за которую от чеченца ли, от черкеса, от аварца или другого дагестанца пулю наверняка получишь. Знаю, что чеченские матери Ермоловым детей своих пугают – так ведь сколько сот лет минуло, а русские мамочки до сих пор татарским Бабаем шалунов усмиряют. А вот за что мюриды эту нашу строевую песню ненавидят, не знаю, но только ежели эскадрон или рота через аул проходят, командиры что хочешь петь позволяют, только не ту, что ваш О. запел:

Солдатушки, бравы ребятушки,
А кто ваши матки?
Наши матки – белые палатки,
Вот кто наши матки!
Солдатушки, бравы ребятушки,
А кто ваши жены?
Наши жены – пушки заряжены,
Вот кто наши жены!
Солдатушки, бравы ребятушки,
А кто ваши детки?
Наши детки – ядра, пули метки,
Вот кто наши детки!

Князь Сергей Георгиевич N. Егорыч пел, да еще и маршировал на месте, не жалея каблуков, а я думал вот что: мы заставляем их служить двадцать пять лет – под постоянной угрозой быть искалеченными, убитыми или забитыми шпицрутенами. Мы принуждаем их забыть о родителях, запрещаем мечтать о женах и детях – да еще и учим распевать об этом, как о счастье и доблести. И горцы эту песню ненавидят потому, что чувствуют: согласию русского солдата на то, чтобы не жить по-человечески – не просто покорному согласию, а какому-то даже залихватскому, – никакой джихад противостоять не сможет.

Егор Егорович Т. Тут, матушка княгиня Татьяна Дмитриевна, мне в башку стукнуло: «Вахмистр, забыл ты, что ли, как с соседскими ребятами по лугу ходил – и вдруг, откуда ни возьмись, птаха какая под ногами завертится? Отлетит чуть, и опять камнем оземь… и верещит, верещит, будто дразнит… А тот, кто постарше, непременно говорит: вот, мол, Егорка, это она нас от гнезда с птенчиками уводит…»

И уж совсем мюриды осерчали, когда барин спел вроде как от себя сочиненное:

Солдатушки, бравы ребятушки,
А что ваши жизни?
Наши жизни – поминальны тризны,
Вот что наши жизни!

Тут вскинул один из горцев ружье, да и уложил барина наповал… И сразу же ускакали они прочь, будто только ради этого выстрела и пожаловали.

Княгиня Татьяна Дмитриевна N. Сказала мужу, что хочу побыть одна – и пошла в сад. По звукам сзади поняла, что оседлали Абрека, а значит, Серж усадит Эжени впереди себя, и они отправятся на верховую прогулку. Следом за ними, как всегда, на полкорпуса сзади, на Абреке Втором, трехлетнем жеребце от Абрека, – его еще объезжать и объезжать, – отправится Егорыч, и за дочь, находящуюся под опекой двух таких конников, волноваться не стоит.

Вот я, любимый мой, и не волнуюсь, а иду, вспоминая, как металась по саду, мечтая, чтобы ты, приехавший к нам сюда после получения моего письма, меня не нашел. Вспоминая, как долго сидела на укромной скамье у ручья… вот она, я и сейчас на ней посижу…

Как, не в силах больше прятаться, поплелась домой, словно на казнь… но казни недолго ждать пришлось – свернула на аллею, а там ты… Подошел ко мне: «Не отпирайтесь, вы ведь мне писали»…

Конечно же, писала!

А ты сейчас, спустя десять лет и один месяц – вы ведь с Владимиром приехали к нам 15 июля 1820 года, а встреча наша в саду состоялась 15 августа, – ты сейчас помнишь, **что** я написала? Так помни хотя бы, что все написанное было правдой, безумной правдой: ты являлся мне во сне и **до** 15 июля; я слышала твой голос, чувствовала твой взгляд и **до** 15 июля – а потому, **увидев** тебя 15 июля, сказала себе: «Вот он!»

А еще я писала, что ты мне послан Богом, что ты до гроба – мой хранитель… только впопыхах не уточнила, до чьего гроба – моего или твоего… впрочем, неважно, мы бы умерли в один день, если б не тогдашняя твоя проповедь… Кстати, я ее плохо помню: матушка послала дворовых девушек красную смородину поблизости собирать – и они пели хором. Так некстати громко пели, что тебя едва слышно было – ты очень тихо говорил, словно стесняясь того, что желаешь мне сказать.

Стеснялся, но все же сказал – и мы не умерли в один день, и моим хранителем стал другой, и ты погиб, а я живу…

Ты ворвался в мой будуар в День дураков пять лет назад, и мы простились – казалось, навсегда. Потом еще раз простились через год, опять первого апреля – и опять насовсем. Но опять ошибались – и сегодня разговариваем с тобою 15 августа, в десятилетнюю годовщину нашего – и только нашего с тобою! – Дня глупцов.

Когда ты оказался настолько глуп, что проповедовал, будто я создана для другого, а я была глупа не менее и не возразила, что судьба ничего не решает наполовину, и ежели ты предназначался мне, то и мой жребий – быть твоей…

Егорыч и Серж уверяют, что погиб ты героически – только я думаю, что смерть была тебе желанной. Дело в том… не смейся… пока командующим вашим корпусом был Ермолов, от тебя к нему как бы тянулась ниточка. А от Алексея Петровича тянулась ниточка к Сержу, близкому его приятелю, а от Сержа – ко мне, и мы с тобой были будто бы связаны. Но Ермолова 29 марта отставили, и земная связь между нами разорвалась… а в наступивший следом День дураков судьба дала тебе возможность подурачиться. И совершить геройство. Ты подурачился, совершил – и связь между нами стала не земной…

Что? Что ты говоришь? Что я понимаю тебя лучше, чем ты сам себя понимаешь? Так ведь я люблю со всей ясностью, без всякой тени, а у тебя привычный скепсис затеняет твое отношение и к самому себе, и ко мне тоже...

Я пойду, прости, любимый, всадники уже приближаются к дому… Знаешь, имение это продается. Оленькин улан проигрался в карты, попытался застрелиться – неудачно, как и все, за что берется, – она умоляет их спасти, и мы с Сержем решили, что я откажусь от своей доли в пользу сестры, чтобы вырученной суммы хватило ей с лихвой. Жаль, что останутся без присмотра могилы родителей и няни… и еще жаль, что мы никогда больше здесь с тобою не увидимся.

… Да, я читала то стихотворение замечательного нашего поэта, которое он написал через год с небольшим после твоей смерти: «Дар напрасный, дар случайный, жизнь, зачем ты мне дана?...» А я тебе скажу, зачем. Вот я иду к дому и вижу, что всадники уже подскакали к крыльцу, Егорыч спрыгнул с Абрека Второго, вот он уже у Абрека Первого и снимает Эжени на землю. Она, егоза, конечно же, успела чмокнуть его в щеку, и он тает от счастья. Так смешно видеть, как тают от счастья гиганты… я ему как-то сказала: «Егорыч, какой же ты огромный!», а он мне: «Это, матушка княгиня Татьяна Дмитриевна, гусары да уланы мелкотою могут быть, а кирасир в седле ужас должен внушать!» Но никакой ужас он не внушает, особенно сейчас, когда помогает Сержу сойти с коня… по правде сказать, так просто снимает своего богочтимого генерала с седла, потому что у того покалеченная нога совсем уже не гнется и мучает его частыми болями… снимает и внушает ему, что пора княжне Женечке пони покупать. А «княжна Женечка» зовет его «Из-за леса, из-за гор» – по утрам стучится в нашу спальню и кричит капризно: «*Papa*, где твой из-за леса, из-за гор?!». Тут и Егорыч является, вытягивается в струнку и рапортует… ты, наверное, догадываешься, как именно рапортует: «Из-за леса, из-за гор вышел – по вашему приказанию – дедушка Егор!» И вручает очередную свистульку – из чего он их только не вытачивает! А «княжна Женечка» носится потом по дому и свистит так, что у всех, кроме нее самой и отставного вахмистра, уши закладывает. Серж сердится: «Если этот упрямец додумается девчонке трубу подарить, я его под трибунал отдам!» Но пока, к счастью, не додумался, обходится свистульками, по ночам, думаю, их мастерит…

Я иду к дому, – медленно, не в силах с тобою, любимый, расстаться, – а лихие мои кавалеристы ждут меня у крыльца, чтобы рассказать, **что** в полях-лесах видели и слышали. Ждут терпеливо, хотя Эжени вот-вот кинется навстречу…

Я иду, того еще не зная, что война, на которой ты убит, будет названа Кавказской и продлится еще тридцать четыре года. Что через двадцать пять лет одновременно с нею разразится еще и другая, и Серж окончательно сдаст от происходящего в Крыму разгрома. А перед смертью прошепчет мне: «Таня, нашему стремлению не жить по-людски джихад противостоять не смог, но достижениям прогресса мы уже проиграли и впредь проигрывать будем».

Иду, не зная, что вскоре после похорон Сержа сляжет Егорыч, не заболеет, а просто сляжет, сказав: «Куда генерал, туда и ординарец – так по службе положено». А вскоре, в довершение несчастий, придет известие о том, что в Севастополе убит Дмитрий, муж Эжени. И названная в твою честь дочь, рожденная в страшный день 14 декабря 1825 года, потеряет в течение месяца отца, дедушку Егора и любимого. Она не выдержит этой череды ударов, замкнется, уйдет в молитвы, через полгода станет послушницей, еще через год примет постриг. А я стану воспитывать двоих ее детей: Татьяну Дмитриевну и Сергея Дмитриевича. Что ж, придется справиться…

Но я этого всего пока не знаю – а просто иду к дому, прощаясь с тобою, любимый мой, и повторяя: «Вот затем… затем… затем…».

И еще жизнь мне была дана для семи встреч с тобою.

И чтобы после того, как ты покинул наши края, я перечла в библиотеке твоего дядюшки книги с иногда приписанными тобою на полях восклицаниями «Запомнить!»; перечла, поражаясь тому, что до 15 июля 1820 года велела себе запоминать те же места…

И для того еще дана была, чтобы, умирая совсем уже старушкой, положить на грудь три твоих письма.

СОФА ВАРЗАГЕР

(Азербайджан-Израиль)

НА ЛАДОНЯХ ВЕЧНОСТИ

«Нет нового под солнцем и луной…» Говорят, история вершится по спирали, и на очередном ее витке новые поколения опять и опять проходят все те же горькие исторические уроки. Вот и нашему поколению, как оказалось, выпало жить в эпоху эмиграций и прощаний – сегодня бывших бакинцев можно встретить в самых разных уголках земного шара.Хотя утверждают, что бакинцы бывшими не бывают, и это высказывание мы часто цитируем, не слишком задумываясь, что помимо оправданной гордости за наш город и уникальный, выработанный веками бакинский менталитет, в нем таится драматический подтекст. Любая эмиграция – это всегда суровое испытание, но именно бакинцам, именно в силу своего неистребимого бакинства, приходится труднее, чем многим иным, потому что даже успешно адаптируясь и встраиваясь в новую реальность они навсегда таят в сердце драму оторванности от своего обжитого бакинского космоса и его обитателей, и составлявщих его самую большую гордость и уникальный колорит…

В свое время Софья Варзагер была заметна в кругу творческой интеллигенции города,публиковалась в нашем журнале… Те самые крутые пути новейшей истории привели ее в Израиль, где, как известно, сообщество бакинцев представлено.

И вот спустя столько лет к нам добралась выпущенная в Тель-Авиве книжка нашей соотечественницы с символическим названием «Из дальней дали».

Сегодня мы представляем читателям подборку стихов поэтессы, сквозным мотивом которых стали горько-сладкие воспоминания об утраченном мире и драматические раздумья о судьбе человека, пытающегося в той самой дальней дали, где «живут иные племена, / В ходу чужие имена», заново выстроить свою реальность. «…Внутри пустого слова «эмигрант» / В мученьях корчится талант / И умирает постепенно…»

Бремя ответственности за близких, изнурительная борьба с бытом – дорога, которой проходили в разные эпохи столько женщин, поэтов и не-поэтов… И неудивительно, что в памяти снова и снова встают те голубые и золотые города, где мы были молоды и счастливы, где навсегда остались жить те, кто был нам дорог в иной реальности – даже если их уже больше нет с нами…

Но жизнь продолжает движение по своему вековечному кругу, и на этом пути с нами пребывает извечная надежда на то, что никогда не поздно начать все снова, не прощаясь с прошлым, не укоряя настоящее, без страха глядя в лицо будущего…

Все сначала

И грубый вкус хлеба, и нежный – мацони,
И капля воды на озябшей ладони,
В которой полощется синее небо,
И дом, что стоит за спиною так крепко.
И главное, дети – конечно, они! –
Тебе предвещают счастливые дни.
И хватит сопливиться в логове памяти,
Устрой-ка себе небольшой такой паводок –
Пусть вынесет весь этот мусор из мозга!
И снова начать –
иногда ведь не поздно?..

Город

Что-то таит в себе с детства душа,
Чем-то томится – смешным и высоким.
Жесткими пальцами карандаша
Я не касалась давно уже. Сроки
Ушли, и деревья прошли.
Город остался шептаться с домами
Многоэтажными, но без внимания
Голос оставлен мой был до весны.
Голос свернулся в одной из квартир.
Тихо кипели кастрюли и чайники.
Добрые люди входили, уча его
Доброму смыслу. Стал комнатой мир.
Он раздобрел и разнежился. Звук
Потерял, ждать весны разучился.
Как на тепло и уют променял
Голос свою животворную силу!..
Я кое-как перебилась зимой
(горько хрипело ненужное горло).
Но погоди, ведь еще не агония, –
Как я себя убеждала, Бог мой!..
Солнце взошло над простуженным городом
Я потянулась за собственным голосом,
И наболевшим немым моим горлом
Жалкий восторг овладел: мой родной!
Я, обивая знакомый порог,
Затрепетала в преддверии встречи.
Не пожелав на звонок мой ответить,
Сытый мой голос свернулся в клубок.
И – навсегда вознеслась эта дверь!
Я – перед нею: хрипя горлом, мучаясь...
Тепла людского благополучия
Мне никогда не коснуться теперь.

Рыжие сны

Я устала быть сама собой.
В глубине костром горят деревья...
Был когда-то в тех кочевьях Ной,
А теперь остались здесь корчевья.

Я хожу, угадываю пни:
Было дерево в какие-то обхваты...
От больших годов остались дни
В памяти – как лист бумаги жатой.

А расправить невозможно быль,
Потому ведь как теперь неясно:
Рыжим день на самом деле был,
Или сон приснился медно-красный?..

Лета

Как оказалось, можно жить на дне.
Дышать не воздухом – тяжелой водной массой.
Вместо картин, что мне писали маслом,
Ловить далекий отблеск в глубине.

То солнца луч, пройдя сквозь толщу вод,
Тихонько умер под моим окошком.
И только рыбки, точно света крошки,
Прочерчивают сумеречный свод

Жилища неземного моего.
Ни ручки, ни стола. Лишь вороха бумаги,
Пропитанные временем, как влагой,
Не сохранившие ни одного

Не то, что слова – слога! Жизнь на дне
Изъяла букв ненужную ажурность,
И звуки слов слетели, как кожурки,
И тело мысли движется во мне,

Уже не претворяясь в грубость действа.
Забытая вовне,
Жива душа – на дне.
Про эту
Лету
я читала в детстве?..

Благодушие

Раствориться –
чтоб не нашли.
Пусть круги надо мной сомкнутся
Чуждых лиц, обычаев, судеб
***Той* земли.**

Только пусть останется щель
Неиспользуемой возможности
Возвращения – эхо в горсти,
Скудный голод людей...

Нет, не то!..
Мой голод – по людям,
Мной оставленным, как не бывшим.
Все мне снятся, как горы пищи,
Отошедшие друзья юности.

Они рядом, расходуют жизнь,
Не столь любящи, сколь благодушны.
И готовы делиться ужином,
Но уже ни крошкой – души.

Ночью в дождь

Ты же сильный –
возьми и найди меня,
слышишь?..
Тихий дождь, теплый дождь
ночью бродит по крышам.
Потому что бездомный... И плачет, и плачет,
Будто сам себя хочет переиначить.
Я к нему заберусь на покатую крышу,
Я ему расскажу –
что, сама не услышу.
Я подставлю сухие опавшие пряди,
Пряди мокрыми стали –
это дождь меня гладит.
Я к нему убегу от людей непонятливых,
Я смешаю с дождем темно-рыжие пряди.
Будем вместе стучаться, заглядывать в окна
И завидовать людям,
которые – дома...

Водоросли

Девушки. Их лица – камень.
Только волосы как память.

Море хранит утопленников.
Девушки ждут веками.
В море уходят тропы – камни.
С каждым веком девушки
Врастают в скалы лицом.
Глухое море, ищи-свищи,
Не приплывет даже в сон!
Бьются о камни волосы-
Водоросли. Вросли...
Не купайтесь! Не трогайте дно!
Может быть, явятся лица...
Море – мое божество. Оно
Отдаст, если долго молиться...
И девушки молятся. Исступленно!
Но лиц не вырвать из плена.
– Помогите!.. – бьется живое, зеленое.
– Не время... – хрипит пена...

На ладони

Мне кажется: издалека
Ко мне протянута рука.
И так уютно на ладони!
Мне безмятежно и покойно.

Как будто не прошли века.
Как будто все еще мне светит...
А как проснусь я на рассвете –
Какие в небе облака!..

Бакинский вокзал

Тихонько тронулся вокзал...
В промозглом крошеве, в слезах
Неотвратимо уходила
Я – молодая и красивая.

(А краше только в землю лечь...)
Сочилась, как из раны, речь,
Что *там* уже не пригодится...
Невыносимость заграницы!

Чужбина – это немота,
Это короста на устах
С застывшим онемевшим звуком!
Чужбина – это слепо, глухо

И немо... Боже сохрани!
Теперь я поняла: внутри
Пустого слова «эмигрант»
В мученьях корчится талант.

И умирает постепенно...
Просторы мира?..
Нет, застенок
От языка отъятых душ.
Еда и кров, дитя и муж –

Не раствориться в русле быта!
Отпета – прощена – забыта
Еще при жизни.
На том свете
Растут цветы, родятся дети.

Живут иные племена,
В ходу чужие имена.
Но губы мои немы, сухи...
Так, значит, это не разлука,

А – смерть?..
И жизнь вдогонку смерти?
И чувство долга по инерции,
Взамен других, ушедших чувств:
– О Боже!..
Я – и не вернусь?!..

ИСКУССТВО

ЗУМРУД АХУНДОВА-ДАДАШЗАДЕ

Блистательная, царственная, неповторимая

(Вспоминая Фариду Халилову)

Фарида Халилова... Замечательная представительница азербайджанской музыкальной культуры – пианистка, педагог, исследователь. Она прожила интересную жизнь, исполненную самозабвенного труда, непрестанного поиска, сомнений, горьких разочарований и блистательных взлётов.

Фарида ханым родилась в семье выдающегося учёного-математика, первого азербайджанца – доктора физико-математических наук, профессора, заслуженного деятеля науки и техники, академика Захида Исмаил оглу Халилова (1911-1974). Чтобы продемонстрировать масштаб этой личности, имеющей грандиозные заслуги в развитии фундаментальной науки, хотелось бы обратиться к некоторым фактам.

Начав деятельность в секторе физики азербайджанского филиала АН СССР, З.Халилов создал секцию математики и теоретической физики, а затем – математическое отделение. Результатом его деятельности стало учреждение Института математики и механики (в 1967-1974 годах был директором института), Института кибернетики АН Азербайджанской ССР. Не случайно в 1962 году З.Халилов был избран президентом Академии наук Азербайджана. З.Халилов стал создателем школы функционального анализа. Его учебник «Основы функционального анализа», увидевший свет ещё в 1948 году, был переиздан в 2018 году в Москве в серии «Физико-математическое наследие». Как пишут коллеги учёного А.Бицадзе, Н.Боголюбов, И.Векуа, Ю.Митропольский, С.Соболев, азербайджанский учёный З.Халилов одним из первых в мировой науке обращался к исследованию многих актуальных проблем математической науки. О величайшем авторитете Халилова свидетельствует телеграмма-соболезнование, полученная из Грузии, где когда-то начинал свои изыскания учёный: *«Советская математика потеряла своего выдающегося представителя, азербайджанская наука лишилась своего украшения, закавказские математики утратили одного из своих идейных вождей, грузинские математики потеряли лучшего друга и любимого брата – человека могучего и яркого таланта, необыкновенной душевной красоты, кристальной честности и благородства»*.

Вот в такой атмосфере красоты, кристальной честности, благородства, преданности науке, любви к искусству и росли дети Захида Халилова и Саиды ханым Алескеровой – Фарида и Рафига. В гостеприимном доме Захида Исмайловича (Захид муаллим был старшим братом моей мамы Аиды ханым) часто собирались учёные, литераторы, музыканты. Сам хозяин дома прекрасно знал мировую литературу, музыку, кино. Он часами мог беседовать об искусстве и литературе с моим отцом, филологом Аразом Дадашзаде, поражая всех безграничностью своего интеллектуального кругозора. Помню, как они – отец и дядя – у нас дома в холодный зимний день до поздней ночи страстно обсуждали только что вышедший на экраны фильм Г.Козинцева «Король Лир» с Ю.Ярветом в главной роли. Я лишь сожалею, что тогда не записала это увлекательнейшее, во многом поучительное обсуждение. Позднее Захид Исмайлович подарил нам книгу из своей библиотеки – солидный фолиант произведений Шекспира, ставшую украшением нашей книжной коллекции. Обладая великолепным слухом и памятью, Захид муаллим мог сесть за рояль и с упоением музицировать: в частности, очень нравились ему романсы-газели Узеира Гаджибейли «Сенсиз» и «Севгили джанан». Иногда, в перерывах между изнуряющей многочасовой работой, он предавался слушанию традиционной музыки, своим тихим голосом напевая фрагменты из полюбившихся мугамов.

В 40-50-е годы многие представители интеллигенции отдавали своих детей в среднюю музыкальную школу-десятилетку для одарённых детей при консерватории. Не исключением была и семья Халиловых: их старшая дочь стала учиться в этой замечательной школе, вступившей тогда в пору своего расцвета. Педагогом Фариды была выпускница петербургской консерватории Цецилия Соломоновна Грушко – ученица знаменитой пианистки А.Н.Есиповой. Грушко – великолепный специалист, взрастила немало талантливых музыкантов, среди которых назову хотя бы Эльмиру Сафарову – будущего профессора консерватории. Много лет спустя Фарида ханым, возвращаясь к годам учёбы, как-то с горечью сказала: «Грушко была замечательным педагогом, но её манера преподавания – чересчур жёсткая, травмировала нашу детскую психику. И как же мои родители, не чаявшие во мне души, могли тогда допустить, чтобы их дочь испытывала на каждом уроке страх и стресс?» Однако навыки, прочно освоенные в классе Грушко, позволили Фариде ханым блестяще завершить музыкальную десятилетку и с лёгкостью поступить в Азербайджанскую государственную консерваторию.

Тут я хотела бы сделать небольшое отступление. Фарида ханым унаследовала от отца способность к точным наукам. По рекомендации Захида Исмайловича, она и моя мама Аида ханым по окончании школы подали свои документы в МГУ им. М.Ломоносова, на факультет астрофизики. Но Аида ханым заболела и не смогла поехать в Москву. А у Фариды возобладала любовь к музыке. Проучившись в Баку один год, она продолжила обучение в Ленинградской консерватории, в классе известного педагога, пианистки и клавесинистки, исследователя Надежды Иосифовны Голубовской. Голубовская явилась создателем оригинальной пианистической школы, основанной на умении ученика самостоятельно анализировать нотный текст в соответствии с особенностями стилистики композитора. Именно от Голубовской Фарида ханым переняла такие качества, как отточенность вкуса, высокую требовательность к себе и главное – глубину проникновения в авторский текст. И ещё – умение мастерски обращаться с педалью, что отнюдь не случайно, ибо её педагог была автором признанного специалистами пособия по педализации.

В Ленинграде Фарида с головой окунулась в богатую культурную жизнь города, посещая театральные премьеры, слушая в легендарной филармонии концерты знаменитых артистов. О порывах её души красноречиво говорят некрасовские строки, которые она приводит в усечённом виде в письме к своей духовной подруге Аиде ханым: *«Душно! без счастья и воли / Буря бы грянула, что ли?»*

Тщательно работая над совершенствованием своего мастерства в сольном исполнительстве, Фарида изначально проявляла интерес и к ансамблевому музицированию: консерваторию она окончила, получив квалификацию ансамблиста, солиста, концертмейстера и педагога. В стенах консерватории стал складываться её дуэт с певцом Атлантовым, тогда ещё только начинавшим свой творческий путь молодым музыкантом, студентом вокального факультета по классу педагога Натальи Болотиной. Этот творческий альянс впоследствии перерос в глубокую взаимную привязанность, логическим итогом которого стало создание семьи. У счастливой четы родилась дочь Лада, избравшая, как и родители, специальность музыканта.

Из аннотации к пластинке с записями романсов Чайковского и Рахманинова мы узнаём, что Ф.Халилова готовила с Атлантовым первые партии в Оперной студии консерватории – Альфреда, Ленского, Хозе, затем в Мариинском театре (тогда – Ленинградском государственном театре оперы и балета им. С.М.Кирова).

60-е годы – интенсивный, творчески насыщенный период жизни двух музыкантов. О плодотворности их творческого сотрудничества свидетельствует успех на международной арене: первая премия и золотая медаль на III Международном конкурсе имени П.И.Чайковского (1966г., Москва), первая премия на Международном конкурсе молодых оперных певцов в Софии (1967г.), четвёртая премия на Международном конкурсе вокалистов в Монреале (1967г.).

О конкурсе Чайковского немного подробнее. Номинация «вокал» появилась в конкурсе именно в 1966 году, и одним из тех, кто ратовал за введение соревнования по этой специальности, был Г.Нейгауз.

Еще во время проведения II конкурса в 1962 году Нейгауз писал: *«Для того чтобы этот исполнительский конкурс полностью соответствовал своему высокому названию – имени Чайковского, – следовало бы, на мой взгляд, чтобы на нём были представлены еще две исполнительские специальности: дирижёрское искусство и пение. Ясно – почему. Ведь Чайковский – создатель бессмертных опер и симфоний, а его песенное творчество столь же велико и прекрасно, как у Глинки, Мусоргского, Шумана или Брамса»*.

Итак, на III конкурсе к соревнующимся подключились и вокалисты. Первую премию Атлантов разделил с американкой Джейн Марш. И это событие, несомненно, яркая страница конкурсной истории. В третьем туре конкурса В.Атлантов, по предложению Фариды ханым, спел арию Балаша из оперы «Севиль» Фикрета Амирова, причём на языке оригинала – азербайджанском. Фарида ханым комментировала это так: *«По условиям конкурса, в финале участники должны были обязательно исполнить арию из оперы современного композитора. Яркие вокальные номера в советской оперной музыке практически отсутствовали. Вот я и решила с В.Атлантовым подготовить именно данный номер, позволяющий артисту проявить и вокальные, и актёрские данные. Во время репетиций я дала дирижёру О.Димитриади (оркестр выступал под его руководством) рекомендации, касающиеся агогики, динамических нюансов. Однако во время конкурсного выступления он неприятно удивил меня, действуя, как мне показалось, вопреки моим указаниям. Но и это не помешало Владимиру завоевать золотую медаль»*.

Мне трудно воссоздать все значимые события из жизни нашей замечательной соотечественницы. Но счастлива, что имела возможность слушать её и в Баку – у нас дома, и в Москве – в уютной квартире высотного дома на Котельнической набережной. После задушевных разговоров, роскошного азербайджанского застолья она, по просьбе всех гостей, садилась за рояль, поражая всех чарующими звуками. Играла она и музыку романтиков, и песни из кинофильмов – очень экспрессивно, темпераментно. Рояль под её пальцами звучал, как оркестр, поражая всех богатством и многоцветьем палитры. На bis, как правило, исполнялась знаменитая песня из репертуара Марио Ланца «Be my love», от солнечной энергии, от безграничности эмоций которой дух перехватывало - такого фантастического воздействия ей удавалось добиться.

Убеждена, что Фарида ханым могла бы стать прекрасной концертирующей пианисткой, в ней удивительно сочетались мощь, эмоциональная страстность и необыкновенная лиричность, изысканная поэтичность. Были у неё и сольные концерты: один из них состоялся в филармонии, где она исполнила концерт Моцарта с Азербайджанским государственным симфоническим оркестром под руководством польского дирижёра Р. Сатановского. Мне рассказали и такой случай. Во время вокального конкурса в Монреале Ф.Халилова стала любимицей аудитории: ей аплодировали, ей дарили цветы. И Фарида ханым дала даже сольный концерт в одном из женских монастырей, по просьбе его настоятельниц.

Где бы ни появлялась Фарида ханым, она оказывалась в центре внимания, пленяя всех своей благородной красотой, статью, живой реакцией, умом. Не случайно, профессор Аида Тагизаде, имевшая возможность слушать Ф.Халилову, называет её умной пианисткой, добивающейся убедительности интерпретации.

Джеральд Мур в своей книге «Певец и аккомпаниатор», касаясь особенностей камерно-вокального исполнительства, отмечает: *«Глаза всех присутствующих устремлены на певца, так как именно его физиономия выражает настроение – или перемену настроений – музыкального сочинения. И совсем нет надобности смотреть на аккомпаниатора…»* (М.: Радуга, 1987, с.134). Конечно, Фарида ханым никогда не перетягивала внимание на себя, чутко слушая певца, но все же невозможно было не заметить её прекрасный одухотворённый облик.

О пианизме Фариды ханым красноречиво говорят сохранившиеся записи – немногочисленные – романсов Чайковского и Рахманинова. Я имею в виду пластинку, выпущенную фирмой «Мелодия» в 1972 году. В аннотации к пластинке Ф.Халилова охарактеризована, как «серьёзный, культурный музыкант, опытный концертмейстер».

Недавно на одном из интернет-сайтов был выложен – о радость! – небольшой фильм-концерт, в который вошли отдельные романсы из упомянутого альбома. Всего шесть романсов, но они дают представление о мастерстве пианистки и концертмейстера. Кстати, как отмечает наша американская соотечественница Джамиля Джавадова-Спитцберг, ныне в мировом музыкальном искусстве почти не применяется слово «аккомпаниатор», которое заменили словом collaborator, а сама специальность атрибутирована как collaborative piano.

Здесь уместно было бы обратиться к весьма любопытному воспоминанию коллеги Фариды ханым, характеризующему её именно как истинного партнёра вокалиста: *«Както после победы на конкурсе Чайковского В.Атлантов выступал в Малом зале Московской консерватории с камерной программой. На концерт пришёл Иван Семёнович Козловский – великий мастер романса. Он, казалось, был несколько обеспокоен: «У Атлантова крупный оперный голос: сможет ли он «обуздать» его в камерных опусах?» Артисты вышли на сцену. Фарида ханым сыграла прелюдию к романсу, Атлантов запел… и Козловский, облегчённо вздохнув, сказал: «Пианистка его утихомирила»*. Мне в этом рассказе запомнился глагол «утихомирить». Как настоящий мастер, Козловский определил роль пианистки в этом ансамбле, метко подметив её вклад в успех концерта.

На сайте есть и ценный комментарий И.Морозова – тогда студента консерватории, побывавшего на упомянутом музыкальном вечере: *«Потрясающий концерт и замечательный ансамбль!»*

В своё время я выложила упомянутый концерт в социальных сетях, в частности, в интернациональной группе «Пианисты XXI», и многие музыканты поделились своими впечатлениями. Хотела бы здесь привести некоторые выдержки из комментариев.

«Успешное выступление вокалиста, несомненно, очень сильно зависит от мастерства концертмейстера, – пишет пианистка Гюляра Абдуллаева. – *В данном случае мы имеем дело с выдающимся, очень талантливым сопровождением. Тонкое, чуткое слушание солиста создаёт иллюзию единого, цельного звучания, слияния голоса и фортепиано. Это, на мой взгляд, пример высокой концертмейстерской, ансамблевой культуры»*.

«Какие мы не бережливые, почему проходим мимо достояний наших? – вопрошает композитор Афаг Джафарова. – *Какой профессионализм, чувство меры, ненавязчивое звучание, тончайший вкус!»*

«В молодости была поклонницей Атлантова и знала, что его супруга наша соотечественница, и это мне очень импонировало, – отмечает музыковед Рейхан Алиева. – *Фарида ханым так чутко и тонко интерпретирует фортепианную партию, создаёт не просто фон – она полноправный участник этого творческого тандема. Конечно, невозможно узнать, почему так упорно не показывают концертмейстера столь высокого уровня в фильме-концерте, но всё равно можно разглядеть её благородный профиль, чудесные руки, извлекающие красивые звуки: особенно запомнился отыгрыш в «Серенаде Дон Жуана», звучание фортепиано в рахманиновских романсах»*.

Известный музыковед Аида Гусейнова, долгие годы успешно проработавшая в США в Индианском университете, так описывает свои впечатления: *«Всего 12 минут, а ощущение, что прослушала сольный концерт, настолько интенсивен ток музыки и убедителен Атлантов и, конечно же, Фарида ханым! Удивительная свобода владения инструментом, мягкое прикосновение, безупречный пианизм. Я вообще замечаю, что это свойства ленинградской/петербургской школы – так, к примеру, играют воспитанники П.Серебрякова. Ансамбль удивительный – фортепианная партия звучит достаточно весомо, но вместе с тем тактично»*.

Лучше и не скажешь: невероятное ощущение весомости присутствия фортепиано, и в то же время его голос звучит так деликатно!

Кстати, замечу, что в романсах и Чайковского, и Рахманинова велика роль фортепианных постлюдий, часто досказывающих, эмоционально дополняющих историю, «пропетую» вокалистом. Здесь открывается простор для проявления мастерства пианиста. Но Фарида ханым – музыкант с большим вкусом, никогда не выходила за рамки стиля, избегая какой-либо аффектации. Выстраивая свою партию строго в соответствии с авторским замыслом, она неизменно добивалась органичного сосуществования вокала и инструментального сопровождения.

Хочу обратиться и к бакинским концертам четы Атлантов-Халилова. Сразу же подчеркну, что их приезд в наш город неизменно превращался в настоящий праздник. В последний раз Ф.Халилова с В.Атлантовым и баритоном Ю.Мазуроком выступали в Баку в 1970 году. Я нашла небольшую заметку о том концерте в филармонии в газете «Бакинский рабочий», в которой С.Неведов, рассказав о программе вечера, подчёркивает роль Ф.Халиловой в «воплощении творческих замыслов артистов». Помню точную дату упомянутого концерта –21 июня, ибо в тот день состоялся финальный матч чемпионата мира по футболу, на котором сошлись сборные Италии и Бразилии. Конечно, в нашем доме все болели – вопреки большинству футбольных фанатов во всём мире – за сборную Италии. Ведь у нас гостили музыканты, посвятившие свою жизнь опере, родиной которой была Италия! Я до мельчайших подробностей помню знойный бакинский вечер, страсть болельщиков, переживания Захида Исмайловича – человека тонкой душевной организации, который, не выдержав накала эмоций, после пропущенного итальянцами первого гола, незаметно вышел из комнаты. И хотя сборная Италии проиграла со счётом 1:4, это не очень омрачило наше настроение. Как же счастливы все тогда были!

Тут же хочу отметить, что, судя по книге музыковеда М.Нестьевой об Атлантове (М.: Музыка, 1987), после 1970 года он на концертной эстраде практически не выступал. И связано это, по всей видимости, с распадом дуэта Атлантов-Халилова. Кстати, вызывает недоумение и то, что в указанной книге нет упоминания имени концертмейстера Атлантова, с которым связано становление его как артиста, блестящие победы и яркие достижения – примерно 15 лет жизни!

Хочу коснуться и педагогической деятельности Фариды ханым. Несколько лет она проработала в Московской консерватории. Однако, несмотря на степень кандидата искусствоведения, присвоенную ей за исследовательскую работу (о ней я скажу ниже), значимые успехи, славу супруга – тогда уже ведущего солиста Большого театра, Ф.Халиловой всячески препятствовали занять полагающуюся ей позицию в этом прославленном учебном заведении.

Но Фарида ханым сполна реализовала себя как педагог, став заведующей концертмейстерской секцией МГПИ им. Ленина (ныне Московский педагогический государственный университет). Об этой весомой главе жизни Ф.Халиловой прекрасно написала пианистка, доктор философии по искусствоведению, доцент БМА Алия Заманова, несколько лет проработавшая под началом Фариды ханым в Москве. Свой коллектив Ф.Халилова, как правило, называла ***«милым»***. *«Если у неё и был хороший, дружный коллектив, то это только потому, что она сама была будто немного наивной, душевно чистой, и такую «милую» обстановку в нём создала именно она благодаря своей высокой культуре общения с людьми, профессионализму, интеллигентности, искреннему, доброжелательному и сочувственному отношению ко всем членам своей секции»*, – подчёркивает А.Заманова.

Приезжая в Москву в дни зимних каникул, мы неизменно навещали нашу дорогую тётю Фариду – именно так я её называла. Думаю, ей было приятно общаться со своей роднёй, ведь она так безмерно любила свой Азербайджан, в котором у неё прошли счастливые годы юности, где она приобрела друзей. Очень близка ей была моя мама Аида ханым, которой она подарила свою фотографию с весьма характерной дарствен-

ной надписью: *«… в знак большого уважения, любви и солидарности во всех жизненных вопросах»*. Помню, как в очередной наш приезд она как-то заметила: *«Аидочка, вы наведываетесь в Москву на несколько дней, гуляете, ходите по театрам и музеям – это, конечно, хорошо. Но жить здесь – в холоде и стуже, нам, южанам, не очень-то комфортно. Представь, чуть ли не с сентября нам приходится одевать тёплую обувь – и так до конца весны…»*

В 1987 году я была направлена Союзом композиторов Азербайджана в Москву на курсы музыкальных критиков, организованных журналом «Советская музыка». Мы посещали концерты, а затем – на следующий день – оперативно писали рецензии, стараясь отразить свои основные впечатления. Помню, свою рецензию я решила прочитать Фариде ханым, которая с интересом её послушала и высказала некоторые замечания. Тогда же она составляла отчёт о проделанной работе руководимой ею концертмейстерской секции, в процессе работы над которым она, видимо, оценив позитивно мой текст, советовалась со мной.

Особенно запечатлелись в памяти её занятия с певцом-тенором над знаменитой арией Хозе (с цветком) из второго акта оперы «Кармен» Бизе. В процессе занятий каждая нота, каждая фраза шлифовалась – бесконечно, до умопомрачения. Помню, что Фарида ханым стремилась к естественности развёртывания вокальной линии, приводящей к экспрессивной, полной глубокой страсти и одновременно драматизма кульминации. И, слушая эти занятия, я понимала, что Фарида ханым, так глубоко познавшая вокальный репертуар, была прекрасной, мудрой наставницей всех тех певцов, с которыми ей приходилось выступать и работать.

Как-то раз Фарида ханым, по просьбе моей мамы, прослушала и меня – это было летом, во время каникул, на нашей даче в Шувелане. Я тогда окончила начальные классы музыкальной школы им. Бюль-Бюля и думала, как быть дальше: продолжать ли учёбу в в качестве пианистки?

Фарида ханым, терпеливо выслушав те пьески, которые я успела уже разобрать, дала несколько практических советов. Её несколько озадачила программа, которая была предложена моим педагогом по специальности – в ней превалировали произведения советских композиторов. Главная её рекомендация звучала так: надо обогащать репертуар, уже приступать к разучиванию несложных фортепианных концертов, ибо работа над ними обогащает, развивает, приводит к качественному росту. И ещё Фарида ханым посоветовала нам обращаться к специалистам из консерватории, а именно – к великолепному музыканту профессору Эльмире Сафаровой: *«Пусть иногда, раз в месяц Зумруд консультируется с Эльмирой ханым. Это поспособствует её развитию»*.

Тут же замечу, что среди пианистов, наиболее близких по духу, она, помимо Э.Сафаровой, называла и имя Рафика Кулиева. *«Как он играет! Особенно азербайджанскую музыку! Как ему удаётся воспроизводить орнаментальное богатство азербайджанского мелоса. У меня так не получается»*, – не переставала восхищаться Фарида ханым.

Ещё раз мы обратились к ней по окончании мной консерватории. Я мечтала об исследовательской работе и в качестве руководителя подумывала о московских музыковедах. Фарида ханым поведала о своих коллегах-учёных, предложив своё содействие в налаживании контактов. Помню, с какой теплотой она говорила о таких музыкантах, как М.Зильберквит, М.Ройтерштейн – авторе развёрнутой статьи о цикле прелюдий Г.Гараева. Рекомендовала она и нашего соотечественника, живущего в Москве – Давуда Мамедбекова, известного своими книгами о Фикрете Амирове. Но драматические события конца 80-х помешали осуществлению всех планов.

Проявила себя Ф.Халилова и как исследователь. Её диссертация «Очерки истории азербайджанской фортепианной культуры» стала первым серьёзным, очень весомым трудом, посвящённым этой значимой теме. Интересно, что многие положения работы прошли апробацию в статьях, опубликованных на страницах журнала «Литературный Азербайджан».

К сожалению, диссертация Ф.Халиловой в Баку была утеряна. По моей подсказке её нашли в Российской национальной библиотеке. И здесь я только могу выразить благодарность своим коллегам, в частности, Л.Мамедовой-Фараджевой и её докторантке Г.Бекировой, которые занялись наследием Ф.Халиловой. С интересом ознакомившись с диссертацией, я попыталась деликатно её отредактировать, снабдив текст необходимыми уточнениями и дополнениями. Однако было решено представить работу так, как она была написана в уже далёком 1968 году, 55 лет назад – без пояснительных комментариев, при этом ссылаясь на авторитет С.Хентовой – научного руководителя Фариды ханым, в своё время рекомендовавшей диссертацию к публикации. Кстати, было бы несправедливо не упомянуть и замечательных консультантов в Баку, не менее авторитетных учёных, блестящих знатоков музыкальной культуры Азербайджана А.Бадалбейли, А.Исазаде (научный консультант), К.Касимова, Э.Абасову, Л.Карагичеву (оппонент), маститых деятелей науки – литературоведа Мамеда Арифа (в те годы – вице-президента Академии), историка А.Гулиева. Некоторые из этих имён с благодарностью упомянуты Ф.Халиловой в её работе. Ещё одним оппонентом стал прекрасный ленинградский учёный А.Н.Дмитриев – руководитель ряда диссертационных работ азербайджанских музыковедов, неоднократно приглашавшийся в Баку в качестве председателя Государственной экзаменационной комиссии. Диссертация впечатляет обилием информации, фактов, масштабностью привлекаемого архивного материала. Прямо во введении автор чётко формулирует свою цель: *«дать общую картину современной азербайджанской фортепианной культуры, выделив наиболее важные моменты её эволюции»*.

С большим интересом я ознакомилась с первой, наиболее весомой главой, где дана впечатляющая панорама музыкальной жизни Баку начала XX века, рассказано о тех просветителях, которые закладывали основы музыкального образования, исполнительства. Это и первые музыкальные школы, и классы РМО, и семейные музыкальные вечера, и фабрика по изготовлению роялей, и гастроли пианистов, среди которых выделены имена С.Рахманинова, И.Гофмана, В.Ландовски. Данный обзор полностью развеивает стереотипное представление о культурной жизни Баку, как о скудной, ограниченной, монохромной. Конечно, меня особенно заинтересовали имена первых азербайджанцев – питомцев музыкальных школ, которые стали появляться уже к концу первого десятилетия минувшего века. В диссертации сказано и о той роли, которую играла классическая музыка в жизни представителей интеллигенции. Приведу цитату: *«В корреспонденции буржуазно-националистического журнала «Фиюзат» под названием «Vəlvələ və zümzümə» за подписью «Шаир Наим» указывалось: «…что бы ни происходило на свете, своё свободное время автор корреспонденции проводит за фортепиано, знакомясь с большим удовольствием с произведениями Бетховена, Шуберта, Шопена, Рубинштейна и т. д. ...»* Сейчас уже известно, что под псевдонимом «Шаир Наим» писал не кто иной, как выдающийся писатель, мыслитель, один из основоположников идеологии тюркизма Алибек Гусейнзаде! В работе содержатся интересные сведения и о деятельности культурно-просветительного общества «Nəşri-maarif», проводящего музыкальные вечера, на которых *«исполнялись драматические пьесы на азербайджанском и русском языках, русские романсы и азербайджанские мугамы. На одном из вечеров успешно выступила восьмилетняя мусульманка Гусейнова»*.

Ф.Халилова по существу впервые представила, причём в контексте музыкальной жизни начала века, притягательные портреты первых азербайджанских пианисток: это – Хадиджа Гаибова, Назира Шахмирза, Кишвяр Алиева.

Особенно выделена роль Хадиджи Гаибовой – прекрасной пианистки, постоянно расширяющей свой репертуар, страстного просветителя. По её инициативе были открыты первые музыкальные школы для женщин. И, конечно, Ф.Халилова уделяет внимание своеобразной манере игры Гаибовой, умеющей, по словам Э. Никомаровой, тонко передать тончайшие интонационные изгибы азербайджанской народной музыки: *«…темперированный строй фортепиано как бы исчезал и «таял» под её пальцами»*.

Во второй главе Ф.Халилова последовательно раскрывает процесс становления музыкального образования в Азербайджане, акцентируя роль Узеира Гаджибейли, предложившего путь воспитания национальных кадров через освоение азербайджанского мелоса, ладовых закономерностей азербайджанской музыки, при этом проводя параллели с принципами Б.Бартока и Э.Вила-Лобоса. Здесь же предпринята попытка охарактеризовать основные педагогические установки выдающихся пианистов – Г.Шароева, М.Бреннера, выявить индивидуальные особенности их работы со своими воспитанниками. Раскрыта роль К.Сафаралиевой – соратницы Узеир бека в деле строительства музыкального образования.

Как было сказано выше, в работе много документов, придающих весомость её отдельным положениям и выводам. В частности, отмечая, что в начале 30-х годов Баку становится одним из культурных центров страны, Ф.Халилова в подтверждение этой мысли ссылается на авторитетное мнение дирижёра Н.Голованова: *«Надо сказать, что если в провинции самая сильная опера находится в Свердловске, то самые сильные симфонические концерты бывают, безусловно, в Баку»* («Бакинский рабочий», 11 июля 1934 г.).

В центре третьей главы – фортепианное творчество азербайджанских композиторов – первые произведения, созданные Асафом Зейналлы в начале 30-х годов, транскрипции арий из опер, широко известных романсов, песен. Ф.Халилова подчёркивает значение фортепианных переложений азербайджанской музыки, позволяющих воздвигнуть мост между традиционным классическим учебным репертуаром и национальной музыкой.

Характеризуя 50-е годы, как период бурного развития фортепианного творчества азербайджанских композиторов, Ф.Халилова акцентирует значение таких опусов, как Концерт на арабские темы Ф.Амирова и Э.Назировой, 24 прелюдии Г.Гараева, цикл «12 миниатюр» Ф.Амирова. Знание тайн пианистического искусства, отличное владение инструментом – таков залог успешного творчества композиторов следующего поколения: М.Мирзоева, В.Адигезалова, А.Ализаде, А.Бабирова и других.

Успехи азербайджанской музыки ярко продемонстрировал I съезд композиторов Азербайджана (1956), на котором присутствовал Шостакович. И этот успех стал возможным благодаря развитию профессионального музыкального образования – эта мысль красной нитью проходит через всю работу.

В четвёртой и пятой главах соответственно рассмотрено творчество Фикрета Амирова и Гара Гараева.

В очерке о Г.Гараеве Ф.Халилова обращает внимание на становление фортепианного стиля композитора, приведя любопытные факты из его юношеской биографии. Краткий обзор свидетельствует о том, что Г.Гараев подавал надежды и как пианист, его концерты транслировались по радио, он сам выступал в качестве первого исполнителя своих ранних произведений, в частности, «Царскосельской статуи». Среди пианистов, творчеством которых интересовался Г.Гараев, названы имена С.Рихтера, Г.Гульда. Подчеркнута роль Творческого кружка Московской консерватории, силами членов которой проводились прослушивания малоизвестной музыки Брукнера, Малера, Дебюсси, Стравинского. Анализ Сонатины, «Шести детских пьес» Г.Гараева, выполненный с точки зрения особенностей исполнительского искусства, содержит много метких наблюдений, метафор, характеризующих стиль Г.Гараева в целом. Например, рассматривая «Маленький вальс», автор пишет: *«Трогательна, чиста его мелодия, проста прокофьевская «чуть улыбка», когда человек бесконечно любит ребёнка, вместе с тем до конца и бурно не высказывает своей любви»*.

Существенно, что произведения азербайджанских композиторов, в частности, Г.Гараева рассмотрены на широком фоне тенденций соответствующего периода. Касаясь вопроса детской музыкальной литературы, автор даёт достаточно внушительный обзор произведений, адресованных юношеской аудитории. Чрезвычайно примечательна

мысль о потоке прелюдийности в советской музыке 50-х годов, некоторой облегчённой трактовке жанров фортепианной музыки. И лишь единицам удалось тогда создать в жанре миниатюры действительно яркие художественные произведения, среди которых, несомненно, особое место принадлежит циклу «24 прелюдии» Г.Гараева, достоинства которого раскрыты в работе.

О названии диссертации. Это действительно очерки фортепианной культуры, в каждом из которых освещена определённая тема. Однако, дочитав работу, осознаешь взаимосвязь всех слагаемых: пазлы складываются в картину, поражающую своей гармоничностью и красотой.

…Мне очень сложно говорить о последних встречах с Фаридой в конце 2003 – начале 2004 года, когда в связи с командировкой супруга я жила в Москве. Москва начала нулевых – суетливая, нервозная, с постоянными пробками, с развернувшимся – несколько хаотичным – строительством. После развала советской империи в обществе царили напряжение, даже агрессия, вызванные в том числе экономической нестабильностью. Помню угрюмые лица людей на улицах города, явно недоброжелательное отношение к «лицам кавказской национальности»: долгое время я даже не могла преодолеть внутреннее беспокойство, стараясь ограничить свои выходы в город. Но с Фаридой я встречалась: она, к моему огорчению, чувствовала себя не очень хорошо, но при виде меня чуть оживлялась, предаваясь воспоминаниям, в частности, связанным с Тифлисом, где в уютном доме деда прошли беззаботные детские годы.

Помню весьма примечательный телефонный разговор после просмотра нового телевизионного фильма о Рустаме Ибрагимбекове. Фильм, мягко говоря, был не самого высокого художественного уровня: в кадре почему-то периодически мелькали женщины в оранжевых спецовках, подметающие улицы. Чувствовались во всём этом какая-та предвзятость, желание акцентировать те детали, которые идут вразрез с истинным обликом Баку, его горожан. Выслушав мой нелестный отзыв о фильме, она тихо, с тоской в голосе сказала: *«Знаешь, я на всё это особенно не обратила внимание. Меня так привлекла музыка – наши азербайджанские народные песни, звучащие за кадром. Так мне было приятно слушать эти родные звуки…»*

Ушла она в марте – в дни светлого Новруза 2004 года. Весть о её кончине всех нас – родственников и в Москве, и в Баку – сразила. Мне было невыносимо грустно, ведь о многом мы так и не успели поговорить.

На церемонии прощания с Фаридой я произнесла взволнованную речь, рассказав о её творческой деятельности, о её диссертационной работе, неведомой московским друзьям Фариды, завершив речь – помня наш последний телефонный разговор – на родном азербайджанском языке. А вернувшись в опустевшую, уже чужую квартиру Фариды ханым после похорон, подойдя к книжному шкафу, непроизвольно достав первую книгу с полки, я была поражена: книгой этой оказался Коран, причём в него была вложена фотография любимой матери – Саиды ханым. И эта деталь красноречиво говорила о многом – о её глубокой внутренней связи с корнями, родиной, которую она покинула в молодости, но любовь к которой – тихую, нежную – сохранила до конца жизни…

«Незаменимых нет, но есть неповторимые». Наткнувшись на это высказывание П.Пикассо, в период работы над своими заметками, я подумала: ведь это именно о Фариде, имя которой, к слову, переводится, как «непревзойдённая», «неповторимая».

Фарида Халилова была, несомненно, неповторимым человеком, красавицей – блистательной, царственной, талантливой пианисткой, педагогом, автором первого исследования о национальной фортепианной культуре. Всё это позволяет причислить Фариду ханым к ярким фигурам музыкального искусства Азербайджана.

ЛЯМАН БАГИРОВА

Маковые зерна

ЭССЕ

Я славлю жемчуг слова! Ведь оно
Жемчужницею сердца рождено

Навои. «Смятение праведных»

Слово «лето» обычно вызывает классический ряд ассоциаций: отпуск, море, ласковое солнце, легкий соловатый ветер, простор, синева, дача, лес, грибы, ягоды, закрутки-заготовки, путешествия. Одним словом – отдых, когда и труд в радость!

Наше бакинское лето разрушает этот ряд с легкостью фокусника, уничтожающего карточный домик! Одна за другой обваливаются его стены – карты!

Карта первая – солнце! Испепеляющее и яростное, оно превращает воздух в расплавленную синюю слюду. Воздух начинает жить отдельной жизнью. Воздух становится слоистым, густым и тягучим, предметы теряют свои очертания, и качается, колышется мир в этом дымном слюдяном царстве.

Карта вторая – море! Оно далеко от городского засилья асфальта и камня. Легкий солоноватый ветер ощущается в приморских деревнях, но ближе к городу сменяется на песчаный суховей. Хитрит природа и география: вначале сулит неискушенному жителю свежесть морского прибоя, а потом насылает пыльный и колючий вихрь. Неискушенный житель чувствует себя одураченным женихом, которому вначале показали красивую и нежную младшую сестру, а потом обманом женят на старшей – высохшей и морщинистой старой деве.

Карта третья – простор! В городе, застроенном зданиями-гигантами в энное количество этажей, он мало ощущается. Деревья, которые когда-то были большими рядом с пятиэтажными зданиями, сейчас кажутся кустиками по сравнению с высоченными новостройками.

Карта четвертая, пятая, шестая и прочие – похожи друг на друга! Дача, которой нет; лес, который очень далеко и добираться до него трудно, грибы и ягоды можно купить в ближайшем магазине, а значит, нет радости похода за ними. Остается карта закруток-заготовок, но это больше работа, а не отдых.

Есть еще карта путешествий. Верно сказал герой какого-то фильма: все, что мы уносим с собой – это с десяток хороших впечатлений. А несколько раньше фильма эту мысль высказал великий Авиценна: «Человеку для счастья нужно проводить 11 месяцев дома, а один месяц вдали от него, дабы обогатившись мудростью и красотами внешнего мира, возвращаться в мир собственный». Жаль только, что ни Авиценна, ни герой фильма не сказали, где найти для путешествий достаточно средств. Увы, мудрость, красота и хорошие впечатления внешнего мира стоят недешево…

Итак, карточный домик под названием «лето» рухнул. Что же осталось? Небольшое, но надежное богатство: краткая вечерняя прохлада и огромное ночное небо с россыпью созвездий. Низкое, бархатное небо с мириадами звезд – ярких и крупных, как яблоки, мерцающих и мелких как маковые зерна. И путешествие во времени и памяти… Маковые зернышки звезд, осветите мне дорогу в мир, который никогда не разочарует и не предаст! И всегда будет доступен, ибо он в сокровищнице памяти…

Дохнуло утро по лицу земли,
Чтоб все цветы вселенной расцвели

Навои. «Смятение праведных»

Лето 1984 года выдалось в Москве очень жарким. Белые чистые оконные решетки первых этажей быстро покрывались ржавым налетом – от влажности. Капли влаги проступали везде – на листьях ясеней, на детских качелях, на скамейках, возле домов. Матери наказывали малышам, чтобы не играли подолгу в песочницах – на влажном песке легко простудиться. Находиться в этом влажном жарком воздухе было трудно, как если бы человека поместили внутрь горячего облака и приказали: «Дыши!».

Это было трудно сделать, и еще труднее было в такую жару что-то есть и пить. Спасение было только в чае и вкуснейших маковых булочках, что продавались в магазине «Кулинария» около дома нашей московской приятельницы. Никогда в жизни мне не приходилось пробовать таких сдобных и мягких, как пух, маковников с толстым слоем начинки! Каждое маковое зернышко таило в себе терпкую сладость! Нечто похожее на эти волшебные маковники я попробовала только спустя много лет в Санкт-Петербурге в трапезной Блаженной Ксении Петербургской на Смоленском кладбище. Но это уже другая история…

Дом нашей московской приятельницы был гостеприимным и располагающим к отдыху. Ходики мерно отстукивали время в прохладу стен. Тахта под ярким дагестанским паласом мирно уживалась с трехногим столиком в хохломских узорах. На столике стояла пластмассовая, расписанная петухами ваза с пластмассовыми же ромашками. А над тахтой висела копия ренуаровского «Портрета Жанны Самари». Художник-копиист не поскупился на краски – Жанна Самари пылала в ядовитых оттенках розового, голубого и рыжего!

Это разнузданное буйство цветов несколько смягчала темная этажерка с книгами. Их было немного, и все они, как на подбор в коричневых переплетах с черными корешками, были похожи на школьниц в одинаковых платьях и фартуках. Они стояли на полках так ровно и аккуратно, что невольно возникал вопрос – читали ли их когда-нибудь? Передвигали ли вообще с места?..

Впрочем, одна из них выделялась грязно-серой обложкой с полустертым рисунком – видно, книгу читали часто. Я потянулась к ней, благо, хозяйка дала мне полную волю над этажеркой. На обложке плохо различались буквы: «Л..нид С..ов..ев Пов..т. о Х..ж. а.редд..е».

Скорее лениво, чем заинтересованно я перевернула страницу: «Возмутитель спокойствия». Что это? Действительно, спокойствие мое было возмущено в самом хорошем смысле этого слова.

У Константина Симонова есть строки: *«Я не просто прочел. Я как путник, прошел то письмо»*. И, я, словно восторженный и благодарный путник без устали исходила эту книгу за девять дней. За девять дней было опустошено несчетное количество чашек чая и съедены десятки маковников, чья начинка так напоминала россыпь созвездий! И девять дней мне сияли самые яркие звезды Бухары, лившие свой прохладный свет в голубые просторы вечности. По этим бескрайним просторам ехал на своем осле бессмертный Ходжа Насреддин – лукавый и мудрый весельчак, любимый герой народов Востока, более всех даров земных почитавший жизнь и свободу.

Уж как молила я хозяйку подарить мне эту книгу! В самом деле, на что она ей?! Детей у нее нет, сама видит плохо – книги годами на этажерке стоят нетронутыми.

«Не могу, – отвечала она. – Дорога мне как память. Мама моя очень уж любили ее. Вон, почти до дыр зачитали. Я не читала пока, все руки не доходили, а мама дня без нее прожить не могла, и смеялись и плакали с нею».

Не знала я тогда, что именно это издание книги будет украшать мою домашнюю библиотеку. Только случится это много позже – в 2007 году, когда в магазине «Тысяча мелочей» на горке свернутых шлангов и упаковок с бельевыми прищепками я увидела стопку старых книг самой разнообразной тематики.

– Кто-то принес и оставил, чтобы не выбрасывать на мусорку, – небрежно сказал продавец. – Хотите, берите, это бесплатно к товару, который вы купите.

На самом верху стопки лежала «Повесть о Ходже Насреддине». Герой ее грустно подмигивал мне с обложки: «вот куда завели меня вечные странствия – в хозяйственный магазин в бесплатное приложение к бытовым мелочам».

Не помню, что я купила тогда в магазине, но книга Леонида Соловьева вскоре стояла на книжной полке в моем доме.

– Прекрасный выбор! – заметил продавец. – Я эту книгу в детстве читал. Русский, а как хорошо о восточной жизни написал. Пусть будет ему радостно на том и этом свете! Жалко, что такие книги выбрасывают. Хорошо, что вы берете.

Последних слов его я уже не разобрала, торопилась домой, снова встретиться с героями полюбившейся книги и как можно больше узнать о ее авторе. Ведь простые люди зря словами не разбрасываются, и если уж хвалят, то искренно, от самого сердца: *«Русский, а как хорошо о восточной жизни написал. Пусть будет ему радостно на том и этом свете»*.

Пусть!..

Дух человека землю облетал,
Жемчужной сферой мира заблистал

Навои. «Смятение праведных»

… Номер ордера на арест он запомнил на всю жизнь – 2847. В присутствии понятых был составлен протокол обыска. *«У гражданина Соловьева, Л.В.,, русского, 1906 года рождения изъяты рукописи, записные книжки, а также орден Отечественной Войны 1-й степени, медаль «За оборону Севастополя» и медаль «За победу над фашисткой Германией». Оружие не обнаружено»*.

На допросах больше всего интересовались его анкетными данными. Они действительно были необычными. Родился в Триполи. Родители-учителя выполняли на Ближнем Востоке просветительскую миссию Русского Палестинского Общества. Преподавали в русско-арабских школах. Отец Соловьева являлся к тому же инспектором этих школ. Здесь, в Триполи, тогдашней Сирии, а ныне в Ливане и появился на свет Леонид. Было это в Праздник Преображения Господня – 6 августа (по старому стилю) и 19 августа (по новому) 1906 года.

А уже в три года он отправился с семьей в Россию. Отец получил место инспектора народных училищ Бугурусланского уезда Самарской губернии.

В 1920 году Гражданская война и голод сорвали семью Соловьевых с насиженного места. Они двинулись на юг, в Среднюю Азию. Там, по крайней мере, было сытно. Восточный базар, яркий как ковер и шумный как жизнь, ошеломил смышленого приезжего мальчика. Он до конца своих дней не забудет синий вкусный чад харчевен, пеструю сутолоку, гомон, шутки, смех и шум.

В детстве языки даются легко. Скоро Леонид с легкостью заговорил на узбекском, турецком, таджикском и туркменском. На кокандский базар съезжались торговцы со всего Востока. Цепкая детская память собирала, хранила все эти картины, словно выкладывала мелкими маковыми зернами тончайший узор. Разве мог он тогда знать, что этот узор живой памяти так ему пригодится и ляжет в основу его книги?..

Семья Соловьевых жила в Коканде трудно. Учительская зарплата отца была нищенской. Спасал небольшой земельный участок. Свои овощи и фрукты к столу были всегда.

В 16 лет, бросив Железнодорожный Техникум, Леонид решил начать самостоятельную жизнь и отправился по Ферганской долине в поисках заработка. Бродя от кишлака к кишлаку, он брался за любую работу, помогал в хозяйстве дехканам и ремесленникам, рисовал вывески для торговых лавок, давал уроки русского языка, заведовал клубом и одно время даже сражался с басмачами.

Впечатления просились на бумагу. Вначале были небольшие заметки в районных газетах, а вскоре Леонид в 17 лет стал разъездным корреспондентом ташкентской газеты «Правда Востока».

Литература влекла его к себе властно, неудержимо, словно пестрая река кокандского базара, которая жила в его памяти. Он начал писать рассказы и один из них – «На Сырдарьинском берегу» рискнул отправить в Ленинград на конкурс «Мир приключений». И неожиданная удача! Вторая премия! Окрыленный успехом Соловьев решил, что пора ехать учиться литературному ремеслу в Москву.

В 1930 году он поступил на Литературно-сценарный факультет института кинематографии. Обучение было ускоренным, и уже через два года Леонид получил диплом киносценариста. Но он мечтал писать прозу.

Еще во ВГИКе он познакомился с девушкой с актерского отделения – Тамарой Седых. Они поженились. Брак этот продолжался 14 лет, но счастья им не принес, хотя Леонид очень любил жену и упрекал в семейном разладе только свою неуживчивость. А на самом деле причиной было другое – зеленый змий… Но это было позже. А пока…

Уже первые его публикации привлекли внимание наставника пишущей молодежи – Максима Горького. Он отмечал особый авторский стиль Соловьева и особенно хвалил рассказ «Последняя паранджа», где отмечал глубокое погружение в восточный быт и знание восточных традиций.

Алексей Максимович несколько раз беседовал с Соловьевым, правда молодой писатель сильно робел перед классиком и стеснялся задавать ему вопросы.

Он вообще был очень стеснительным. Неохотно фотографировался и всегда повторял: «Писатели – это Пушкин, Толстой, Горький. Я только литератор». А сам был уже автором повести «Новый дом», романа «Высокое давление», сборника рассказов. И все еще мучительно искал себя.

Но встречи с Горьким не прошли даром. Именно он обратил внимание Леонида на то, что лучше всего ему удаются вещи, связанные с лично пережитым, то есть со среднеазиатским материалом.

Уйти в твой древний зной и нежность
Своей стареющей души

Александр Блок. «Флоренция»

Прошлое жило в нем постоянно. Он помнил все: высокие минареты, тающие в небесной синеве, древние пыльные тутовые деревья, которым приписывали особую священную силу. Он помнил мудрость и лукавую усмешку народных сказок и преданий, одним из героев которых был легендарный Ходжа Насреддин – вечный странник и правдолюб, защитник обездоленных, неуловимый и неунывающий.

В представлении Соловьева Ходжа Насреддин был иным – совершенно земным, реальным персонажем.

Леонид еще не подозревал, что пока он размышлял о своем герое, маковые зерна звезд уже выложили на небе Бухары золотую вязь: «Ходжа Насреддин» и ею благословили писателя на главный труд его жизни.

Книга «Возмутитель спокойствия» вышла в свет перед самой войной и мгновенно завоевала сердца читателей. Но 1941 год не дал автору возможности продолжить ее.

Мне мешали дышать эти мерные пальцы на глотке.

Николай Панченко. «Я, наверно, уйду, не достроив своих кораблей»

… – Это вы самый настоящий возмутитель спокойствия!!! – следователь сжимал кулаки и буравил глазами арестованного. – Вели антисоветские разговоры, клеветали на правительство страны! Вот вы пишете в своей книге, что за голову Насреддина обещали большую награду, а он, смеясь, говорил: *«не продать ли мне свою собственную голову?»* Вы тоже можете продать свою голову, если, конечно, уцелеете! 25 лет строгого режима вас устроит?!

Много месяцев шли эти допросы на Лубянке, прежде чем он узнал, в чем его обвиняют. И донести его слова о Сталине мог только один человек, его друг, с которым они вместе писали сценарий фильма о Насреддине.

Еще во время войны повесть была экранизирована режиссером Яковом Протазановым. Сценарий создавался спешно, Леонид Соловьев только оправился после тяжелой контузии на фронте и предложил своему другу Виктору Витковичу экранизировать повесть вдвоем. Как они радовались потом, что фильм получился!

Роль Ходжи Насреддина исполнил замечательный актер с восточной внешностью – Лев Свердлин. От Насреддина в его исполнении исходила энергия бодрости и оптимизма, необходимая в военные дни.

Соловьев старался быть прямодушным и честным. Прибыв в Севастополь в качестве военного корреспондента, он отправлял свои репортажи в газету прямо с передовой. Его пронзительный очерк «Легенда Черного моря» лег в основу великой песни Б.Мокроусова и М.Жарова «Заветный камень».

Он видел и знал многое. Мужество и стойкость защитников города, и трусость некоторых командиров. И Соловьев открыто говорил об этом. Эти высказывания, в конечном итоге, и довели его до Лубянки.

Шел десятый месяц ареста. Леонид Соловьев ждал своей участи.

Вот как он сам вспоминал об этом времени много лет спустя, уже после освобождения. Именно тогда, требуя полной реабилитации, он написал письмо в генпрокуратуру: *«В течение всего следствия мне не было дано ни одной очной ставки, ни с одним из свидетелей. А следователь добивался, чтобы я заранее соглашался с показаниями свидетелей, показавших на меня, то есть занимался бы самооговором. Почему я все-таки подписал эти протоколы? Следователь мне говорил: «Отсюда на свободу не выходят. Но от вашего признания зависит и срок наказания и в какой переведут лагерь». Мне дали 10»*.

Мысленно он следовал за своим главным героем: *«Пусть в пути ослабнут, ослабеют ноги. Он должен ползти, не сдаваться. Сколько людей умерло преждевременно только потому, что они недостаточно хотели жить»*.

Адрес его назначения был таков: «Мордовская АССР, станция Потьма, почтовый ящик ЛК 41/13». Но писать можно редко. Не успел он осмотреться, как выяснилось, что это не конечный пункт этапа. Соловьева собирались отправить дальше, на Колыму, откуда, по словам следователя *«живыми не возвращаются»*.

И тогда Соловьев отправил письмо начальнику лагеря. Просил оставить его в Потьме, обещая написать в таком случае продолжение своей книги о Ходже Насреддине. Может быть, генерал, или кто-то из его подчиненных читал «Возмутителя спокойствия» и уважили бы его просьбу?.. И его услышали. Соловьева оставили в Потьме и даже разрешили после дневных работ оставаться на ночь одному в лагерной сторожке. То есть, перестраховавшись, разрешения писать не дали, но и не запретили. Но маковые зерна звезд снова сложились для Леонида в доброе предзнаменование.

Здесь в бескрайних снегах он тосковал по жаркому солнцу Бухары, солнцу своей юности. И он верил, что когда-то снова увидит его.

«Похождения Насреддина» продолжали идти во многих кинотеатрах по всей стране. Книгу его снова и снова переиздавали. А про автора все забыли. И перемен в его судьбе не предвиделось.

Но недаром Соловьев устами своего героя говорил: *«От холода, ветра, дождя люди защищаются стенами, от жестокой правды различными выдумками. Защищайся, путник, защищайся, ибо правда жизни страшна»*.

От страшной правды его спасала в лагере работа на второй частью его книги. Изредка родные получали весточку от Леонида: «Дорогие мои. Не спешите оплакивать меня. Мой Ходжа Насреддин говорил: *«За холодной зимой наступает лето. В трудную минуту жизни я обнаруживаю в себе некий стальной стержень. Это дает мне основания думать, что не сломаюсь. Важно сохранить себя духовно».*

Родственники бережно хранили его письма из лагеря – летопись самых тяжких лет жизни со всеми перепадами настроения.

Около четырех лет в тяжелейших условиях Соловьев продолжал работать над второй частью «Ходжи Насреддина». Он с горькой иронией дал ей название «Очарованный принц». И вправду, было чем очароваться в краю вечной мерзлоты и изнуряющего труда… Особенно новой передрягой! Все, написанное Соловьевым в Потьме исчезло!

Писатель отправил рукопись начальнику лагеря генералу Сергиенко. Тот при личной встрече одобрил ее, не найдя ничего крамольного, но почему-то рукопись не вернул. Соловьеву пришлось еще три года писать письма в разные инстанции, требуя возвращения рукописи.

Вернули рукопись только после смерти Сталина. Но для самого писателя освобождение пришло лишь через год. Слишком много дел пересматривалось в прокуратуре. До Соловьева никак не доходила очередь.

Звезды уже на московском небе зажглись для Соловьева в июле 1954 года. Тогда писатель, через 8 лет после ареста, возвратился в столицу.

Я гибну, но бесжалостно суров
Твой взгляд, и вижу что – твой нрав таков.
За что ж люблю тебя я больше жизни,
Хоть ты мне хуже тысячи врагов.

Рудаки. Газели

…Жена не пустила даже на порог квартиры. Она и письма мужа отсылала назад нераспечатанными. И хотя он всегда винил себя в семейном разладе, но такой жестокости не ожидал. Он так и не оправился окончательно от этого удара и тайком посвящал стихи своей Тамаре.

От хандры спас Клуб писателей. Там он повстречал Юрия Олешу. Тот вспоминал потом: *«13 июля встретил Соловьева. Высокий, старый. Потерял зубы, но одет прилично. О жизни «там» сказал, что ему не было плохо, не потому что был поставлен в какие-то особые условия, а потому что «внутри себя, – как он выразился, – не был в ссылке»*.

Соловьев был бездомным. И без сожаления оставил негостеприимную столицу. На другой день он уже был в Ленинграде.

Отношения с сестрой Зиной, у которой он поселился, сразу же не сложились. Сказалась долгая разлука. Люди, даже родные, отвыкают друг от друга. Она плохо понимала его, он ее.

Вскоре он встретил в Питере женщину, с которой вновь обрел интерес к жизни. Мария Кудымовская была преподавателем литературы, любила искусство. В апреле 1955 года они поженились, и Соловьев переехал к жене.

Звезды на питерском зеленоватом небе, к счастью, были куда благосклоннее и дружелюбнее столичных. Они сложились над писателем в счастливый узор. Соловьева восстановили в Союзе Писателей, в Лениздате были опубликованы обе части «Ходжи Насреддина». И сразу хлынул поток благодарных, восторженных писем. Писателя Леонида Соловьева открывали для себя новые читатели.

Но вечный странник Ходжа Насреддин никогда не возвращался в прежние места. Так и писатель Леонид Соловьев никогда больше не увидел мерцающих звезд любимой Средней Азии. Он боялся, что его воспоминания не совпадут с тем, что он там увидит.

На закате дней писатель задумал написать книгу о своей юности. Но не получилось. Захлестнула неудержимая фантазия. Даже сестра сказала, что в этой вещи слишком много придуманного. Так ведь он был по натуре выдумщик, а не реалист.

Литературные гонорары иссякли. Надо было на что-то жить, и Леонид Васильевич вернулся к сценарной деятельности, но экранизировал уже чужие книги.

Звезды гасли. Одна за другой погасали приветливые звезды на небосклоне его творчества, воображения, остроумия. Он уставал. И с отчаянной горечью понимал: лучше «Насреддина» он уже ничего не напишет.

Восемь лагерных лет не прошли бесследно. После перенесенного инсульта половина тела была парализована.

Жизнь шла к закату. Жизнь, принесшая столько творческих радостей и столько тяжких испытаний. Он многое простил людям и был благодарен тем, кто прощает его. И думал уже о вечном.

Леонид Васильевич Соловьев умер 9 апреля 1962 года. Ему было 55 лет. Выглядел он гораздо старше.

«Мы ничего не можем ни удержать, ни сохранить для себя, кроме воспоминаний – слабых оттисков, запечатленных как бы на тающем льду. И счастлив тот, кто к закату жизни найдет их не совсем еще изгладившимися: тогда ему, как бы в награду за все пережитое, дается вторая юность – бесплотное отражение первой. Она не властна уничтожить морщины лица, вернуть силу мышцам, легкость – походке и звонкость – голосу; ее владения – только душа. Встречали вы старика с ясными и светлыми глазами? Это юность, повторенная в его душе, смотрит на вас, это бесплотный поцелуй из прошлого, подобный свету погаснувшей звезды, это блуждающий где-то и наконец вернувшийся к нам обратно звук струны, которая давно уж отзвенела. Да будет ниспослана такая милость и нам за все наши горести и утраты: пусть никогда не изгладится в нашем сердце благословенный оттиск, оставленный юностью, – дабы, вернувшись к нам на закате, узнала она дом, в котором когда-то жила…»

Да будут благословенны эти мудрые строки, буквы в которых похожи на бесчисленные маковые зерна звезд, рассыпанных уже по бакинскому небу. И да будут благословенны простые слова, сказанные в память о писателе Леониде Соловьеве: *«Как хорошо о восточной жизни написал. Пусть будет ему радостно на том и этом свете!»*

Пусть!..

Кружились хоры звезд в своем кольце,
Стал человек алмазом в том кольце.
Душа – в ночи разлуки мне она
Свечой среди развалин зажжена

Навои. «Смятение праведных»

P.S. *При написании эссе использованы статьи Л.Колмановского «Жизнь и книги Леонида Соловьева», С.Митленко «История одной песни», а также материалы из Интернета. Автор выражает искреннюю благодарность за использованные материалы.*

ЛЯМАН БАГИРОВА

Волшебная гроза

В Баку гроза, в Баку гроза!
О, Господи, какое чудо!
Из пекла, ада, ниоткуда
Вдруг вдохновенная слеза
Небес ли, счастия, души!
А много ль ей, бедняжке, надо?
Всего лишь капельку отрады,
Всего лишь крошечку любви.
И этот голубой поток
Хохочущего громом неба
Что может предложить целебней
Для сердца врачеватель рок?
Когда удушливо-жестоко
Текут минуты, дни, часы,
Жары объятый липким соком
Спит город в хмаре бирюзы,
Для жизни многого не надо –
Лишь несколько минут грозы!

Написалось сейчас за несколько минут,
пока гремела волшебная гроза.

Из письма автора
25 августа, 20.54

ГАМИД ПИРИЕВ

Р А С С К А З Ы

Перевод Ниджата МАМЕДОВА

Песнь об удоде

Удод, больше не снись мне…

Мамед Араз

Весну в наше село приносят с собой удоды, хотя в другие края – ласточки. Ласточки прилетают после удодов. Находят приют в прошлогодних гнездах, если их не разворошили воробьи, а если разворошили, то строят новые. В позапрошлом году они построили гнездо прямо над дверным косяком. Сколько бы я ни гнал их, когда они только появились, не улетали, вот и решил больше не трогать. Уже третий год над нашей дверью живут ласточки. Прилетают каждый год, живут месяца три-четыре, закладывают яйца, откуда затем вылупляются птенцы, а осенью улетают прочь. У них одна особенность – никогда не гадят в самом гнезде. Высовывают гузку из гнезда и делают своё дело. Я начал стелить под гнездо газету. Если рассудить, нет птицы преданней воробья. Но больше мне по душе удоды. Заметив удодов, я тут же понимаю: пришла весна. Да и сами они птицы красивые. Красивая окраска, продолговатый клюв и хохолок на голове тоже красивы.

И в этот год удоды принесли с собой весну.

Я проснулся, но еще не встаю. Постель такая теплая, что вставать совсем не хочется. Холодно, хоть и весна. Смотрю из окна на распустившиеся почками ветки инжира, на проглядывающее сквозь ветки небо.

Меня зовет отец. Время вставать. Встаю, одеваюсь, выхожу наружу. Умываюсь во дворе и тут слышу голос отца с улицы. Он кроет кого-то матом.

Открываю дверцу в воротах, выглядываю. Недавно Хосров, живущий на другой улице, провел воду через нашу улицу. Труба на поверхности, через нее проезжают машины. Ночью на трубе лопнул сварочный шов, вся улица затоплена. Вот мой отец и кроет матом Хосрова и ночного шофера впридачу. Завидев меня, начинает ругаться еще громче:

– Сам Аллах велел отрезать такому голову, как только родится, а мы отрезаем ему кончик х… . Бл…, есть же мерзавцы…

Раздосадованно качая головой, смотрит на тот конец улицы.

– Где застрял этот Саша? Обещал прийти в восемь.

Не успел отец договорить эти слова, как из-за угла показался Саша и начал идти вразвалку в нашу сторону.

Зовут его Садраддин, но во всем селе его кличут Сашей. Он потомственный работяга, отец его тоже всегда батрачил в селе, все три его ребенка тем и кормились. Отца его прозвали Кинг-конгом, старшего брата Тигром, а среднему прозвища не нашли, так и зовут Элиш. А это Саша. Высокий, светлый детина. Немного похож на русских. Заикается. Очень толстый, при ходьбе брюки сползают вниз, а рубаха скукоживается на животе. Так и ходит весь год, с голым пузом. Одной рукой то и дело подтягивает брюки, а другой тянет рубаху вниз. Но без толку. Пузо Саше не подвластно.

– Где пропадал? – спросил отец, когда он подошел. – Говорил, в восемь придешь.

– Ну, пришел.

Саша немного придурковат. Таких в народе называют «крепким на руку, слабым на голову». Раз поручил ему какое-нибудь дело, надо стоять над головой, а то сделает сикось-накось.

– Заходи давай.

Отец провожает Сашу во двор, заходит сам, закрывает дверь.

В наших краях одни солончаки. Солончак пожирает даже камни. Забор наш осел с одной стороны, отец снес забор и строит новый. Позвал Сашу подсобить.

Отец с Сашей проходят на задний двор. Я несу им термос, сахарницу, стаканы, приготовленные мамой.

– Саша, чаю будешь? – спрашивает отец.

Саша кивает.

– Тогда замешай раствор.

Иду насыпать курам корму. Потом кормлю теленка. Это коричневого окраса бычок с белым пятном на лбу. Его зовут Коля. Знакомя его с другими, называю Николаем, а когда мы вдвоем – просто Колей. Ему десять месяцев. Избалованный он у меня. Только и делает, что ест и спит. Уминает всё, что дашь. Настоящий обжора. Вдобавок грязнуля. Гадит под себя, а потом копошится в дерьме. Ляжки и хвост в засохших какашках. Не теленок, а свин. Но он комолый. Мать его тоже такой была, земля ей пухом. Обычно такие коровы дают много молока, но у нашей вышло иначе. Молока давала мало, а под конец вообще по капле. Продали мы ее мяснику из соседнего села. Вот подрастет Коля, его тоже продадим.

Ставлю перед Колей корм и начинаю выгребать его дерьмо. Бьет хвостом меня по лицу. А я даю ему пинка. Ничего, забудет, когда подрастет. Выйдя из сарая, умываю лицо с мылом.

Иду купить хлеба.

Сначала захожу к бабушке.

– Бабуль, как ты?

– Слава Богу.

– Чего-нибудь надо?

– Нет, всё есть.

Прощаюсь и выхожу.

Проведываю бабушку пару-тройку раз за день. Всегда говорит, ничего не надо. А спустя полчаса звонит нам, мол, сходи в магазин. Немного спустя позвонит и сегодня.

В сельцентре околачивается Мах-мах. Сегодня выплатят пенсию. Ее выдают седьмого-восьмого числа каждого месяца. Мах-мах приходит к банкомату спозаранку, в кармане у него всегда три карты – своя, жены и брата. Сам снимать не умеет, зовет или работающего в магазине парня, или просит кого-нибудь в очереди. Маленького роста, кругленький мужичок; что вдоль, что поперек. Такой толстый, что шеи не видно. Если кликнуть сзади, должен обернуться всем корпусом, чтоб увидеть, кто зовет. Из круглого живота выпирает еще один кругляш – желудок. Выглядит всё это очень несимпатично.

Рядом с магазином хлебный цех. Каждое утро я покупаю здесь хлеб.

Перед цехом отгородили стеклянный закуток для продаж. Там сидит тетя Султан. Каждое утро, пока тетя Султан опускает хлеб в торбу, я гляжу внутрь, но не могу ничего разглядеть, кроме порционного теста на железном столе. Иногда получается уловить часть тела одной из работниц, берущих тесто или несущих свежевыпеченный хлеб к полкам. Эта тетя Султан родом из Грузии. Появилась у нас в селе года два-три назад. И с тех самых пор работает в этом цехе.

Все в селе от мала до велика знают ее. Худая, смуглая, изможденная женщина. Говорит сладким говором, характерным для грузинских азербайджанцев. Раз в неделю берет выходной. В выходной ездит в город. Два раза я видел ее в автобусе. В первый раз я за нее заплатил. Думал, может, утром один хлеб она мне даст бесплатно. Не тут-то было. Мечтать не вредно. Затаив обиду, я не стал платить за нее во второй раз. Не будь рядом люди, даже язык бы высунул, но постеснялся. Однажды захожу, говорю: «Доброе утро». А она: «Доброго любого времени суток». Спрашиваю: «И русский знаешь?» Отвечает: «Чисто говорю на русском, азербайджанском и грузинском, а фарси знаю наполовину». С тех самых пор держусь от нее подальше, боюсь, а вдруг она шпион. Разве можно знать столько языков?!

Внутри работают несколько женщин. Каждая из отдельно взятого региона. Одна из них пожилая, низкорослая, смуглая, кругленькая, с усами на верхней губе. Выбивающиеся из-под платка бакенбарды и усы поседели. Красит волосы хной, но цвет долго не держится. Видать, покупает дешевый и поддельный. Называет Султан «сестрой», но, если разозлится, «сучкой». Собирает деньги играющих в лотерею. Эта лотерея – странная штука. Каждый месяц даешь по десять-пятнадцать манатов, а в конце года или на шестой месяц сразу получаешь свои деньги за весь этот срок. Шило на мыло. Не знаю, зачем это лотереей называть. Тут есть еще и Бахар. Молодая, дашь не более тридцати. Тоже чернявая. Тутошние все чернявы. Полсела ест белый хлеб, испеченный чернявыми женщинами. А еще меня так обдает жаром, когда просовываю по утрам голову в этот закуток. Адская жара! В спину дует ветер, а мое лицо от этого жара покрывается потом. Какие муки терпят эти женщины там в цехе…

Тетя Султан, заметив меня, опускает в торбу два хлеба.

– Добавь еще один, – говорю ей.

– Гости есть?

– Нет, – отвечаю, – сосед попросил.

Если скажу, что пришел рабочий, разговор затянется. Зачем мне это? Беру хлеб и выхожу. В сельцентре народу маловато. Здороваюсь с Мах-махом и ступаю мимо. Чувствую у себя на спине его взгляд, он преследует меня до самого поворота.

Приношу домой хлеб, выхожу во двор и наполняю самовар водой. Люблю самоварный чай. Завариваю самоварный чай как минимум раз в день.

Рублю топором брусок на тонкие щепки. Зажигаю кусок газеты, опускаю в самовар, следом три-четыре самые тонкие щепки, затем ставлю трубу, чтобы всосался воздух и разгорелись щепки. Через пару минут снимаю трубу и бросаю в отверстие щепки потолще. Снова ставлю трубу, сажусь перед самоваром, глядя на дым из трубы.

Голосят воробьи.

Под шифером над нашей крышей сплошь воробьиные гнезда. Целый год над нашими головами, в нашем доме раздается воробьиное чириканье. Сколько себя помню, всегда видел воробьев в нашем дворе. Они для меня как члены семьи. Если возьмут и улетят, буду по ним скучать. В теплую погоду воробьи вылетают из гнезда и принимаются летать в отведенном для них пространстве неба, садятся на деревья, линии электропередач на улице, набивают животы, чем бог пошлет. Да и они чувствуют себя у нас, как дома.

Но каждый раз, глядя на воробьев, я вспоминаю один случай.

Мне примерно десять-двенадцать лет. Только-только вылупились новые птенцы. Каждый раз, когда вылуплялись новые птенцы, многие неоперившиеся крохи выпадали из гнезда, матери не могли затащить их обратно, и потому они становились добычей кошек или просто умирали. Однажды я гулял по двору. Тут заметил воробушка под стеной. Он не был неоперившимся, но всё равно крохотным, перья еще не закрепились, летать он не мог. Я взял его в ладони. Он дрожал от страха, заходился в чириканье. Из неокрепшего желтого клювика просматривался тонкий язычок.

Птенец рвался выбраться из тисков, тоненькие коготки щекотали мне ладонь.

Я немного с ним поиграл. Бедный воробушек совсем обессилел. Не знаю, как мне пришло в голову отрезать ему голову. Я нашел в подвале тупой нож, которым мы давно не пользовались. Острие ножа покрылось ржавчиной. Я прижал птенчика к кирпичу. Начал водить ножом по горлу. Не резалось, но, когда я прижал нож сильнее, услышал как хрустнула его тоненькая шейка. Внезапно меня охватила жалость к птенцу. «Почему я так поступил?» – подумалось мне. Я ощущал, как билось его сердце. Но другая рука невольно водила ножом по горлу. Наконец, головка отделилась от тела. После отсечения головы сердце билось еще пару секунд, потом замерло. Сейчас я так сожалел…

Я долго смотрел на безжизненное тельце, на отсеченную головку. Разгреб ножом небольшую ямку и похоронил там воробушка.

До сих пор ощущаю, как трепыхалась в моей ладони эта кроха.

Кидаю еще пару-тройку раз щепок в самовар, пока тот не закипит. Наконец, запыхтел. Беру из дома заварной чайник с потемневшим от копоти низом, ссыпаю в него чай, заливаю воды из самовара и ставлю завариваться. Тем временем захожу домой за стаканом и шоколадом. Наливаю в стакан чаю и ставлю стакан на выступ крыльца. Закуриваю, курю.

Во двор садится пара удодов, что-то выискивая на асфальте. Затягиваюсь сигаретой, глядя на них.

Открывается дверь, птицы испуганно отлетают. Просунув голову в дверь, меня окликает Заки.

– Гаджи, ай Гаджи.

– Да, Заки, заходи.

Но про себя кляну его за то, что напугал птиц. Заки заходит во двор и затворяет дверь.

Заки – наш сосед, улучив свободную минутку, сразу прибегает ко мне. Хороший парень, если б не нахальство. Моментально распаляется, драчун.

– Чаю будешь?

– Нет, спасибо. Гаджи, вечером что делать будем?

– Заходи вечерком, посмотрим.

– Ладно.

Заки уходит. Иногда мы скидываемся на пиво. «Что будем делать вечером?» – наш пароль. Каждый раз собираясь выпить, он задает один и тот же вопрос, а я даю один и тот же ответ. Надо раздобыть денег. Иду к брату, дает два маната. Ну, вот и порядок. Я не работаю, денег у меня не водится. Когда нужны деньги, обращаюсь к брату. Спасибо, никогда меня не подводит. Он чинит машины, неплохо зарабатывает.

Допиваю чай, наливаю новый. Кудахчут куры. Смотрю в сторону курятника. Кажется, снова дерутся за место. Я поставил в курятнике два ящика и набил соломой, чтобы куры неслись. Вообще-то, снеся яйцо, курица должна по закону уступить место другой, чтоб и та его снесла. Кур-то много, а ящиков всего два. В сторону закон, это вообще ни в какие рамки не вписывается: сидишь, развалившись на мягком и теплом настиле, а другие корчатся, не зная, где нестись. Но уже снесшая яйцо курица вставать не собирается. Мои куры не признают закона, не вписываются в рамки. Потому и начинается драка. Кудахчут, поклевывая друг друга. Наверно, матерятся таким вот образом. Когда они дерутся, яйца выпадают из ящика и разбиваются или же сталкиваются и покрываются трещинами. Куры с куриными мозгами! Не могут поделить один несчастный ящик. Но потом они так дружно стоят рядком у кормушки, что кажется, будто никакой драки и в помине не было. А нам приходится расплачиваться разбившимися яйцами.

Наступает тишина, кажется, территориальные вопросы улажены. Петух опять топорщит перья и хорохорится.

Встаю и прохожу на задний двор. Останавливаюсь возле инжирного дерева, смотрю на отца и Сашу. Отец берет мастерком раствор, мажет им кубик, берет другой кубик и ставит на первый. Усаживает поплотнее, бьет сверху обухом топора, закрепляет.

– Саша, дай раствора, – говорит отец.

– Эй, что делаешь? – говорит заметивший меня Саша.

– Ничего, ем инжир, хочешь, иди поешь.

Не обращает на меня внимания. Берет ведро и ставит возле отца. На самом деле Саша не ждал от меня ответа. Задал вопрос просто так. Ответ его не интересует.

Как только начнет созревать инжир, листья и ствол дерева, земля под ним – всё будет в липком нектаре. Муравьи, пчелы, воробьи, скворцы слетятся на плоды. Не велика беда, если б они ели фрукты целиком. Но нет, поклюют немного, так и оставят недоеденными. Каждый год портится столько урожая.

Инжиру и винограду привольно на Абшероне. Остальные деревья тут особо не приживаются, засыхают через пять-шесть лет. Раз в два-три года мы сажаем персик, абрикос, вишню, черешню. Но всё впустую, не выживают. Отцы наши, деды во всём этом смыслили, потому и сажали инжир да виноград. Но лучше них не найти. Ешь и наливаешься силой. Некогда эти фрукты были украшением наших садов. Некогда эти сады славились своим именем. Жаль, я не застал те времена, когда между деревенскими садами не имелось никаких заборов. Отец рассказывает, раньше между садами оград не было, никто о них и не думал. Осенью, когда укорачивали побеги винограда, собирали хворост в пучок и ставили по периметру. Каждый знал, где начинается и заканчивается его периметр, никто не зарился на чужое. В летний сезон этот хворост шел в печь и самовар. А осенью снова выстраивались по периметру новые пучки…

При взгляде на нынешние дачные заборы темнеет в глазах. Как-то я насчитал интереса ради. Самый высоченный забор из тех, что я видал, высотой в двадцать один кубик – четыре метра и двадцать сантиметров (один кубик равен двадцати сантиметрам). Ну и ну! Где такое видано? Да еще и стеклянными осколками посыпаны. Думают, отвадят воров. Как вор может взобраться на четырехметровый забор с режущими осколками? Этот вор-бедолага с лестницей ходит? Тот, кто первым оградил каменным забором свой сад в бакинском селе, устроил бакинским садам побиение камнями. Высокие стены, напоминающие дворец, многоэтажные виллы прикончили бакинские сады, весь Абшерон. Эти проклятые заборы преградили естественный поток воздуха, в результате засохли и погибли деревья. Пальмы и ели, занявшие место умерших инжира и винограда, стали надгробьем этих мертвых садов. И Абшерон отвернулся от нас.

Мы потеряли все это. Всё, что осталось, – лишь последние крохи.

С мечети раздается азан. Время дневного намаза.

Наша мечеть древняя. Говорят, ей примерно лет шестьсот. Называется Мечеть Сеида Гадира. В советский период функционировала некоторое время как школа, затем как колхозный амбар. А в конце восьмидесятых её восстановили снова в качестве мечети. Всё это мне рассказала бабушка. Иногда она рассказывает мне о своем деде. Дед моей бабушки, его звали Айдамир, был муэдзином. Три раза в день поднимался на крышу этой мечети, – тогда минарет еще не отстроили, – и распевал азан. По словам бабушки, у него был зычный, приятный голос. Даже в соседних селениях слышали его голос и вставали на намаз.

Азан заканчивается. Отпиваю остывшего чаю. Слоняюсь во дворе.

– Сашу позови, пускай идет есть, – кличет меня мама.

Я иду звать отца и Сашу. Отец закрепляет кубик, снимает перчатки.

– Саша муаллим, идем, – говорю ему. Если не позвать, не пойдет.

Он тоже снимает желтые рабочие перчатки, отряхивает, бросает на кубики, идет вразвалку с нами.

– Саша, вымой руки, принесу поесть.

– Меня зовут Сейфаддин, – говорит он.

– Знаю, но Саша лучше.

Он открывает кран во дворе, моет руки.

– Поди сюда.

Открываю дверь предбанника и даю знак рукой, чтоб зашел. Он снимает калоши и заходит.

– Саша, сколько весишь?

– Не жьнаю.

– Примерно шестьдесят, максимум – шестьдесят четыре.

Но весит он, по меньшей мере, килограммов сто двадцать. Хочу пошутить, но до него не доходит.

– Не жьнаю, дома на бумажке всё записано.

– На какой бумажке?

– В прошлом году вызывали в военкомат, там и взвесили, замерили. Всё записано дома.

– Сколько тебе лет?

– Не жьнаю, и это записано на бумажке.

Саше примерно восемнадцать лет.

– Давай садись, я сейчас.

Приношу обед. Ставлю на стол миску, разрезанный хлеб, зеленый лук, соль.

– Испасиба, дайбогздоровья, – говорит Саша.

Вот так и говорит, без пауз, на одном дыхании. Скорее всего, не понимает своих слов, просто привычка.

Закуриваю. Саша начинает есть. Я молчу, чтоб не сбивать ему аппетит. Но Саша не ест, а заглатывает, не жуя. Не успеваю докурить, он уже доел. Уношу тарелки, несу чай. Он тут же хватает стакан. Чай он пьет на странный манер. Подносит стакан к губам и всасывает чай.

– Такие дела, Саша муаллим, рассказывай, – говорю ему.

– Салман женится, – говорит он.

Салман – его двоюродный брат.

– Когда?

– В апреле. Дядя сказал. На соседской девушке. Барана уже купили. Оставили на свадьбу.

– Салман старше тебя?

– Неее, на год младше. И Эльмаддин старше меня на год.

Эльмаддин – его средний брат.

– Значит, Эльмаддин старше Салмана на два года.

– Нет, я старше Салмана на год, а Эльмаддин тоже старше меня на год.

– И я о том же, значит, Эльмаддин старше Салмана на два года.

Он задумывается.

– Неее, он старше меня на год.

– Ладно, – всё равно не смогу ему растолковать, – я неправильно понял.

– Отложу немного денег, тоже женюсь, – говорит он.

– У тебя есть девушка?

– Есть. Училась со мной в интернате. Потом я ее потерял. Не знал, где она. Наконец нашел. Они живут возле пожарной.

– Она тоже тебя любит?

– Да. Каждый день созваниваемся.

– У тебя есть телефон?

– Нет, – отвечает.

Саша допивает свой чай.

– Испасиба, дайбогздоровья.

Надевает калоши.

– Отложу денег, тоже женюсь. Уеду отсюда.

– Куда?

– Пока не жьнаю.

– Бог тебе в помощь.

– А дядя где?

– Обедает, ты иди на задний двор, он скоро придет. Но, смотри, ничего там не трогай, дождись его.

Саша уходит. Беру стакан, захожу домой, мама ставит передо мной тарелку.

– Он пообедал? – спрашивает отец.

– Да. Сказал идти на задний двор.

– Сказал бы, ничего не трогать.

– Уже сказал.

Доедаем. Отец выходит, а я отправляюсь немного вздремнуть. Меня смаривает, закрываю глаза.

***

Меня будит мамин голос.

– Вставай, тебя зовут. Кажется, это Заки.

Выглядываю в окно. Уже вечереет. Выхожу.

– Гаджи, одолжи ножовку, – просит Заки.

– Зачем тебе?

– У барана моего рог кривой, врос в мясо. Дед отпилить хочет.

Иду в сарай, достаю с верхней полки ножовку, задеваю коробок, рассыпаются желудевые семена. Выхожу, отдаю ножовку Заки.

– Скоро буду, – говорит он уходя.

Снова захожу в сарай и начинаю собирать семена. Невольно вспоминаю Сулеймана. Сулейман – мой одноклассник, эти желудевые семена остались от него. Тогда мы учились в девятом. Перед глазами встает тот день.

Когда пришел Сулейман, время тоже было под вечер, как сейчас.

– Пошли собирать желуди в лесу, – сказал он.

– Зачем тебе?

– Посадим семена, вырастим, потом продадим.

– Спятил?

– Знаешь хоть, сколько стоит елка? Можно хорошо навариться.

– Кто покупать-то станет?

– Хозяева дач. Бывал там? Все сажают елки. Идем.

– Ты иди. У меня дела.

– Эээ, ладно тебе. Вернемся через полчаса.

Наконец, ему удается меня уломать. Мы идем в лесок на окраине. Называем лесом, но это крохотный пятачок. Пятнадцать-двадцать рядов елей, давно посаженных. Редколесье. Со стороны солончака между деревьями просматривается дорога, со стороны дороги – солончак. Наш учитель труда говорил, что это называется искусственным лесом. Потому что эти деревья посадили нарочно, они выросли не сами по себе.

Как только мы добрались до леса, Сулейман достал из кармана сложенную в несколько раз торбу. Я сорвал с ветки две шишки.

– С дерева не срывай, – сказал Сулейман, – собирай с земли. Они созревшие.

– Где ты их посадишь? – спросил я, собирая с земли шишки.

– В чем подвернется. На мусорке полно жестянок из-под масла.

Минут через десять мы набили торбу наполовину.

– Хватит, – сказал он.

Он забросил мешок на спину, мы стали возвращаться в село.

Мать Сулеймана была родом из нашего села, отец – из города. У него еще была сестра младше нас на год. Когда они были еще детьми, умер отец. Мать вернулась в село. Спустя пару лет стали ходить слухи, что его мать с кем-то гуляет. Вот ее брат, дядя Сулеймана, взял и отрезал ей голову. Дядя всё еще сидел в тюрьме, дети оставались у дальних родственников.

Сулейман целыми днями слонялся по улицам. То собирал жестянки, то бутылки. Иногда батрачил. Тайком откладывал заработанное. В тот год купил и себе, и сестре школьные принадлежности, одежду. А еще давал сестре деньги на школьный буфет.

А теперь ему взбрело в голову сажать и продавать деревья.

– Ты сажаешь шишки целиком? – спросил я.

– Нет, надо разломать, внутри семена. В одной шишке куча семян.

Мы добрались до наших ворот. Сулейман прошел прямиком во двор и высыпал на землю примерно полмешка.

– Это тебе, – сказал он.

Он снова закинул мешок на спину и ушел.

Конечно, я не собирался ничего сажать. Я собрал шишки в ведро, поставил в сторонку. Пускай остается, по крайней мере, растоплю ими баню.

– Посадил? – спросил меня наутро Сулейман, выходя из школы.

– Нет, – ответил я, – разломал и собрал семена, посажу сегодня.

Не знаю, почему я соврал.

Мы попрощались.

Вечером я отправился в соседнее село, к тете. Был конец недели, я остался у них на ночь. На следующий день вернулся вечером домой, и тут брат сказал, что Сулейман умер.

– Вчера он собирал железки на мусорке. На него напали собаки. Он выбежал на трассу, тут его и сбила машина. Насмерть.

Сулеймана похоронили в полдень.

Ночью же я разломал все шишки и собрал семена, но сажать не стал. Вот и лежат с тех пор.

Коробку с семенами снова ставлю на верхнюю полку. Кормлю Колю.

Выхожу во двор, идут отец с Сашей. Саша умывается. Отец говорит ему на прощание:

– Приходи утром, смотри, не забудь.

Саша кивает и уходит.

В шесть часов иду к бабушке. Беру пенсионную карту, иду к магазину. Пенсию уже выдают, Мах-мах на глаза не попадается. Снял деньги и ушел. Очередь небольшая. Снимаю деньги, отношу бабушке, возвращаюсь к себе.

Пробую занять себя на пару часов. Приходит Заки. Принес ножовку. Возвращаю ножовку на место, выходим на улицу.

– Сколько у тебя? – спрашиваю его.

Достает из кармана один манат и шестьдесят копеек.

– Пошли.

Закуриваю. Заки берет у меня одну и тоже закуривает.

– Гаджи, кури нормальные.

Я курю дешевые, за шестьдесят копеек.

– Извини, Заки, в следующий раз куплю дорогие.

– Нет, я за тебя беспокоюсь, – увиливает Заки. – Эти очень крепкие, для легких вредно.

Замечаю издали Мехраба. Говорю Заки, чтоб мы пошли другой дорогой. Еще с зимы мы с Мехрабом в ссоре, не хочу с ним сталкиваться.

Мы с Мехрабом дружили. Честно говоря, подлец он настоящий, но мы ладили, дружили еще с детства. Он держит голубей, целый голубятник. Я сам к ним равнодушен, но общаться с Мехрабом получалось. Во всем селе я, можно сказать, общался только с Мехрабом и Заки.

Однажды он пришел вечером, мол, сходим со мной утром на базар. Он шел продавать голубей. Сказал, продадим, а вечером нормально сядем, куплю водки, немного колбасы. Я согласился.

Он пришел рано утром, в коробке под мышкой три пары голубей. Мы отправились на Сабунчинский базар. Голуби породистые, потому пошли за хорошую цену. Мы вернулись. Он сказал, что зайдет вечером.

Настал вечер, но Мехраб не заявился. Я ждал до самых сумерек, наконец встал и пошел к ним. Его отец сказал, что Мехраб отправился утром в город и пока не вернулся.

С тех пор я с ним не разговариваю. Дело не в водке. Раз пообещал, надо слово сдержать.

Выходим через другую улочку к сельцентру. Муслим запирает будку. В селе заправки нет, отец Муслима покупает бензин в Забрате, а Муслим отвешивает его здесь литрами. Я прозвал будку «Воронка-петроль».

Поздоровавшись с Муслимом, заходим в магазин Мирзы. Мы всегда покупаем пиво тут. Мирза привык видеть нас вместе. Но сегодня нашего пива нет.

– Что делать будем? – спрашивает Заки.

– Идем к Головастику, – отвечаю я.

Тот тоже мой одноклассник. И вправду, голова у него огромная. Плюс и характер у него соответствующий, прозвище характеризует его всесторонне. Он мой тезка, ходит вразвалку. Когда у меня хорошее настроение, называю его Отважным медвежонком. Покупаем у Головастика два литра пива, семечки, отправляемся ко мне. Дома достаю из кармана два стакана. Заходим в комнату, где днем обедал Саша. Отец сюда не заходит, можем пить спокойно.

Открываем бутылку, наливаем пиво, открываем пакет с семечками, высыпаем на стол. Фууу. Пиво прокисло. Ах ты, мерзкий Головастик…

– Не отравимся? – спрашивает Заки.

– Будь, что будет, – отвечаю ему. – Уже заплатили, не выбрасывать же.

Пьем пиво, не переставая материть Головастика. Заки после первого же стакана заводится. Пиво развязывает ему язык.

– Гаджи, – говорит он, – что с нами будет?

Пожимаю плечами.

– Наверное, всё будет нормально.

– Черта с два. Денег нет, девушек нет…

Он снова за свое. Только о девушках и думает. Бегает то за одной, то за другой.

– Завтра схожу в школу, – говорит он.

– Это еще зачем?

Заки не отвечает.

– Чей архив ворошишь на этот раз?

Я говорю его же словами. Перед тем, как бегать за девушкой, он сначала «ворошит ее архив». Засранец, сам говном измазан, а у других косяки выискивает.

– Ругийи.

– Дочки Азера?

Кивает.

– Не дури, ты ей не пара.

Не обращает внимания. Мы продолжаем пить пиво, грызя семечки.

Допив пиво, собираю в целлофановый кулек шкурки и бутылки.

Выходим на порог.

– Гаджи, дай закурить.

Оба закуриваем. Даю кулек Заки.

– Выбросишь.

Берет и согласно кивает.

– Послушай мои слова, не бегай за Ругийёй. Если узнает ее батя, тебе несдобровать.

– Не бойся, Гаджи. Мы ведь не дети.

– Вот прибьет тебя Азер…

Заки пошатываясь уходит. Выбрасываю окурок и возвращаюсь во двор.

***

На следующий день в сумерках приходит Заки. На лице кровь, избили. Завожу его во двор, умываю, привожу в порядок, даю воды.

– Что стряслось? – спрашиваю его.

Идиот не послушался меня и сходил в их квартал. Азер увидел его и всё понял. Избил как последнюю собаку.

Мне тоже захотелось врезать ему, еле-еле удержался. Пускай очухается, завтра я ему втолкую.

Сидит, приходит немного в себя, собирается уйти.

– Сам дойдешь? Или пойти с тобой?

– Нет, Гаджи, сам дойду.

Но он не справится в одиночку. Провожаю его до дома. Возвращаясь к себе, нахожу по дороге три маната. Пару часов назад дочь Абдула искала деньги, наверно, это она их потеряла. Всё равно Абдул ее побил, если верну, ничего не изменится.

Ночь очень тихая. Удодов не видать. Не знаю, куда они улетают по ночам, ведь я не замечал их гнезд. Они пропадают, как только вечереет, а утром снова появляются из ниоткуда, ища пропитания.

Захожу в магазин Мирзы. Привезли нашего пива. Покупаю на те деньги, которые только что нашел.

– Сегодня ты один, – говорит Мирза. – А дружбан где?

– К нему и собираюсь, – отвечаю коротко. Лясы точить охоты нет.

– Семечек хочешь?

– Нет, есть рыба.

Возвращаюсь к себе, пью пиво во дворе. Выхожу на улицу, швыряю бутылку, закуриваю.

И правда, что с нами будет?

Поднимается хазри. Сначала веет тихо, затем вздымает полы пиджака и начинает набирать обороты.

2013-15
Переработано в декабре 2022

Сезон цветущих персиков

В садах растут кусты дикого аниса. Растут в безлюдных садах, кустятся, раскидываются вдоль стен. Летом запах аниса чувствуется не очень сильно, смешивается с запахом других цветов и трав, растворяется. А теперь вот зима, отовсюду пахнет анисом.

Я не смог уснуть ночью. Вчера Пьяница то и дело шмыгал носом, когда мы прощались, и вечером не пришел. Вечером позвонил и сказал, что простыл.

А я боюсь оставаться один, не могу уснуть…

Как только выхожу во двор, тут же в ноздри забивается запах аниса. Я дышу, втягиваю в себя этот запах – и уходит вся усталость, бессонница, становлюсь бодрее. Выкачиваю воды из колодца, умываюсь ледяной колодезной водой. От ледяной воды у меня невольно сводит челюсть, стучат зубы, всё тело охватывает озноб. Спустя секунд десять капли воды на моем лице согреваются, озноб проходит, но декабрьский мороз снова остужает капли, лицо будто бы покрывается трещинами. Опорожняю ведро и захожу в дом. С ночи осталось полбуханки и полбанки мясных консервов. Это для Пьяницы, съел бы, если б пришел. Вытираю лицо и руки, согреваю консервы прямо в банке, лезу в холодильник за соленьем и тут замечаю непочатую бутылку водки. Мы собирались распить ее ночью с Пьяницей. Сажусь лицом к окну и ем. В прошлом году прямо перед окном Пьяница посадил персиковое дерево. Ему нравится персик. Их собственный двор – солончак, деревья засыхают через пару лет. Вот он и посадил дерево здесь, может, приживется, и ему удастся отведать плодов со своего дерева.

Эта дача вблизи моря. Я работаю здесь, я и садовник, и сторож этого участка. Ежедневно захожу в родительский дом на пару часов, покупаю в селе, что надо, а всё остальное время провожу здесь. Хозяин дачи зимой бывает редко, приезжает раз в месяц заплатить мне, иногда приглашает друзей на посиделки.

Пьяница – сторож соседней дачи. Мы принесли его раскладушку, ночи он проводит тоже здесь. Я боюсь оставаться один. Хорошо хоть есть Пьяница, не то ночью я готов на стенку лезть. Каждый вечер покупаю бутылку водки, пьем, кайфуем. Пропустив несколько рюмок, Пьяница часто плачет, рассказывает о своем детстве. Потому я и называю его Пьяницей.

В детстве водка мне не нравилась. Я навидался тех, кто в ноги бухался ради бутылки. Навидался алкашей, вырубившихся на улице. Еще тогда я решил, что водка – зло. Обещал себе никогда не пить. Но сейчас без водки устоять не могу. Но пить один тоже не могу, нужен собутыльник.

Доедаю, убираю со стола. Выхожу во двор, закуриваю. Снова щекочет ноздри анисовый запах. В нашем дворе нет кустов аниса, хозяину сада травушки-муравушки не нравятся, я держу сад ухоженным. А соседняя дача бесхозная, не та, где работает Пьяница, а та, что слева от нас. Я уже столько лет здесь обитаю, но ни разу не замечал, чтобы там объявился хозяин. Тот сад забит под завязку анисовыми кустами. Летом выглядит вообще красиво, кусты зеленеют. Сейчас они пожелтевшие, но всё равно красиво.

Беру лопату и окучиваю инжирное дерево. Очищаю ствол от лишних побегов. Этому я научился от отца. Он делал так в каждый сезон. Выкапываю по кругу, потом распределяю целую тележку навоза, засыпаю ямку. На это уходит два часа. Нагреваю чай, выпиваю, потом окучиваю еще одно дерево. Лопата упирается в ржавый замок. Это второй такой замок, что я находил в саду. Первый обнаружил в прошлом году, когда окучивал гранат. Тогда Пьяница сказал, что старая хозяйка этого сада была колдуньей. Видать, кому-то отворот делала.

Унавоживаю второе дерево, засыпаю ямку. На сегодня хватит.

Выпив еще стакан чаю, встаю и одеваюсь. Хочу проведать и своих, и Пьяницу. Вспоминаю о бутылке в холодильнике, беру и засовываю во внутренний карман куртки. Дам Пьянице выпить стакан, и простуду рукой снимет.

Запирая дверь, ловлю себя на том, что не взял шапку. Но не возвращаюсь, не люблю поворачивать обратно. Проходя мимо бесхозного участка, срываю охапку перекинувшихся через забор анисовых соцветий, растираю в руке. Запах моментально впитывается в кожу. У аниса резкий запах, если не вымыть руки с мылом, запах будет держаться до самого вечера. Идя по дороге, время от времени нюхаю ладонь. Примерно через десять минут ходу заканчиваются участки, начинаются сельские дома.

Тесные улочки совсем безлюдны.

Дохожу до дому, мама приносит тарелку, ем и встаю.

– Я в магазин. Что взять? – спрашиваю у мамы.

– Ничего.

Выхожу со двора, закуриваю. Ветра нет, но очень морозно, мерзнут уши. Дом Пьяницы на том конце села. Проходя через сельцентр, захожу по пути в магазин, не хочу заявляться с пустыми руками, возьму чего-нибудь к чаю. Гляжу на коробки со сладостями.

Вдруг чувствую, как холодит мне грудь водка.

Беру две коробки бисквита, килограмм шоколада, пачку чая.

Выхожу из магазина и через боковые улочки иду в квартал Пьяницы. Это самая крайняя улица села. Дальше только солончаки.

Дохожу до Пьяницы, тут вижу, что его мать выходит от соседей. Здороваюсь, справляюсь о Пьянице, она качает головой. Заходим к ним во двор.

Пьянице тридцать восемь лет, не женат. Живет с матерью, отец пал шехидом в Карабахе. У него одна сестра, замужем. В прошлом году прооперировали мать, влез в долги. Только в прошлый месяц смог окончательно расплатиться.

Захожу домой. Пьяница – на веранде, лежит на диване. Даю пакет со сладостями матери Пьяницы и подхожу к нему. Мать плотно укрыла его одеялом, на голове у него шерстяная шапка, шея обмотана шарфом, кончик виден из-под одеяла. Это красный, ворсистый шарф. Такой я видел на отцовской фотографии, снятой в молодости. Наверно, этот шарф достался ему от своего отца. Как только видит меня, хочет выпрямиться, но я не даю, беру стул и сажусь рядом. Он стягивает одеяло, и становится видно лицо.

– Пьяница, – говорю я, – как ты?

– Умираю.

Охрипший голос раздается будто из глубины колодца.

– Вижу, – смеюсь я.

Его мама приносит мне на подносе чай, в сахарнице купленные мной шоколадки. Ставит поднос и выходит во двор.

– Твое лекарство у меня, – я достаю из кармана водку.

– Нет, – мотает головой Пьяница, – в горло ничего не лезет.

– Выпей стакан, станет лучше.

Снова мотает головой. Пожимаю плечами, мол, тебе виднее. Возвращаю бутылку в карман.

– Да что с тобой стряслось? – спрашиваю у него.

– Помнишь, позавчера я пришел домой спозаранку?

– Да.

– Еще не рассвело ведь. По пути домой увидал что-то белое на солончаке. Подобрался ближе, гляжу, это лебедь.

– Лебедь? Что он тут потерял посреди зимы?

– Не знаю. Вижу, лететь не может. Я разделся и забрался в воду. Схватил. Нога у него ранена была.

– Ты совсем спятил. Какого черта? Зачем вообще полез за ним в воду?

– Уже несколько недель не мог купить домой мяса. Думал, хотя бы лебедятины поедим…

Его слабый голос хрипит. Хочу сменить тему.

– В поликлинику сходил?

Снова мотает головой. У Пьяницы денег нет, да если и сходит – выпишут тонну лекарств, на какие шиши купит?

– Погоди, схожу за врачом, Эльнуром, – говорю ему.

– Не надо, всё равно помру.

– Откуда знаешь?

– Мой отец погиб в этом возрасте, в тридцать восемь.

Не знаю, что сказать. Это у него давно в голове засело. Каждый раз, напившись, говорит, мол, умру в том же возрасте, что и отец. Сейчас говорит это снова. А я не знаю, чем возразить. Вот так и смотрим молча друг на друга. Снаружи доносится какой-то шум, кажется, рубят дрова. Пьяница указывает на стакан, беру, отпиваю.

– В этом году должен расцвести персик, – говорит Пьяница.

– Да. Уже второй год.

– Не дай ему засохнуть. Ты обращал внимание на персиковые цветки? Напоминают миндальные.

– Да, – говорю, – похожи. Мало осталось, через месяц весна, расцветут.

Его мать возвращается в дом с охапкой дров. Бросает дрова в железную печь, завязывает узлом старый носок возле печи – делает фитиль, обмакивает в керосин, зажигает, засовывает в щель между дровами, закрывает дверцу печки. Затем снова возвращается на кухню.

Я допиваю чай и встаю. Достаю из кармана немного денег и сую Пьянице под подушку. Он пробует запротестовать, но я ему не даю.

Застегиваю куртку, тут Пьяница спрашивает:

– А шапка где?

– Оставил на даче.

– Возьми мою. – Он показывает на новую шапку на вешалке. – По новостям сказали, дождь должен пойти. Промокнешь.

– Ничего. Недалеко ведь. За пять минут доберусь.

Но от их дома до моего участка примерно полчаса ходу. Но не это меня беспокоит, меня пугает то, что ночью снова придется остаться одному, и пить тоже придется одному…

Прощаюсь и выхожу. Гляжу на крышу, на дымоход. Дымоход приперли сбоку кирпичом, дым выходит через оставшуюся щель и устремляется в небо.

Небо ясное, ни облачка.

Нет и дождя.

Июль – сентябрь 2018

Бумажные кораблики в блюдечке

Для Айнур

…Сижу на платформе станции, свесив ноги, качаю ногами, пятки ударяются о бетонный угол. Дует ветерок, шелестят ивовые листья, остюки камышей, растущих на солончаке сбоку станции.

– Братан, дай папироску…

Оглядываюсь, это Ушастик. Киваю в знак приветствия, достаю из кармана пачку. Ушастик подходит, ставит на платформу матрац с одеялом, берет сигарету, склоняется к спичке, которую я для него зажег.

– Ну, как ты, братан?

– Нормально, спасибо, – слегка киваю.

– Батя твой как?

Я снова киваю.

– Дай Бог ему здоровья, хороший мужик!

Ушастика на самом деле зовут Мамед, но все кличут его Ушастиком. Его слоновьи уши будто вылеплены из пластилина.

– Сам-то как? – спрашиваю у него.

Он кивает на свой матрац с одеялом.

– Мучаюсь. Тевеккуль воюет со мной. Сколько можно? В конце концов, я ему заявил, мол, да, батя ты мой, родной и дорогой, но больше так нельзя. Вот и ушел из дому.

Он, кажется, вспоминает о чем-то своем, сжимает сигарету между пальцами, стряхивает пепел и снова затягивается.

– Ям-ям что поделывает? – спрашиваю я.

– Да так. В прошлом месяце навестил его.

Он хочет что-то добавить, но молчит.

– Ладно, спасибо, братан.

Берет свою постель и уходит. Смотрю ему вослед, сгорбился, сильно сдал за последние два-три года, от прежнего Мамеда одни только слоновьи уши и остались.

Ям-ям – его младший брат. В ту пору мы дружили. Сейчас он в отсидке.

Четверо друзей нас было: Меринос, Ям-ям, Косолапый и я.

Меринос с Ям-ямом жили тут, за кварталом позади станции, Косолапый жил возле школы, а я – в другом квартале.

Меринос – мой двоюродный брат, сын отцовского брата, он пас тут овец. Десять-пятнадцать голов, дядя купил. Меринос говорил, это мои овцы, разведу побольше, соберу целое стадо. Иногда я наведывался к нему. Ям-ям тоже. Ям-ям учился с Мериносом в одном классе, они старше меня на два года. Потом с нами стал крутиться и Косолапый. Косолапый учился со мной в одном классе. Косолапый огромный детина, ноги у него кривоваты, ходит вразвалку. Ям-ям светлый парень с гнилыми зубами, похож на людоеда. Косолапого и Ям-яма так прозвал Меринос, смышленый он, по вечерам читал книги. Он говорил, что Косолапым зовут медведя из сказки, а Ям-ямом зовут людоедов, где-то далеко живут людоеды, ходят голышом. Мериносом его прозвали мы, из-за его баранов. А меня прозвали Смольщиком. Я чернявый был, худющий, но так меня прозвали не друзья, дядя однажды сказал, ты похож на смольщиков, с тех пор так меня и кличут.

Тут стоят старые товарняки. Они простояли на дополнительных рельсах и заржавели. Вагонов много было, четыре – наши. Самый первый, пятидесятидевятитонный был вагоном Мериноса, второй, пятидесятисемитонный Косолапого, третий, шестидесятитонный мой, а четвертый, тоже пятидесятисемитонный Ям-яма. Каждый взбирался и усаживался на своем вагоне. Однажды мне захотелось спустится внутрь своего вагона, но люк открыть не смог. Ребята тоже попробовали, но ни один из нас не смог открыть люк. Посидев немного на своих вагонах, мы собирались все вместе на вагоне одного из нас. Косолапый нарушал правила, никогда не пускал нас на свой, но мы его на свои пускали. В моем кармане всегда находилась карамель, я делился с ребятами. Меринос рассказывал нам интересные штуки. А бараны паслись себе в сторонке.

В ту пору еще шли электрички. Два раза в день, утром и вечером. Но мы их не видели. Иногда мимо прокатывались товарняки, либо пассажирские поезда, едущие куда-то далеко. Меринос быстро отгонял овец, чтоб те не угодили под колеса.

Так миновало три-четыре месяца, пока не настала зима. Становилось всё холоднее, потому я шел туда редко. Да и остальные тоже. Один только Меринос каждый день выводил овец пастись. Однажды я шел к дяде. Шел со стороны станции, знал, что Меринос тут. Мы немного поговорили. Чуть поодаль станции, в конце платформы был туалет. Мы слонялись тут уже несколько месяцев, но в этот туалет я еще не заходил. С петель давно сорвали двери, невысокий забор не давал увидеть как там внутри. Я зашел. На стене гвоздем, корявой кириллицей кто-то вывел двустишие:

Мы уйдем, наш аромат впитают цветы,
Услышишь запах – вспомнишь меня ты.

Я спросил у Мериноса, тот сказал, что это написали сумгаитские ребята, которые продают семечки в электричке.

Под Новый год дядя продал овец, но Мериносу денег не дал. Меринос несколько дней не появлялся в школе, стеснялся перед нами. Но вскорости всё позабылось.

С Косолапым мои отношения испортились. Однажды он задел одного парня в школе, кажется обматерил его бабушку. Началась драка, как только Косолапый получил кулаком в лицо, начал дрожать от испуга, побежал к директору со слезами на глазах. Огромный детина, но робкий.

Вот так он и пал в моих глазах. Больше я с ним не крутился. Иногда под настроение материл его в шутку.

Вышло так, что в армию мы отправились в один день. У отца Косолапого машины не было. В комиссариат мы поехали на нашей легковушке. Косолапый держал в руке большую спортивную сумку. Я спросил что внутри, сказал, еда, мама положила. Мы стояли во дворе комиссариата, нас вызывали по одному. Косолапый чуть ли не плакал. Мы вошли, вышли. Ночью нас должны были распределить из Баладжар. Косолапый сказал, пойдем в машину. Мы пошли сесть. Он открыл спортивную сумку и достал хлеб с отварными яйцами. В целлофановом кульке лежало около двадцати яиц, мы взяли по одной, очистили от скорлупы, съели. Косолапый вернул остальные яйца с хлебом в сумку, закрыл ее. В сумке лежали целая отварная курица, палка колбасы, маленькая кастрюлька, два литровых лимонада. Потом мы закурили.

– Смольщик, я боюсь, – сказал он.

Глаза его покраснели.

– Идиот, чего боишься? На себя посмотри, огромный детина, стыдно ведь.

Ночью мы отправились в путь. Мы отправлялись в разные районы. Когда я пришел в отпуск, мама сказала, иди проведай тетю Ильхаму, она часто звонит и спрашивает как ты. Тетя Ильхама – мать Косолапого. Я пошел к ней. Я не узнал тетю Ильхаму, от нее только глаза и остались. Когда я отслужил и вернулся, узнал, что тетя Ильхама умерла. Ребята потом рассказывали, что Косолапый звонил и плакал, умолял забрать его, говорил, что его бьют и матерят. А бедная тетя Ильхама рыдала, так горевала, что заболела лейкемией, и ее не стало за каких-то семь месяцев.

Я совсем возненавидел Косолапого. Баба, выродок! Каждый раз крыл его матом. Он думал, я шучу как раньше, но нет, я материл взаправду.

После армии я начал работать. Выходил из села утром, возвращался вечером. Иногда виделся с Мериносом и Ям-ямом. Меринос не смог поступить в университет. Нам совсем не верилось, ведь он грамотей, но поступить всё же не смог. Видимо, не смог хорошо подготовиться. Он отправился в армию, вернулся и начал работать на этой же станции. Ям-яма в армию не взяли, плоскостопие у него было. У него не было постоянной работы, иногда он подрабатывал грузчиком в магазине. Теперь у каждого имелась своя работа, свои заботы, мы больше не были теми детьми, играющими в догонялки на крышах товарняков. Да и вагоны наши увезли, рельсы выглядели сиротливо.

Так прошло года четыре. Я сидел на работе, позвонил Меринос.

– В курсе? Ям-ям зарезал Косолапого.

– Чего? Почему?

– Да, вчера ночью. Заходи вечером, поговорим.

Вечером я пришел к Косолапому. Его похоронили днем. Пришедшие на поминки уже разошлись, осталось всего несколько человек, они пили чай во дворе. Меринос тоже сидел здесь.

Мы вышли на улицу, закурили.

– Умер вчера ночью, – начал рассказывать Меринос. – Меня с ними не было. Собрались человек трое-четверо, пошли выпить. Сидели в кафе Мухтара. Ям-ям начал издеваться над Косолапым. Косолапый обозвал его мать шлюхой. Ям-ям сказал, ты пьян, завтра поговорим на трезвую голову. Вышли из кафе, тут один из компании стал подначивать, Ям-ям вытащил нож и ударил Косолапого. Отец его говорит, еще живой был, умер по дороге в Сабунчинскую больницу.

…Сойдя с платформы подхожу к низкому кладбищенскому забору, могилы Косолапого, тети Ильхамы и Асада расположены рядом. Асад – дед Косолапого, его Кербелаи называли. Но отец говорит, никакого паломничества он не совершал, просто набожным был, вот так и прозвали. Мы иногда замечали его, когда бегали по вагонам, он приходил на кладбище проведать могилы своих близких. Как только мы его замечали, начинали голосить:

Кеблеи долмы поел,
И взобрался он на ель.
Вдруг водички захотел,
Обоссался, в лужу сел.

Косолапый заходился в бешенстве, материл нас, обижался, уходил. Но утром приходил снова, кроме нас у него друзей не имелось.

Асад умер сразу после Косолапого…

Ушастик снова тащит свой скарб в новое пристанище. На сей раз у него на плече свернутый в рулон ковер, а подмышкой палас. Не ладит с отцом. Подкопил немного денег, купил клочок земли возле солончаков, построил дом. Однокомнатную хибару. Теперь вот перетаскивает вещи, отец его сволочь не дает сыну машину, чтоб тому легче пришлось, а у него бедолаги денег нет такси поймать, вот и бегает туда-сюда. Бедный, ходит укромными улочками, чтоб никто не заметил. Но я не видел как он вернулся, наверно, пошел через сельцентр.

Захожу к дяде. Меринос сегодня дома. Жена дяди наливает чаю, пьем. В сахарнице карамель, но такие я не люблю. С детства обожаю карамель. Тогда продавали вкусные – Пташка, Гусиные лапки, Сказка… Молочные карамели, кофейные. Теперешние не так вкусны, а фантики глянцевые. На Пташке красовался дрозд, а еще продавалась Мечта, похожая на головку сыра, я так и называл ее сыром. Съедал карамельку, а потом из фантика сооружал кораблик, наливал в блюдечко чай и опускал туда кораблик, дул вослед и кораблик плыл.

Однажды я зашел к дяде и увидел, что двоюродная сестра складывает из фантиков маленькую корзинку. Я попробовал повторить, но не получалось. Она складывала фантики и вдевала их друг в друга. Собрав корзинку, она вложила в нее искусственные цветы. На следующий раз я увидел, что она собрала еще две корзинки. Попросил ее собрать и мне такую. Она сказала, принеси фантики – сложу. Потом я об этом забыл, так и не принес фантики. Теперь вот замечаю у них, что эти корзинки всё еще стоят на серванте…

Мы выходим. Курим с Мериносом на пороге. Я прощаюсь и ухожу. Надо идти в село, прикупить пару вещей. Но вдруг мне вспоминается то самое двустишие. Я возвращаюсь и захожу в станционный туалет. Стена выкрашена в несколько слоев, но всё еще удается разобрать нацарапанные гвоздем строки:

Мы уйдем, наш аромат впитают цветы,
Услышишь запах – вспомнишь меня ты.

Выхожу, вижу Ушастик и Ага тащат диван…

…Шел третий день поминок по Косолапому, я вышел из палатки и пошел домой.

Тут увидел Ушастика с покрасневшими глазами. Спросил о Ям-яме, Ушастик сказал, забрали в ту же ночь. Ям-ям шел домой, на него надели наручники прямо у порога.

Ушастик говорит: я попросил полицейских снять на пару минут наручники, пускай человек попрощается с семьей. Не разрешили, затолкали в патрульную машину. Дочка его так и не сводила с отца глаз.

Возвращаюсь в сельцентр, захожу в магазин. На выходе сталкиваюсь с Кянаном. Кянан младший брат Косолапого.

Меринос тогда рассказывал: в тот день, когда Ям-ям зарезал Косолапого, Кянана еле удержали. С ножом в руке и не переставая плакать он шел за Ям-ямом…

Апрель – март 2017

Вороны сидят лицом к гыбле

Выйдя из дома, Заки тут же остановил взгляд на столбе линии электропередач. Пять-шесть ворон сидели на проводах, греясь на солнце.

– Вот гады! – выругался Заки.

Он снял с правой ноги шлепанец и швырнул в птиц. Вороны разлетелись.

…Заки тогда было семь лет. Он отправился с дедом в соседнее село. На обратном пути дед указал ему на ворон, сидящих на ветках высоких тополей вдоль дороги.

– Гляди, – сказал он Заки, – сидят лицом к гыбле.

Вечером того дня умер отец Заки. В ту пору в селе еще не обновили провода. Часто гас свет. В ту ночь света тоже не было. Вдобавок шел ливень. Отец взял плоскогубцы, вышел на улицу. Спустя минуту они услышали его крик. Когда подбежали, тот был уже мертв.

С тех самых пор Заки ненавидел ворон. Вбил себе в голову: если вороны сидят лицом к гыбле – жди беды.

Стоял прохладный вечер. Напоминающее тандырный чурек августовское солнце закатывалось за морем.

– Я в селе.

Он крикнул в сторону дома, чтоб услышала мать. Вышел на улицу, надел шлепанцы.

Сначала отправился к бабушке. Зашел, увидел, что тетя, сестра отца, тоже здесь. Испортилось настроение, он даже не стал с ней здороваться. Хотел попросить у бабушки пять манатов, он бегал к ней, как только нужны были деньги, но, увидев тетю, ничего просить не стал.

– Заки, есть хочешь?

– Нет, бабуль. Холодной воды дашь?

От них до бабушки рукой подать. Но пока шел, язык прилип к нёбу. Он выпил воды, освежился. Вышел и тут увидел, идет дед. На его стареньком «Жигули» пять-шесть вязанок соломы.

– Заки, хорошо, что пришел. Подсоби.

Заки отнес вязанки к сараю.

Это был его дед по отцу. Наутро того дня, когда умер отец, дед с бабушкой переселились к ним. Семь лет они заботились о сиротах. Но ушли со скандалом. Его тетя – та, которая сейчас была у бабушки, – сказала его деду, что невестка, то есть мать Заки, назвала свекра подонком. Скандал набирал обороты. Мать Заки божилась, зачем мне ругать свекра? Ведь он целых семь лет кормил моих детей, не дал нам с голоду помереть. Короче, дед невестке поверил.

Но тетя Заки не дала наладить отношения. Снова стала подливать масла в огонь. Дед понял, что больше здесь оставаться не может. Сослался на сына и вернулся к себе.

У дяди Заки, брата его умершего отца, тоже были проблемы. Дядя не ладил с женой. Никто виду не подавал, но дед знал, что тот уже два месяца не ночует дома. Нашел себе новую женщину, остается с ней. А к себе домой приходит только по утрам, покупает еды. Но дед на прощание сказал свое слово. Сказал, семь лет за ними присматривал я, а теперь пусть присматривает другой дед. Затем три года с ними жил другой дядя, мамин брат. Тот только что развелся. Короче, одни только беды вокруг.

Но Заки очень любил деда по отцу. Жаль, что в конце всё так вышло, дед тоже сожалел, но отступать постеснялся. Да, давно всё это случилось.

Заки отнес вязанки, смыл с лица пот, отряхнул с одежды пыль. Снова попросил у бабушки воды, попрощался и ушел. Отправился к Мирзе. Тот, любитель породистых петухов, был приятелем Заки. Заки часто ходил к ним и смотрел на зажигательные петушиные бои. Но Мирза куда-то ушел по своим делам.

Заки завернул за угол и увидел Гаджи. Попросил у него закурить.

– Гаджи, давай на море.

– Нет, у меня работка во дворе.

– Твоим работкам конца не видать. Тогда зайду вечером.

Он вышел в сельцентр, ища, с кем покрутится. Послонялся немного. Никого не нашел. Все друзья и приятели занимались своими делами. Наконец, отправился на море один. Денег на автобус не было, он снял шлепанцы и пошел через дачи. Солнце клонилось к закату. Часть дороги заасфальтировали, тень от дачных заборов постепенно покрывала асфальт, но тот всё еще был горяч. Дойдя до берега, он закатал и брючины. Шел, увязая по щиколотки в зернистом песке, иногда в пятки впивались острые ракушки. Народу было много. И прибывало еще. По пути в кафе Али он смотрел на греющихся на солнце девушек. Если рядом с девушкой находился парень, то он на нее не смотрел.

Добрался до кафе, поздоровался. Они с Али учились в одном классе. На этот год Али арендовал одно из сезонных кафе. Вообще-то, это всего лишь маленький ларек из фанеры плюс шесть соломенных закутков. В ларьке сидел сам Али, а посетители сидели в закутках, смотрящих на море.

– Пива будешь? – спросил Али.

– Давай.

Али налил пива, поставил бокал перед Заки. Но не стал спрашивать «закуску хочешь?» Знал, у Заки денег нет, пускай пьет свое пиво и проваливает. Заки стал залпом пить, но допить не смог. Дойдя до середины, поставил бокал на стол. Его глаза прослезились. Сигареты Али лежали на столе. Не спрашивая разрешения, Заки взял одну. Допил пиво, разделся, вошел в воду. Вышел, когда стемнело. После пива поднялось настроение. Попросил у Али еще один бокал. Али закурил сам и протянул ему одну. Знал, что тот всё равно попросит.

– Фариду видишь? – спросил Заки.

– Нет.

– Я ее приберу к рукам, вот увидишь.

Фарида жила возле школы. Развелась, вернулась к себе, а спустя шесть месяцев родила.

– Она порядочная девушка.

– Да ладно. Не видишь, родила после развода. Будь она порядочной, стали бы пинка под зад давать?

Али, ничего не говоря, пожал плечами.

Заки оделся и попрощался с Али. Вышел к автобусной остановке. Сил идти пешком не осталось. Тут он заметил Вюгара, едущего в село. Заки забрался в кабинку его ЗИЛа. Вюгар водил водовоз, видимо, сюда кому-то воду привез.

Заки сошел в сельцентре, зашел в магазин. Поздоровался с Рашадом. Рашад работал продавцом.

– Рашад, дай сигарет. Деньги потом занесу.

Заки взял пачку, вышел. Как только завернул за угол, закурил. Постучался к Гаджи.

– Гаджи, ай Гаджи…

Гаджи высунул голову. Он что-то жевал.

– Заходи, поешь.

– Нет, Гаджи, приятного аппетита.

– Да ладно тебе, заходи, говорю.

Заки зашел во двор и захлопнул дверь. Уселись, мать Гаджи поставила перед Заки тарелку. После еды попили чаю. Купеческий чай дымился в граненом стакане. Заки потянулся к сахарнице, взял ногул, отправил в рот. Разжевал, зернышко кориандра застряло в дупле гнилого зуба. Допили чай, вышли на улицу. Сели на корточки возле гаража, закурили.

– Опять бухал?

– Гаджи, братан, в ресторане сидели. С ребятами.

– С нашими?

– Нет, ты их не знаешь. Наелись, напились. Девки тоже пришли.

Заки думал, что пытается вызвать зависть. Но Гаджи хорошо знал эти повадки, знал, что всё это трепотня.

– Гаджи, как мне подцепить Фариду?

– Не дури. Девушек мало, что ли?

– Всё равно ведь – гулящая.

– Своими глазами видел?

– Нет, но знаю.

Гаджи знал на что намекает Заки. Но сам Заки не знал, как всё обстоит на самом деле. Фарида порядочной девушкой была. Вышла замуж за любимого парня. Но детей у них не было. Несколько лет лечились, не помогло. Свекровь житья ей не давала. И сына принялась подначивать. Свекор пробовал всё уладить, не вышло. Наконец, развелись. Но за три месяца до развода Фарида зачала. И знала это. Но, желая наказать свекровь, никому ничего не сказала. После рождения ребенка бывший муж стал умолять, упрашивать вернуться, но Фарида отказалась. Теперь ребенку исполнился годик. Иногда к ней заходил свекор проведать ребенка и вскоре уходил.

Гаджи всё это знал, но Заки ничего не сказал.

Заки опьянел от пива, закрыв глаза, прислонился головой к воротам гаража. Как только опустилась ночь, стали квакать лягушки. Гаджи слушал лягушек, Заки думал о Фариде.

– Лучше подыщи себе работу, хватит слоняться, – сказал Гаджи.

Заки увидел, что разговор принимает другой оборот, встал и ушел. Начиналась тихая летняя ночь. Смешавшись с темнотой, Заки пошел в ту сторону, откуда раздавалось кваканье…

Апрель 2016

Рыбалка на радуге

– Сафар, сынок, Юсиф умирает… Помоги, ради Бога… Сын мой умирает. Нужна операция, кровиночка моя умирает…

Сафар стоял на пороге маленькой деревянной двери и глядел на тетю Амину. Амина с утра места себе не находила, всех обошла, глаза у нее опухли. Стемнело, но это были не плотные сумерки, Сафар мог различить налитые кровью глаза Амины, белки ее глаз стали темно-красными и черные зрачки в этой красной кайме выглядели страшно. Юсифа ударили ножом вчера ночью, он потерял много крови, теперь лежал в больнице и умирал, требовалась срочная операция. Откуда у Амины деньги на операцию? Уже который час она обходила родных, близких, соседей. Сначала отправилась к отцу. Отец ее сказал, на этого подонка ни копейки не дам, больше ко мне не приходи. Затем отправилась к брату, тот стал божиться, что денег нет, были бы – дать не жалко. Затем она пошла к деверю, тот тоже сказал, денег нет, но Амина поняла, что есть, только вот давать не хочет. Вот так она обошла всех, на кого надеялась, но двери не распахнулись навстречу. Теперь надежда только на Сафара. Она не плакала, когда пришла к нему, думала, больше не заплачет, не осталось ни сил, ни слез. Но на последних словах снова полились слезы, стекали по щекам, подбородку, уже в который раз за сегодняшний день она плакала, беззвучно всхлипывая.

Сафар застыл на пороге. Он откладывал уже несколько лет, а теперь рука не поднималась отдать все деньги на спасение этого мерзавца, но и отказать не мог. Он смотрел на Амину, и сердце разрывалось. Подумал, будь жива его собственная мать, и окажись он сам при смерти, та точно так же обходила бы все двери. Да, точно так же. Он молча чертыхнулся: «Гореть бы тебе и твоим дружкам… Посмотри, что творишь с бедной женщиной…»

Он зашел в дом, взял деньги, вернулся и отдал их Амине. Амина потеряла дар речи, ждала, что и Сафар откажет, была в этом уверена, но Сафар оказался настоящим мужчиной, сделал то, чего не сделали ее родные отец и брат. Амина смотрела несколько секунд Сафару в лицо, заплакала, ее стали душить всхлипы, она повернулась и стала удаляться быстрыми шагами.

Сафар хотел запереть дверь, не вышло, руки не слушались, опустился на корточки и через силу закурил. Вспомнил каждое слово, сказанное Юсифом два месяца назад:

«…Знаешь, Сафар, все эти родичи – пустышки, богом клянусь. Я знаю, что говорю. У меня столько родичей, и что, козлы они все. После того, как отец мой помер, кто о нас позаботился? Ни один. Деды мои, мамин брат, отцовский брат – все и близко не подступились. Сафар, богом клянусь, у нас целыми днями есть нечего было. Мама моя утром голодная шла на работу, а меня отправляла к деду, чтоб я хоть там поел. А теперь дед хорохорится, даже не стесняется, мол, вас выкормил я. Подлец… Мама моя годами ходила в одном и том же, укорачивала старые отцовские штаны, чтоб мне было что надеть. Где вы тогда пропадали, а? А, козел? Правда, иногда он чем-то помогал, по праздникам, да и то потому, что мать моя молодая была, они боялись, повторно замуж выйдет, и тогда их за мужиков считать перестанут. Но у матери моей чести не меньше, чем у мужчины. Довольствовалась малым, вкалывала, вырастила меня. А возьми мужа моей тети… Деньги есть, возможности есть… Прошлым летом пошел к нему, говорю, у тебя огроменный ресторан, дай мне какую-нибудь работу. Говорит, иди на парковку, присматривай за машинами. Денег не много, но тебе хватит. Я ему чуть в харю не плюнул. У подонка денег куры не клюют, думаешь, не мог мне нормальную работу дать? Нарочно так делает. Все они такие. А теперь вот себя крутыми считают. Да пошли вы… Сафар, родичи, друзья типа, все пускай идут подальше. Надеяться надо только на себя. Никто для тебя стараться не будет».

Сигарета в его пальцах догорела до фильтра. Сафар встал и прошел в дом, волоча ноги. Бабушка сидела на веранде, напустив обиженный вид.

– Напрасно дал денег.

Сафар ничего не ответил.

– Отец его алкашом был, по улицам слонялся, на улице и помер. Родной брат и близко не подступился, его обмыли и похоронили соседи. А теперь и сын идет по стопам отца. Сын выродка – тоже выродок… Напрасно дал. Что, своих проблем мало? Возьми хоть свою сестру… – Бабушка указала на Рухангиз, смотрящую на них из другой комнаты. – Совсем взрослая уже, не сегодня-завтра сватать придут. Ей свадьбу надо отыграть, приданое дать. Да себя хоть возьми. Тебе уже двадцать семь, сколько холостым ходить будешь? Надо было о себе позаботиться. Отдал ей все деньги. Будь лишние – черт с ними, но ведь тебе самому нужны. Думаешь, вернет? Не надейся… Уплыли денежки…

Сафар сидел, склонив голову. Бабушка увидела, что тот отмалчивается, недовольно махнула рукой, прошла в другую комнату, захлопнула дверь.

Сафар выключил свет и лег на диване. Бабушка всегда стелила ему простыню, поправляла одеяло и подушку. Но сегодня, разозлившись, побросала всё, как попало, даже Рухангиз не дала всё поправить.

Сафару было двадцать семь, сестре – двадцать три. Отец их давно умер, когда Сафару было шесть, а спустя шесть лет от горя зачахла и мать. Сирот подобрала бабушка. Сафар ходил подмастерьем у Джаббара, они строили заборы, дома. Хорошо зарабатывал, самим хватало, ни у кого ничего не просили, к тому же Сафар откладывал уже четыре года. Ему нравилась одна девушка в селе, думал, накопить немного, отстроить себе дом, а потом отправлять сватов. Дом их был очень старым, его построили из ракушечника, когда женился дед. Маленький домишко, две комнатки, покрытая киром крыша. По всем стенам разошлись трещины, штукатурка отвалилась, да и кир прохудился, в ливень протекало, невесту сюда не приведешь. Крышу, конечно, надо починить, но изнутри дом ремонту уже не подлежал. А Сафар знал, если не отстроит новый дом, девушку ему не выдадут. Он подкопил тысяч пять, но этого не хватило бы даже на голые стены. Только сестра и Юсиф знали, что ему нравится та девушка.

Юсиф младше его на год. Его отец тоже давно умер. Даже сам Юсиф того не помнил. Лодырь этот Юсиф, ни на что не годный. Да и работать не собирался. Ему только и хотелось слоняться целыми днями, запускать голубей в небо, бегать за девушками.

Мать работала уборщицей в поликлинике, они жили на ее крохотную зарплату. Сафар не раз говорил Юсифу, мать твою жалко, работай, если хочешь, с мастером потолкую, пойдешь с нами, деньги у тебя появятся. Юсиф не согласился. Сказал, батрачить не по мне. А Сафар разозлился, сказал, белоручка ты, только яйца чесать горазд.

Это случилось примерно месяца два назад. Вечером они сходили в пивную. После двух бокалов Юсифа развезло, он долго ругал своих родичей. А в конце сказал, что начал курить шмаль, сам взял и признался. Сафар об этом пару раз слыхал, но не верил. Неужели Юсиф такая вот гнида, мать его полы моет, а он ее гроши на шмаль спускает. Но Юсиф признался самолично. Сафар тогда побил его, сказал, больше ко мне не заявляйся. С тех пор Сафар его и видеть не хотел. А прошлой ночью Юсифа пырнули. Кто, за что, Сафар этого не знал, да и не интересовался. Будь его воля – не стал бы давать денег, но стало жаль тетю Амину. Он постарался поставить себя на ее место. Бабушка этого не понимала или не хотела понимать…

Утром Сафара разбудила Рухангиз.

Бабушка сидела в другой комнате, еще не остыла после вчерашнего. Сафар выпил чаю и вышел.

Кое-как пытался работать до полудня. Но Джаббар увидел, что он сам не свой. Сказал, пойди отдохни. Сафар отнекивался, но после того, как мастер на него накричал, умылся и ушел. Домой возвращаться не хотелось. Скорее всего, бабушка до сих порворчит. С одной стороны, она тоже права. Но как быть, дело уже сделано…

Сафар зашел на кладбище. Вытер ладонью надгробье матери, сел перед ним. Под конец мама уже не могла вставать, кашляла кровью. Денег на врачей не было. Бедная, корчилась от боли, а Сафар сидел в изножье кровати, как сейчас в изножье могилы, и смотрел на нее. Он ничего не мог для нее сделать, маленьким был, но понимал, что должен. Только вот ничего не умел…

Затем он зашел в магазин. Купил сигарет, пять бутылок пива. Денег не хватало, сказал, потом занесет остаток. Пошел к морю неспешным шагом. Каждый раз, когда становилось тоскливо, он приходил сюда, беседовал с отцом. Покойный рыбаком был. Он помнил последний совместный день. Через день ему исполнялось ровно шесть. Стояла ночь. Отец подвыпил. Сафару не спалось, он вышел наружу и увидел, что отец курит, сидя на крыльце. Увидев Сафара, тот улыбнулся, подозвал к себе, усадил на колени, взъерошил волосы. Сказал, ты уже взрослый мужчина, завтра тебе целых шесть. Затем начал рассказывать о радуге. Сказал, там, где начинается радуга – скрыта казна. Сафар спросил, что такое казна? Отец ответил, много рыб, крупные, белые рыбины. Сказал, скоро отправляюсь на рыбалку, поймаю тебе на радуге самую громадную рыбину. Отец ушел. Но не вернулся. Их в лодке было двое. Лодку прибило к берегу, тело второго рыбака обнаружили возле Сумгайыта, а тело его отца не нашлось. У его отца не имелось могилы.

Сафар верил, что отец жив, и теперь он на радуге, бросил оттуда сеть, но та самая громадная рыбина, которую он хотел поймать для сына, никак не попадается. Отец вернется, как только выловит эту рыбу. Непременно вернется. Сафар в это верил, на все сто знал, что это так. Отец ведь не умер, тело-то не нашлось. Отец жив, рыбачит на радуге. Сафар уверен. Но этим он ни с кем не делился, даже с сестрой. Но отец вернется. Обязательно вернется. Взъерошит Сафару волосы и скажет, совсем взрослым стал, а потом отдаст ему рыбу, скажет, отнеси бабушке, пускай почистит…

И тогда бабушка перестанет сердиться, перестанет тужить да горевать.

И тогда всё станет отлично…

Февраль 2017

ШИРИН МАНАФОВ

ОБ ИСТОКАХ ФЕНОМЕНА БАКИНСКОГО КВН

В 2005 году Стив Джобс закончил знаменитую речь в Стэнфордском университете словами: «Оставайтесь голодными. Оставайтесь безрассудными». Современное поколение назубок знает легенды Силиконовой долины и не знает легенды цветущего периода родного города. Удивительно, но до сих пор богатый на события период в истории Баку не отражен в литературе. Остается нераскрытым значительный вклад Баку в оживление культурной жизни СССР.

М.Жванецкий в своем интервью в 2009 году с восторгом говорил: «Какая публика была в Баку в советский период, отзывчивая и тонко реагирующая». Эта публика была взращена, взлелеяна КВН-бумом в Баку в 1970-1987-х годах. Одним из активных «отцов-воспитателей» отзывчивой публики был мой старший товарищ Михаил Носоновский, один из игроков легендарной команды «Парни из Баку» (капитан Юлий Гусман). Но эта статья посвящена М.Носоновскому не как игроку, а как тренеру и наставнику. Это рассказ об отличном триггере (спусковой крючок) бакинского ренессанса 1965-1985 годов Мише Носоновском. Заметки – попытка обоснования значимости такого человека.

Михаил Зусьевич Носоновский (1932-2020) окончил школу № 160, выпускник АзИИ (1934-1959 – Азербайджанский индустриальный институт), ныне Азербайджанский государственный университет нефти и промышленности), геофизик и приборостроитель, капитан команды КВН СКБ «Нефтехимприбор». Команда эта стала победительницей первого чемпионата Баку. Миша был активным участником эпохи славных побед команды КВН – чемпиона СССР 1968 и 1970 годов. Конструктор приборов, изобретатель и писатель-юморист, автор текстов для многих бакинских школьных и вузовских команд КВН. По свидетельству его близкого друга Александра Аграновского, главы отделения Ассоциации «АзИз» в Иерусалиме, в финале чемпионата СССР в 1968 году Миша выиграл в конкурсе «трепачей» у будущего ведущего популярной программы на российском ТВ Леонида Якубовича.

1975 год, Носоновский – наставник и автор сценария для команды одного из факультетов Политехнического института.

После каждого выступления команды бурно обсуждались не только выступление каждого участника, но и подробно разбиралась игра противника.

Преподаватель Валех Гаджиев – азартный болельщик КВН и участник команды Осман Бархалов составили отчет об игре команды и о роли наставника: почему Носоновский в свои 43 года тратит время на подготовку команд КВН в школах и вузах города.

Между собой мы называли его Сир. Фамилия и амплуа нашего героя ассоциировалась с Сирано де Бержераком, героем драмы Ростана, так что в дальнейшем Сир. Команды с Сиром, этим блестящим тренером и сценаристом, брали первые места в городских чемпионатах. Он воспринимал свою работу как миссию. В чем она заключалась? КВН – гениальный трикстер (трикстер – это нарушитель запретов, традиций и устоев. Там, где он появляется, привычный порядок вещей нарушается. При этом трикстер не имеет целью причинение зла), а Сир был самым активным инициатором переформатирования вузовской молодежи в Баку. Нарушитель запретов и исчерпавшихся стереотипов щедро делился своим опытом.

– *Скучно питаемся*, – заявлял игрокам Сир. – *Москва годами недопоставляет витамины. С белками-жирами тоже не блеск. Но витаминов нет вообще, и мы, южане, должны сами обеспечить себя и страну в целом*.

Это было время, когда живое слово можно было услышать только в КВН. Громадную роль в динамизации общества страны сыграла бакинская команда КВН, впервые ставшая чемпионом СССР в 1968 году. Позиция Сира как драйвера процесса такова: Центр недопоставляет стране витамины, хватит ждать милостыни от Москвы, поставщика банального. Пора самим наладить поставки витаминов для находчивых и дерзких.

Именно благодаря таким, как Сир, КВН из игры превратился во всесоюзное движение. Став куратором процесса, он возглавил работу по созданию нового поколения советской интеллигенции, не зажатой, раскованной, свободной и смеющей сказать свое слово и превратил забаву для студентов в карнавальное пиршество, привлекая смелых и дерзких, острых и неординарных.

Он очень серьезно относился к своей миссии: курируемая им команда должна заявить о себе, занять первое место, чтобы игроки со временем стали драйверами процесса, который Миша направлял и опекал в Баку с 1968 по 1988 годы. Он был уверен, что игра формирует новую реальность и нового человека.

На работе в «Нефтехимприборе» его знали как хохмача, рассказчика анекдотов. Но мы знали совсем другого Носоновского.

В 1976 году я попросил Сира помочь новосоздающейся команде в медицинском институте, где я учился, и мог наблюдать его стиль работы. Серьезный, строгий, взыскательный наставник. Мастер раскрывать игроков, в этом ему равных не было.

В стране застой, острый дефицит идей. Кассу театры делали на комедиях Эдуардо де Филиппо, таких, как «Филумена Мартурано» и прочие. Эстрада на пике вольнолюбия и инакомыслия осмеливалась лишь на: «Смешная челка, Идет девчонка… Ни от девчонки, ни от эстрады никто ничего большего и не ждал. Неудивительно, что КВН был, как глоток свежего воздуха.

Каждая репетиция Сира была мастер-классом эрудита-пересмешника. Высмеивал советские штампы и стереотипы с таким азартом и удовольствием, что включались даже ярые комсомольские отморозки.

Спрашивал у игроков: «Кто победит, три богатыря или три мушкетера?» Требовал выжать из сказки про Машеньку и трех медведей все, что они могут дать Клубу. Разбор другой известной сказки сильно обогатил и без того непростые отношения Волка с Красной Шапочкой и ее бабушкой. При этом честно предупреждал, судьба кавээнщика вне игры в советском обществе трагична. Надо притворяться, что это просто студенческая забава, театральная студия, самодеятельность. Казалось, просто хохмач, на самом деле – жесткий сатирик.

КВН понимался им как социальная революция, которая должна привести к власти научно-техническую интеллигенцию. Постоянно поднимал эту тему, разумеется, в кавээновском стиле. В стране, где самой популярной, можно сказать, даже гимном, была песня «Проснись и пой» из спектакля «Проснись и пой» (1970 год) в исполнении Ларисы Мондрус, иначе было нельзя. Проснись и пой – единственное, что могли предложить советская идеология и эстрада. Встал с постели – пой. Отходя ко сну – пой. Уходишь в мир иной – пой. Сбила машина – встань и пой. Не можешь? Пой под машиной. Более откровенен был в общении с членами курируемых команд, считая их надеждой и будущим страны. Мечтавшим стать актерами игрокам повторял: «КВН – это ваш шанс». Близким друзьям открыто говорил: «КВН – это шанс для страны». Ключевое слово 1970-х – перевыполнение плана. Страна и партия требовали перевыполнения плана по овощам, хлопку, текстилю, углю, шерсти, озимым, яровым и бахчевым.

– *А я считаю, что стране надо перевыполнить план по кавээновскому поколению*, – заявил Сир.

Он внес значительный вклад в перевыполнение плана по «производству» ярких и дерзких. Носоновский был одним из когорты тех, кто рассматривал Баку как поставщика витаминов для всей страны.

Амбициозность такого уровня была свойственна единицам, уже в 1975 году понимавшим, что брежневский застой пытается управлять страной исчерпавшимися штампами. Высоцкий, Райкин и Жванецкий – очень мало для такой страны, как СССР.

КВН стал открытием, надеждой для поколения Сира. Был успешен, потому что отлично сформулировал свою задачу для Баку и для страны. Поднять студенческий энтузиазм до уровня преобразователя социализма. Приобщать к высокой миссии убийцы застоя этих веселых парней и девушек, пусть и не осознающих важности всесоюзного баловства под названием КВН.

Команда Одессы опиралась на традиционные сюжеты, а бакинцы выигрывали потому, что создавали новые темы, раскрывали потенциал игры, подчеркивал он.

В 1970-х благодаря победам команды Гусмана Баку был переполнен воодушевлением, гордостью и уверенностью. Мы – звездный город. Футбол, джаз и КВН. Анатолий Банишевский, Вагиф Мустафазаде и Юлий Гусман.

В 1976-м спрашивал на репетициях: «Что общего между котом Бегемотом и Остапом Бендером?»

Тишина, в 1976-м почти все в СССР читали роман М.Булгакова, и единицы из них под лупой изучали роль потешного кота Бегемота из свиты Воланда.

Сир – не только автор текстов, он замечательный тренер десятков школьных и вузовских команд города. Блестящий актер-импровизатор, Сир создавал импровизаторов, ценнейшую театральную касту: актер-автор. Отсюда такой неожиданный для многих стиль репетиций, скорее лекция и экзамен одновременно.

Для победы необходимы харизматичный капитан и слаженный ансамбль игроков с чувством локтя. КВН создал считанное количество таких людей. В этом ряду Носоновский несомненно является одной из ярчайших фигур. Все по Булгакову: под маской кота Бегемота был рыцарь.

– *На сцене мы хохмачи и не более*, – говорил Сир, – *иначе разгонят и закроют. А в жизни катализаторы КВН-движения, благодаря которому можно избавить страну от дефицита витаминов. Требуем ответить за массовый авитаминоз советского народа. А иначе…* – здесь делал паузу и с угрозой: – *иначе мы обречены. Кобзон, Лев Лещенко и «Песняры» по-жиз-нен-но*.

Вот это его «по-жиз-нен-но» вселяло такой ужас в игроков, что играли ребята на сцене так, чтобы даже в случае проигрыша ректорат вуза был за продолжение эксперимента, при этом не осознавая, что на самом дела сотворил тренер с их студентами.

К 1967 году в Баку сформировалась группа, способная «вычислять» победы на всесоюзном чемпионате. Победа невозможна, если ее не «вычислять». Командам из провинции для победы на всесоюзном чемпионате надо раскрывать новые горизонты, придавая игре новый масштаб. Значение победы – в закреплении победы и создании школы, традиции. И в КВН так же, как и в науке, архитектуре, спорте.

Сир предлагал создать всесоюзный НИИ КВН. Казалось, какая милая, невинная идея, почти как идея открытия музея освоения целины. Но даже сравнительный анализ чемпионатов республик и всесоюзного конкурса приводил к настораживающим выводам. Из года в год все заметнее, что КВН – единственная в спящем государстве игра для пассионариев. Но что более всего настораживает – создающая пассионариев. А тут еще институт изучения КВН, то есть центр преобразования актеров в наставников, исполнителей в режиссеров. В Носоновских. Счастье, что Сир был человек наблюдательный и хорошо ориентировался на местности.

Отсюда установка: играть в веселую, наивную, почти детскую радость студента, заболтавшего профессора на экзамене. Мы легкие, простые и ясные, мы резвимся. Благонадежность наша безгранична, как чеховская степь. На одном конце степи остров Сахалин, на другом – променад с дамой с собачкой по крымской набережной.

С игроками был откровенен: «*Перед вами большие задачи. Доказать не случайность побед команды Баку. Мы открываем новые темы. Нас жадно ждут*».

Он был прав. От бакинской команды ждали чуда. Наша команда развернула игру в другом направлении, дав новую перспективу для тысяч провинциалов. На старте игры все ждали прорыва от трех-четырех вузов Москвы. Но прорыв создал Баку. Не столица, а провинция предложила пути развития, обогащения игры. Именно это имел в виду Сир, когда говорил: «*Нас жадно ждут*».

Баку после выступлений команды Гусмана обрел статус одного из центра динамизма страны. Поэтому-то бакинские команды и были поддержаны Гейдаром Алиевым. Победа Баку в 1968 году открыла дорогу в Клуб провинциальным командам Союза, яркой игрой показавшим всей стране свою незаурядность, неординарность, что стало полной неожиданностью для столицы. Зал замер, зал жаждет – это мгновение важнее, чем победа. Провинциальные команды пошли путем Баку, то есть поиском собственной индивидуальности, а не повторением находок ведущих московских команд.

Провинциальные команды, приняв правило «Cursus honorum» (с лат. «путь чести» – последовательность военных и политических магистратур, через которые проходила карьера древнеримских политиков), стали развиваться, стараясь выбиться в лидеры, используя опыт бакинской команды, как обогатителя игры и тематики, их умение опережать противника. Одни говорят, что КВН создал динамичное поколение, другие возражают и считают, что о роли КВН в распаде страны еще будет написано.

Грозным орлом налетал Сир на врагов КВН.

Типичная сценка: на репетицию заявляются представители ректора или комсомольской организации вуза: «Что здесь происходит? А эти ваши шуточки согласованы с ЦК комсомола республики? Дайте письменное согласие. А то несет антисоветчиной. Хорошо, попахивает. Хорошо, едва уловимый запашок». И так везде и все годы его актерской и тренерской работы. Ответ мастера: «*Я помогаю вашему факультету занять первое место, обкатаем программу на бакинском конкурсе, затем выставим команду на конкурс медицинских вузов страны. Через месяц конкурс вузов республик Закавказья, мы должны разгромить Тбилиси и Ереван. А это значит, на всех этапах подготовки мы должны быть на уровне всесоюзного чемпионата. Покиньте зал, иначе вас вызовут на ковер в ЦК комсомола республики. За попытку помешать разгромить сразу двух наших конкурентов и стать чемпионом Закавказья*».

Контролеры вылетали пулей. Никому не хотелось стать причиной проигрыша команды. Сами допустили – сами пусть разбираются. Бедный ЦК комсомола, если бы там знали, сколько раз Сир и другие энтузиасты игры прикрывались именем ЦК в своих «корыстных» целях… Была еще одна «крыша», и ею Сир мастерски пользовался: «*Значит, вы не хотите, чтобы ректор вашего вуза получил поощрение от ЦК за создание отличной студенческой команды – победителя союзного чемпионата?*»

Здесь даже самые упертые стукачи и доносчики улепетывали с репетиций кавээнщиков. Начиная с триумфальной победы команды Гусмана в 1968 году, ректорам бакинских вузов многое прощалось в случае победы вузовской команды.

С самыми ярыми контролерами Сир играл ва-банк: «*Не нравятся наши шутки? Создайте свою команду из ваших активистов, мы с ними сыграем, и лучшая команда будет представлять вуз*». Испарялись мгновенно, метод Сира успешно применялся в институтах и школах.

Засланцев ректората и комсомола мы называли сусалистами. Спецы по сусальному золоту, будущие мастера по золочению социализма. Эти спецы преследовали Носоновского до последнего дня его пребывания в СССР. Думаю, в Израиле он очень без них скучал, что неудивительно, борьба с защитниками советских штампов – лучшая методика профилактики болезни Альцгеймера. Соответственно, ЦК компартии мы называли сусалитет.

«Мы другой такой страны не знаем, где так вольно дышит человек»: с утра до вечера внушали людям сусалисты.

– *Позолотить бюстики вождей ведь большое искусство, высокая наука…* – Сир делает паузу, игроки напряженно ждут, и мастер добавлял одно лишь слово: – *управления. Так что не каждого допустят сусализировать бюсты вождей*.

Это так характерно было для брежневского периода, и так занудно впаривалось советскому народу телевидением ежедневно, что мастер в ответ слышал только радостный коллективный вздох благодарности.

«*Покрыть бюсты вождей сусальным золотом – высшее достижение науки управления*», – десятки студентов повторяли Сира, выдавая находку за свою. Так же, как и фразу «*сусализация вождей как наука управления*». Не было в Баку НИИ, где ставшие крылатыми фразы Сира не произносились сотрудниками в междусобойчиках. Автор был щедр. Пусть думают, что творцы – они.

В Сире все было нацелено на развитие КВН-движения в Союзе, в котором Баку стал одним из локомотивов. С гордостью он отмечал, что Баку не просто в высшей лиге, но бакинский стиль позволяет командам расширить границы дозволенных тем и сюжетов. Выйти за узкие рамки студенческого юмора, пренебрегая мнением деканатов, цензуры и прочих стражей сусального социализма.

Яркие победы команды Гусмана на союзном уровне снабдили игру подтекстом, новым качеством. Директора предприятий и ректоры вузов Баку обязаны были создавать условия для репетиций команд и выставлять их на чемпионате города. Приходилось терпеть импровизации на тему «сусальное золото как высшая форма управления», ставшую модной с легкой руки Сира. Руководителям оставалось только мечтать о получении приказа: вырвать с корнем память об игре, заколотить двери, заминировать помещения для репетиций, замуровать энтузиастов КВН в фундаментах хрущевок, и пусть оттуда жалким шепотом смущают народ лукавыми намеками. Капитанов команд посадить на корабль, вывезти из Баку и закопать в барханах в том самом месте, где были расстреляны 26 бакинских комиссаров. Не дождались, партийное руководство республики создало идеальные условия для расцвета КВН в Баку. Этому есть объяснение: КВН преподносился как великолепная методика воспитания строителя коммунизма, борца за светлые идеалы и социалистические ценности.

– Я вам даже больше скажу, – уверял Сир комсомольский актив вузов, – КВН – великолепное средство в борьбе с теневой экономикой, коррупцией и даже как демонстрация на союзном уровне борьбы с коррупцией на местах.

Очень много сил и нервов у Сира уходило на усыпление бдительности.

Здесь самое время о причинах возникновения нового стиля, ярким представителем которого был Сир.

1974 год, сотрудник газеты «Молодежь Азербайджана» Рустам Арифджанов посоветовал мне встретиться с академиком **Азадом Мирзаджанзаде**. Мы уже несколько лет были знакомы с Рустамом, который очень помог мне, молодому парнишке, в формировании и в приобщении к карнавалу КВН, за что я ему безмерно благодарен.

– Пора тебе познакомиться с корифеями инакомыслия, – сказал Рустам. – Академик – самый глубокий и самый тактичный.

Мы встретились, академик беседовал со мной непринужденно и провел сеанс интенсивной терапии для второкурсника и внештатника «Молодежки». В АЗИНХ (1959-1991 – АзИНЕФТЕХИМ им. М. Азизбекова) все студенты и педагоги ласково называли академика «Мирзик». О нем можно сказать словами Теофиля Готье после посещения первой выставки импрессионистов в 1860 году: «Поражен силой, блеском и интенсивностью цвета». Новое слово, прорыв, бунт – скромное определение того места в музее советского протестантизма, которое занимал академик Азад Мирзаджанзаде.

Академик был легендой АЗИНХ, никому больше не удалось так ласково и так аргументированно раздолбать-раздербанить брежневскую модель социализма, как это проделывал на пике застоя академик.

Тактично прикасаясь к наивным душам студентов лишь только подушечками пальцев, производил такой массаж всей системы нервных точек, закладывал на карте восприятия и анализа такие минные поля, что самое меньшее, что можно сказать после общения с ним, – обновление, категоричное неприятие себя прежнего. За себя до встречи с академиком становилось стыдно.

Как известный на весь Союз ученый, изобретатель, автор десятков инновационных проектов, как педагог, он постоянно сталкивался с махровым советским консерватизмом. Рассказывал молодым о десятках ученых, так и не сумевших внедрить свои изобретения, о потрясших его примерах равнодушия и безразличия бюрократического аппарата к выдающимся техническим проектам, предлагаемым им самим, его коллегами и учениками. Много «ласковых» слов было сказано им и о комсомоле и пропагандистской машине в центре и на местах, как тогда выражались телеведущие центрального ТВ о республиках Союза. «Все советские газеты есть как минимум трусливый массовый призыв заснуть и видеть сладкие сны», – говорил академик в 1974 году. Его самые «нежные» слова о советских газетах: «Бездарные трубадуры дутых цифр и побед развращают население. Секса в СССР нет, а разврат процветает».

После общения с академиком я лучше понял, где истоки интереса Сира к темам сусального золота и к певцам пафоса.

– Безусловно, на лекциях ничего такого он нам не говорил, – позднее рассказывал Сир. – Но с некоторыми учениками, в частности, со мной, уже по окончании вуза, после наших рассказов о примерах консерватизма в нефтяной отрасли, академик был откровенен.

А.Мирзаджанзаде с 1952 по 1960 годы – завкафедрой геофизики в АЗИ, у него и Сира было много общих тем, между коллегами многие годы были доверительные отношения. Естественно, что с геофизиками – своими учениками, в частности, с Сиром контактировал и после окончания ими вуза, стремясь поддержать их быстро угасающий новаторский пыл примерами ученых-борцов с варварским и примитивным отношением бюрократии к изобретателям и инновациям.

В конце беседы академик спрашивал Сира: «Ну, как, я вдохновил вас на битву с бронтозаврами?»

Разочарование ученого мирового масштаба забронзовевшим режимом обосновывалось приводимыми им фактами. Безуспешно многие годы академик пытался на всесоюзном уровне изменить парадигму развития нефтяной промышленности, в конце концов приведшую к гибели СССР. Экспортировать нефтепродукты, но не нефть – позиция академика. Внедрять на союзном уровне десятки технологий, разработанных в том же «Нефтехимпроме» и других институтах нефтяной отрасли Баку, превратить СССР в мирового лидера нефтеперерабатывающей промышленности.

После знакомства с академиком генезис Сира, в целом его поколения, его институтских друзей стал много яснее. Сир работу с командами КВН воспринимал как подготовку легионеров к битве с отжившими мифами и штампами.

За КВН-озорством выпускников технических вузов Баку наблюдалась ироничная улыбка академика. Можно годами жить в той среде, которая взрастила Сира, не догадываясь о причинах его стремления повысить статус научно-технической интеллигенции в советском обществе.

В этом смысле кавээнщики АЗИНХ и других технических вузов понимали задачу глубже гуманитариев. Сир и другие игроки-технари претендовали на роль гораздо большую. Не просто имидж Баку, а рост влияния продвинутой, пассионарной части технической интеллигенции СССР и ее активное участие в создании креативной модели социализма вместо навязанной застоем ущербной роли всемирной бензоколонки.

Сир всегда говорил об академике Мирзаджанзаде, своем выдающемся наставнике с восторгом.

Академик был образцом советского варианта «я другой». Не скрывал этого от парторганизаций любого ранга, ректора и главное – от студентов. Последнее компартию раздражало больше всего. Приходилось терпеть – уникален. Позиция академика: «Застой делает из нас стариков. Задача Брежнева – превратить советский народ в стариков, в первую очередь молодежь. А я не старик. Я читаю лекции и вижу сотни сонных людей со спящими глазами. У единиц живые глаза». «Твоя задача, – говорил он Сиру, – пробудить свое поколение».

Магия этого человека творила чудеса.

Как-то мы с моим другом Толиком прогуливались по коридору АЗИНХ, когда из своего кабинета вышел Мирзик и, протянув нам книгу, попросил Толика передать книгу профессору Кулиеву. Книга называлась «Мужчина и женщина», перевод с немецкого, издана в 1896 году. Мы идем в библиотеку и читаем не отрываясь три часа. Только после прочтения мы отнесли ее профессору Кулиеву. Тот изумленно посмотрел на Толика, но промолчал. Дело в том, что кабинет Кулиева был в десяти минутах ходьбы от кабинета академика. Почему не отнесли сразу? Книгу нам дал сам Мирзик. Это знак судьбы. Надо выжать из этой возможности все. 1974 год, книги Фрейда в медицинской библиотеке в особом шкафу, под замком. Выдавались только сотрудникам кафедры психиатрии и с разрешения директора библиотеки. Фрейдизм под запретом. Сам факт, что книгу передал нам сам Мирзик, превратил чтение ее в интенсивную работу. Мы с другом читали так жадно, как никогда до и после. Мы искали подтекст и ждали потрясения, лихорадочно глотая необычный материал. Тот факт, что книгу дал нам маг и волшебник, превратил чтение книги в событие, в интенсивную работу, в дверь в другое измерение. А ведь все дело в том, кто передал вам книгу.

Мирзика обожали все, друзья и враги. Если он срезал вас на экзамене или на защите диссертации не сразу, значит у вас есть шанс состояться, и у вас есть вторая попытка. Вот если и ее провалите – академик вас закрывал. Пройдут годы, и будь вы трижды министр – в экспертном сообществе вы никто. Мирзик вас считает слабаком.

Студенты перед его экзаменом метались по кассам театров и музеев, вымаливая старые билеты. На экзаменах академик требовал показать билеты. Но и это не гарант зачета, он мог сказать:«А теперь ваши впечатления о постановке «Жизель», которую вы якобы посетили неделю назад». Но и это не самое страшное. Ужас сковывал студента, когда он ласково говорил: «Давайте поговорим по душам. Вас ничего не смущает?» Студент начинает заикаться. «Не волнуйтесь, я не о Брежневе, а о методике преподавания. Хотя можно и о застое».

Выходили в полуобморочном состоянии, не хотелось перед знаменитым академиком выглядеть полным ничтожеством, а с другой стороны, страшно. Лишь единицы смели включиться. Сир – один из них. КВНщики АЗИНХ были самыми интересными. Школа.

Некоторые после беседы с этим добрым и тактичным человеком физически были уже не в состоянии посещать партийные собрания. Большинство умоляли не выходить за рамки разрешенных тем. Почти все мечтали вписаться в систему и, кроме зарплаты, вымогать премиальные. А после разговора по душам надо уходить в диссиденты, вписаться в старую жизнь уже не удастся, а вот выписаться даже очень. Нужно осмелиться просчитать будущее, чего академик не мог требовать, но настоятельно рекомендовал посметь осмелиться. Сир – один из немногих учеников академика, кто посмел.

Если Сира поддержал бы ЦК комсомола республики, он осуществил бы свою мечту – открыть в Баку центр подготовки команд КВН. Кавээновский аналог шахматной школы М.Ботвинника. 50-летний занятой сотрудник НИИ, Сир неделями работал с старшеклассниками и студентами, запуская в бакинские чемпионаты отличные команды.

Тренировал команды с верой в возможность обновления советской масс-культуры и в то, что он создает новое динамичное поколение. При этом абсолютная убежденность в жизнеспособности СССР. В 1985 году инфляция, пустые прилавки и в это же время уверенность в преодолимость трудностей.

Двое хорошо знакомых Сиру его коллег, академик Бахадур Зейналов и Марк Израилов из НИИ нефтехимических процессов, внедрили на одном из ведущих предприятий Баку новую технологию. Данной темой, в частности, занимался «Нефтехимпром», в котором работал Сир. На БНЗ имени 22-го съезда КПСС нерационально использовали тысячи тонн отходов – экстракта адсорбционной селективной очистки технических масел, сжигая их в смеси с топочным мазутом, сильно загрязняя атмосферу. Ученые внедрили на БНЗ технологию получения из этих отходов высококачественного лака и олифа. Экономический эффект – 580 миллионов рублей, а если наладить производство сиккативов (вспомогательные вещества, катализаторы окислительной полимеризации) – эффект в один миллиард рублей. За этим фактом уверенность научной элиты в способность страны преодолевать сложные этапы истории.

На встрече команд Политеха и АЗИ в 1977 году актеры разыграли сценку: репетиция спектакля «Чапай, Анька и другие». Актер: «К Чапаю и Аньке у меня вопросов нет. С ними все ясно. А вот есть у меня несколько вопросов к некоторым из 26-ти бакинских комиссаров». Гробовая тишина в зале. Такая тишина и такое страстное ожидание, что актер произнес честно: «Я даже не знал, что вам это так интересно. Пойду принесу вопросы». Под бурные аплодисменты уходит со сцены. Больше тот актер не появлялся. Но сам факт, что к советским мифам есть вопросы и кто-то осмеливается об этом сказать публично, – все это освежило зал приятным летним дождем в разгаре знойного августа.

Открытия, находки Сира – производное его базовой установки: не смешить. Клуб находчивых прежде всего. Минимум сценок из студенческой жизни: сессии, экзамены. Уже не стреляет. Ставка на взрыв, на открытие.

– *Ваша задача – подвести к «зал замер»*, – говорил он игрокам. – *Это значит, зал замер в предвкушении, в ожидании взрыва, потрясения, прорыва. Тишина, ожидание – и звучит фраза, которая взрывает зал. Далее вас встречают как открывателей, от вас ждут, вы лидер нового направления. Именно этого страна ждет от бакинцев. От одесситов хохмы, городской фольклор, от нас – витамины. Свежая голова – как говорят газетчики. Поставить производство свежеголовых на поток. В этом суть КВН, сегодня – болельщик, завтра – участник.*

Десятью годами позже его ученик Нурик Рагимов приводил такой пример. В 1987 году Рейган выступает перед публикой в Западном Берлине. Немногим ранее на него было покушение в Нью-Йорке, о чем сообщили все новостные агентства мира. Рейган толкает речь, и вдруг в толпе у кого-то в руке лопнул шарик. Звук выстрела. Тишина, зал замер. Рейган быстро нашелся и сказал: «Промазал». Одно лишь слово и – долгие аплодисменты. Красавчик. Находчивые актеры лучше играют роль президентов, чем чистые комики.

Миниатюра 1976 года на модную тему про загнивающий запад.

Студент с микрофоном у прохожего: «А что вы думаете насчет резкого повышения квартплаты в Испании? Да-да, вы. Вы же простой советский прохожий. Значит, у вас есть свое мнение по любому вопросу. Или может вы не простой, советский прохожий?» Ответ: «Нет, что вы, конечно простой. Резкое повышение цен – это позор для всей Испании. Хотя с другой стороны, почему так здорово играют в футбол, вот у них Эйсебио есть, а у нас нет». Зал замер. «А вы не очень простой советский прохожий».

– *Далее на гребне смеховой волны влетаем в высшую лигу*, – продолжает Сир. – *Не хохмить, а задать загадку залу, и когда «зал замер» – поразить неожиданным ходом, открытием. Концовка в стиле О'Генри. Кстати, повторим классику. Сходство Нью-Йорка времен О'Генри и Баку? Есть. Тогда где советский О'Генри? Назовите имя-отчество Бендера, Корейко, Паниковского. Почему одного из свиты Воланда звали Азазелло? Ваши версии. Итак, вы чеширский кот. Вы увели девушку у своего приятеля. Вы исчезаете по частям. Что, кроме улыбки, вы ему покажете в самом конце? Улыбка и хвост? Не плохо, что еще, ваши версии…*

Лечебный факультет дал ему 12 студентов – сделайте их них команду. Сир потребовал сорок. Из них отобрал второй состав, мол, запасные. Но второй состав тренировал отдельно от первого. Написал для них другой сценарий. И вот запасные с таким энтузиазмом взялись стать первыми и представлять вуз, что в вузовском конкурсе опередили первую команду, которая в своем поражении обвинила тренера. Зато вуз выставил более сильную команду. У Сира спросили: «Зачем вам две команды?» Ответ: «Все, как в боксе, спарринг-партнер нужен всем, или заставит вас боксировать лучше, или займет ваше место. Азарт соревнования создает шедевры».

Вторая команда – отличная находка Сира.

Сир для разогрева: «*Что общего между сусальным золотом и сексуальной моделью? Версия: что может быть сексуальнее сусального золота на сексуальной модели? Вторая версия: сусальное золото делает сексуальную модель памятником невинности. Не плохо, но мало, еще, где третья версия. Дайте мне фразу, и я переверну КВН*». Долго терзал команду, одна девушка не выдержала и воскликнула: «Терпеть не могу, когда из меня делают идиотку идиоты». Отлично. Вот под эту фразу создать сценку, давайте сюжет. Женщины на пике эмоций очень остроумны. Особенно те, у кого вообще нет чувства юмора.

Идея Сира создания второй команды всегда давала отличный результат. Игроки обожали Сира. Десять лет спустя эти студенты сами стали отличными наставниками. Прекрасная публика – мнение Жванецкого, это слишком мало для Баку 1980 года. Динамизм обучающихся и обучающих – точнее характеризует тот период в истории Баку. Сир требовал от бакинских команд – минимум экзотики и фольклорных типажей. «*Экзотику эксплуатируют Махачкала, все кавказские команды. От экзотики быстро пресыщаешься. Провинциалы о своем, о провинциальном – не наш путь. Мы создаем потрясающий зал. Наш стиль – не смех по ходу действия сюжета, а взрыв после «зал замер». Открытие, потрясение. Мы центр, мы новизна, мы питание для страны*».

Советский человек многослоен. Поднимать все слои и сталкивать, высекая искры нового восприятия. У вас получится. У бакинцев несколько культурных слоев, которые прекрасно сотрудничают друг с другом именно потому, что Баку – зона взаимообогащения. Зал от нас ждет открытия. Не комиковать, шуточки с Привоза – не наш стиль. Подвести к «зал замер» и – обеспечить взрыв.

Таких людей стали истреблять с появлением Горбачева. В стране, где началась травля многослойных, нельзя было оставаться. Носоновский переехал в Израиль. «Уезжаю не из Баку, а из СССР», – сказал на прощание. Был изумлен, считая, что Москва намеренно прекращает великолепный эксперимент и до самого отъезда в Израиль верил в жизнеспособность СССР.

К 1983 году уже ясно всем: КВН в интерпретации таких, как Сир, создает новое качество. Система прекрасно себя чувствует, когда зал ждет от КВН примерно такое: «Профессор, я учил, просто не все понял. А хотите я вам взятку дам? Ведь по глазам вижу – хотите. Мы же свои люди».

– *Хватит унижать подобным Игру*, – требовал Сир. – *Вечером лечь жалким провинциалом, утром встать Ильфом, Булгаковым, Уильямом Блейком, Оскаром Уайльдом. Они все в вас живут, ваша задача – выйти на этот уровень и на нем закрепиться*.

Из беседы с командой медиков в 1976 году.

Сир: «*С чем можно сравнить роль КВН на вашем медицинском языке? Мы даем нагрузку и происходит резкое увеличение скорости кровотока в системе кровообращения. Это единственный метод предотвратить отложение жировых бляшек на стенках сосудов. Нет более эффективного от инфаркта и атеросклероза лекарства. Доминанта вашего поведения на сцене и в жизни – вы ускорители кровотока. Теперь ясно, почему я пришел к медикам? КВН и есть медицина. Перед вами стоит большая задача. Доказать, что в СССР секс был, есть и будет. Ваши предложения, медики. Дайте сюжет, сценку, репризу… Как вариант: Да, в СССР нет секса, но и черных дней тоже нет. Хотя… странно, с чего это нет секса, если в стране нет черных дней? Кто вообще придумал представлять нашу страну как праздник для кастратов? Придумайте сюжет*».

Долго, начиная с 1967 года пытался поставить на эту тему сценку. Обидно ведь за страну. Разве можно гордиться тем, что в стране нет секса? Не стыдно ли провозглашать такое на весь мир? А если не стыдно, то почему?

Предлагал импровиз на вторую свою любимую тему – загнивание Запада. Исторический анекдот. Родился Сир в 1932 году, примерно с этого года стали обещать – Запад загнивает. Вот-вот, совсем скоро конец. Уезжает он из СССР через 60 лет, а Запад продолжает загнивать. Действительно, ну сколько можно агонизировать. Не 60 же лет. Так ведь можно и до очередного Ренессанса дотянуть.

Повторяю, репетиция 1976 года. Как вариант предлагал: На сцене Леонардо да Винчи жалуется приятелю Рубенсу на времена и нравы: «Загниваем, брат Рубенс. Нет уже ни ценителей, ни стоящих красок. А халтурщиков сколько развелось. Пикассо какой-то, Дали не лучше. Рубенс, вы видели их мазню? Сплошной супрематизм». Рубенс предлагает переждать: «Идемте, да Винчи, я тут одно местечко знаю, прекрасно переждем, все наши там собираются. Отличные дают кутабы. Там и дождемся второго Ренессанса». Да Винчи: «Кутабы, говорите? Как я люблю, с сумахом? Тогда вперед».

Сир: *Если наблюдается процесс загнивания Запада, то в чем-то его надо замерять. Предлагаю в битлах. Вот в чем измерять расцвет прогресса и прогресс расцвета в соцлагере? В кобзонах, в песнярах? Предлагаю в дифситах. Помните, у Райкина «дифсит – великий двигатель общественных списфических отношений»*.

Сир внес огромный вклад в дело борьбы с отложением жировых блях на стенках сосудов советской модели. В формирование специалистов – растворителей злейшего врага любой системы – атеросклеротических бляшек. Противники Сира считали, система не выдержит такого напора, резкого увеличения кровотока и взорвется, сосуды слишком забиты жировыми бляхами, но он верил в возможность реформирования системы. Все зависит от соотношения. На сто членов партии и тысячу комсомольских активистов десять кавээнщиков. Тогда есть шанс. Но не было даже двух. Сир не успел подготовить свою железную гвардию, Горбачев опередил, не дав времени. Разрушали зло, грубо, торопливо и безграмотно.

Самый лучший метод взять линию Мажино? Обойти и зайти в тыл. А тут напролом, всей мощью танкового батальона, врезающегося в нежные альпийские луга. Противники Сира осуждали мастера за попытку оздоровить систему, прекрасно зная, что система не способна к самоочищению. Во всем виноват Носоновский, – считали противники. – Такие как он, во главе с Горбачевым взорвали СССР.

С 1988 года, с начала митингов в Ереване, в Прибалтике, мастер изумлялся тупости центральной власти. «*Эксперимент далеко себя не исчерпал*, – считал Сир. – *Ни в одной стране мира, кроме СССР, не создано такой мощной ресурсной и интеллектуальной базы для решения масштабных задач, как, например, освоение космоса*».

На очень высоком уровне ответили категорично и так же грубо, как и действовали: мы должны разрушить до основания, а уже затем. Вот и разрушили и потом долго жили в затемье.

Истоки игры «Что? Где? Когда?», впервые вышедшей на ТВ в 1975 году, стоит поискать в КВН.

Репетиция. Сир: «*Чем карбонарии отличаются от карбонатов? Хорошо, поясню. Карбонарии использовали карбонаты для карбюраторов нового поколения. Карбонарии резко отличались от карбонатов усидчивостью и знанием неорганической химии. Если бы не карабинеры, никто не защитил бы карбонаты от карбонариев. Во время игры в гандбол, особенно. Карбонаты мстили эрудитам-карбонариям, заставляя играть с ними в жесткий гандбол. Пользуясь защитой тупых карабинеров, карбонаты били по ногам карбонариев. Особенно усердно, если проигрывали*».

– *Подсказываю*, – продолжал Сир. – *Карбонарии – участники итальянского освободительного движения под командованием Гарибальди. Тогда кто такие карбонаты*?

Репетиция. Сир: «*1667 год. Некто предлагает рецепт от чумы. Согласно рецепту, рекомендуется подвесить жабу за ноги в дымоходе на три дня. Держать так, пока не изрыгнет землю с различными насекомыми внутри нее. Эти изрыгания должны быть собраны на блюдце – внимание – дно блюдца должно быть покрыто желтым воском. После смерти жабы ее тело надлежит истолочь в порошок, смешать с теми самыми изрыганиями, сделать из смеси пастилки, прикладывать к пораженному чумой участку тела. Пастилки отгонят заразу и вытянут яд. Кто этот человек?*»

Ответы: Мракобес, бестолочь, мошенник, олух, халтурщик средневековый.

Сир: – *Это рецепт лечения чумы из рукописи Исаака Ньютона. Теперь вопрос: при каких условиях в одном человеке может сочетаться великий ученый и великое мракобесие? Какова роль мракобесия в развитии великой физики? Какова роль биполярного расстройства в науке*?

И после этого вы хотите сказать, что гениальный Ворошилов не подсмотрел идею своей игры в конкурсах КВН?

В 1960 году в Коктебеле, Ялте и Баку снимался фильм по Грину «Алые паруса» с Василием Лановым и юной Вертинской. Красивая, романтичная история была восторженно принятая советской публикой. Исполнителем роли одного из моряков корабля героя Ланового был знакомый по имени Володя. Роль крошечная, радостно махал рукой в группе моряков, когда капитан Грей – Лановой с любимой Ассоль поднялся на свой корабль. Долгие годы потом Володя с гордостью говорил знакомым: «Мы снимали сказку. Мы жили в ней. Три дня на корабле я махал рукой, а хотелось бы побольше».

Через десять лет что-то в поколении Носоновского надломилось и махать руками расхотелось. Сочинить новую сказку не дали. А в 1990-2020-х, читая московскую прессу, поколение Носоновского задавало вопрос: «Неужели во всем виновата Игра?»

Заголовки газет 2000-х годов просто жуткие: «Переворот в Грузии, Армении, Казахстане…. В Киргизии за год сменилось три парламента и пять премьеров. Митинги в Молдавии: Кто стащил миллиард евро из казны страны? Драка в парламенте Армении…»

Когда поколению Носоновского говорили, что ваши ученики – хохмачи и трепачи развалили страну, Сир отвечал: *«Мы создавали сказку, вторую серию «Алых парусов». Кто виноват, что вы их сожгли?»*

Все годы после развала СССР эмигрировавшие из страны провели в состоянии «не перестаю балдеть». До последнего акта развала, до Беловежской пущи Сир был уверен – такое количество грамотных, талантливых технических специалистов создано за годы Союза, что у этой страны есть шанс выстоять любую историческую бурю.

Оказалось, все решают бездари, не способные объяснить, чем карбонарии отличаются от карабинеров, а последние от карбонатов.

Репетиции под руководством Сира были всегда интереснее, чем публичные выступления. Расходились после репетиций с чувством исполненного долга – кощунство в отношении советских химер было не только прекрасной подготовкой к встрече с реальностью, но, пожалуй, единственным шансом хоть что-то в ней исправить.

Сир: «Поимпровизируйте на такую тему: А не переоцениваем ли мы наши…» Студенты подхватывают: «возможности, шансы, успехи…» Сир: «…ценности. Вот ведь какая разная реакция. Например, говорим, что пора провести переоценку ценностей и начинается переоценка. Но стоит сказать «А не переоцениваем ли мы наши ценности», как тут же несколько рук тянутся к кобуре».

Второе задание: «Ватсон, разве не видите, я музицирую. Шопен, пятый концерт скрипки с оркестром. А вы опять привели девиц из Скотленд-ярда, опять выдуют ящик виски, что-нибудь подожгут…» Обращается к команде: «Что Ватсон ответил Холмсу. Итак, зал замер… Ваши версии, побольше вариантов, в порядке бреда, подключайте сверх-я, у кого есть. Итак, вы – Ватсон, зануда Холмс у вас в кишках сидит…»

Десятки вариантов, затем команда оттачивает лучший из них.

Сир: «Все боятся времени, а время кого-нибудь боится?» Студенты молчат. «Странно, уже в Древнем Египте знали ответ. Все боятся времени, а время боится пирамид». «Кого в Древнем Риме считали самым успешным фараоном?» Ответ студентов: «Рамзес I, Рамзес II, Тутанхамон…» Сир: «Нужны не имена, а обоснование. Тот, кто построил усыпальницу для Клеопатры. Или фараон Сенусерт, он вообще не был знаком с ней. Или фараон Ферунканун, он вошел в историю благодаря одной лишь фразе «И в конце пребывает начало». Так кто… Думаем о фараонах, думаем».

Два его ученика на городском конкурсе 1980 года придумали такую сценку. Первый: «Расступитесь, сам фараон Хеопс идет». Второй: «Подумаешь, это он для вас Хеопс, а для меня он просто Хуфу, за одной партой учились. Хуфу, Хуфик, привет, это я, Ромик, Рамзес Второй… Это я тебя познакомил с Нефертити».

По поводу публики 1980 года. Зал хохочет над Хуфиком. Не уверен, что 20 лет спустя шутка была бы оценена. Для этого надо знать, что Хеопс и Хуфу одно лицо.

Работа со стереотипами и прочим хламом. Сир предлагает поиграть со знаменитой фразой: «Спасибо родной партии за наше счастливое детство». Пять поколений советских людей выросло на этой фразе. Предлагаю такой вариант «Спасибо родной партии за нашу счастливую старость». Студенты быстро включились и посыпалось: Также спасибо родной партии за счастливые детство, юность, зрелость и «время дожития». Так в советский период в отчетах, соцопросах и в прессе обозначался период после выхода на пенсию. Вышел на пенсию? Доживай. Вот тебе время дожития. Спасибо за первый крик в роддоме, за счастливый последний путь, за первое «мама», за последнюю палку колбасы, за бесплатную путевку в санаторий с невестой, женой, с любовницей… Каждая репетиция с Сиром была великолепным тренингом.

Не было лучшего мастера завлекать в новый мир. Десятки школ, вузов и бакинских НИИ просили его написать сценарий выступлений, концертов, консультировать их команды КВН. Сир заманил в советский аналог игры «Алиса в Стране чудес» сотни бакинских студентов. Многие так и остались навсегда в игре. Заманивал мастерски, и этому надо учиться.

Сир: – *Чтобы удачно шутить, надо всего ничего. Посметь быть ярким. У игроков команды Гусмана получилось и у вас получится. В одном городе живем. Есть только одна проблема. Одни смеют заявить о себе, другие не осмеливаются. Не беспокойтесь; я простой, серый, обычный, никакой. Рискните быть ярким, КВН дает шанс.*

Солнечная атмосфера Баку в 1960-1985-х годов создала по-южному азартные, честолюбивые команды, которые победами спровоцировали КВН-бум в Баку, и подарила городу тысячи осмелившихся быть яркими. Сир был в числе самых активных идеологов КВН-движения. В основе идеологии совершенно бакинское восприятие игры: вовлечь как можно больше людей. Не так, как в ряде городов: «команда КВН – группа избранных, все остальные – публика». Но по-бакински: если Москва разрешила игру, то этим надо воспользоваться на все сто и покопаться в ящике Пандоры, там для каждого найдется масса всякого интересного. Надо только поискать. Мы все хотим быть яркими.

Все годы жизни в Баку Сир был невероятно востребован. Как наставник, проводник в игру, в которой можно состояться и заявить о себе. Очень скоро ярких обнаружилось такое изобилие в СССР, что КВН прикрыли на центральном ТВ. На союзном уровне, но в Баку движение развивалось. Сир и в годы полуподполья настаивал открытым текстом: «Мы возродимся».

Сир так же был любим студентами-игроками, как ненавидим ректорами вузов. Благодаря ему появилась КВН-гвардия, под маской разрешенного шутовства скрывающая ироничное отношение к комсомолу как к организации вчерашнего дня. Его с удовольствием бы слопали, но Сир печатался в ТЕМБРе (театр миниатюр газеты «Бакинский рабочий» – органа ЦК КП Азербайджана). Создателем и руководителем ТЕМБРа был завотделом фельетона и очерка в «Бакинском рабочем» **Александр Эберлин**, один из лучших фельетонистов и писателей-сатириков СССР. Фигура настолько влиятельная в партийных, деловых и журналистских кругах Баку, что во многом благодаря этому человеку праздничный карнавал в городе продолжался даже в период охлаждения Москвы к КВН. Когда в столице СССР было принято решение вернуть страну в славные времена комедий «Волга-Волга и «Веселые ребята». Как писал в одном своем фельетоне А.Эберлин: «Во времена романса «Маруся отравилась». Даже во времена, когда Маруся отравилась от тоски, Сир настаивал: *Задача Баку теперь, после блистательных побед на всесоюзных конкурсах, быть поставщиком ярких личностей для СССР. Без нас страна будет состоять из серых, средних и никаких. Яркие очень нужны – их не любят, но никто кроме нас стране поставки витаминов не организует*.

Отношение шефа ТЕМБРа к КВН было сложным. Сатирики верят в исправимость системы, работают над этим, рискуя порой очень серьезно. Тогда как юмористы настроены воинственно, система невменяема и неисправима. КВН воспринимая как базу для подготовки научно обоснованной революции. Как стимулятор преобразований в социальной и ментальной сферах. Сдержанное отношение А.Эберлина было объяснимо. Всегда за Игрой стоят авторы, для которых спровоцировать каскад событий важнее переполненных резвящимися юнцами залов.

Сир предлагал много идей, воздушно-прекрасных. Например, создать в Баку при ТЕМБРе центр подготовки начинающих юмористов под его руководством.

– Он думает, что нас, сатириков, обожают там, наверху, – улыбался А.Эберлин. – Святая наивность. Кстати, почему святая? Наивные – самая большая опасность для любого режима. Нас едва терпят. Из Москвы спущен приказ: вскрывать, изобличать, устранять. Иначе давно бы прикрыли.

В этот момент слова и улыбка шефа ТЕМБРа заставляли вспомнить академика А.Мирзаджанзаде. Сир приносил в редакцию свои рассказы, море добродушного юмора. Тогда как А.Эберлин жил напряженной жизнью одного из немногих настоящих борцов с коррупцией. Его субботние журналистские расследования делали газете тираж, заодно пополняя ряды врагов заведующего отделом сатиры. Как в деловых кругах, так и среди кураторов деловых кругов и теневой экономики.

А.Эберлин с достоинством исполнял долг сатирика. Чувство юмора сочеталось в нем с железной волей бойца, окруженного постоянно растущей армией врагов в деловых кругах и их покровителей в органах, борющихся с коррупцией. Тогда как у Сира была наивная уверенность, что борцы с коррупцией пользуются покровительством верхов. Да, но где-то на самых верхних полочках верхних этажей власти.

С позиции сатирика, КВН в целом и Сир, в частности, умиляли ожиданием продолжения банкета, чудом разрешенного Москвой. Тогда, как Александр Эберлин наблюдал страну, где процветал культ большой коррупции и имитации борьбы с ней.

Академик, сатирик и Сир – каждый на своем посту стремились воспрепятствовать деградации системы. Каждый на своем языке говорил близким о наглом разжиревшем питоне – бюрократическом аппарате. Питон медленно, не торопясь заглатывал страну. Вроде бы на куски не разорвать страну, надежно простроченную-прошитую самой про-

фессиональной белошвейкой в истории – компартией. Так всем казалось. Но белошвейка оказалась халтурщицей и пользовалась гнилыми нитками. В самый ответственный момент белошвейка вдруг сбежала и элементарно сдала страну. Без боя – вот что поражало академика, сатирика и Сира.

– Никакими студенческими играми обезумевшую от двукратного преимущества по боеголовкам систему не исправить, не отрезвить, – считал фельетонист задолго до развала страны.

– Моя задача – создание нового поколения, тут мы с академиком партнеры, – позиция Сира.

Но именно этого разрушители СССР позволить Сиру не желали. Отсюда такое поразительное ускорение распада Союза в 1988-1991-х годах.

1977 год. Сир в кампании актеров. Ведущий актер театра Русской драмы, Народный артист Азербайджанской ССР **Константин Адамов** говорил о планах постановки «Вишневого сада». Сир предложил одеть лакея Фирса в советскую одежду.

– Недорогой костюм, обычный галстук, сотрудник конструкторского бюро, например. Но не лакей, а может, даже партийный работник среднего ранга.

Актеры замерли.

– Хорошо, будем скромнее, просто профсоюзный работник.

Не отлегло, на лицах колебание: оттаивать или рановато?

– Хорошо, завотделом непонятной организации, например, «Оргтехстройснаб», – успокоил актеров Сир. – Все зависит от режиссера, от желания работать с классикой неожиданно, я бы даже сказал, эпатажно. Осовременить классику – и люди пойдут на постановку.

Отпустило, размякли, даже подобрели.

– Здесь много от КВН, – сдержанно сказал Адамов. Он готов был выслушать. Стиль КВН все более проникал в театр, на эстраду… – Лакей, напоминающий профсоюзного работника. Риск. Могут уловить, понять и оценить. Последнее самое неприятное.

Адамов был кумиром Сира, вообще театрального мира Баку. Великолепен в главной роли в спектакле «С легким паром» Эльдара Рязанова. Изобретателен, и никакого шутовства. Сир водил учеников на спектакли с участием Адамова, отличный мастер-класс.

– То, что прощается студентам, не прощается взрослым, – ответил Сир. – С другой стороны, ваш зритель из кавээновского поколения.

– Верно, только вот цензура из другого. Многие шуточки вашего клуба на грани фола…. Хотя в этом и смысл игры.

– Мастерская, – с гордостью ответил Сир Адамову. – Экспериментальное конструкторское бюро. Конструируется новый человек. Масса ошибок. Но за этим интересно наблюдать. Сцена, где Ипполит застает вас в квартире невесты, благодаря вашей игре одна из лучших. Только мне кажется, что Ипполит должен увидеть в вас не пьяницу, а конкурента, который притворяется пьяницей, чтобы выпутаться из опасной ситуации. Тогда ненависть Ипполита к вам более убедительна и смешна.

– Я передам Ипполиту, – отвечает Адамов. Уходя, оборачивается, всматривается в живые глаза Сира и уходит.

Сир с восторгом принял в 1975 году в бакинском ТЮЗе мюзикл М.Дунаевского по пьесе М.Розовского в постановке Юлия Гусмана. Так же, как и присутствовавшие на премьере братья Ибрагимбековы, актеры и режиссеры театров Баку. Море фантазии, отличная ирония над штампами. Наглая и хамоватая Миледи, Рошфор бравирует связями наверху, кардинал Ришелье остроумен и обаятелен. К трем мушкетерам по ходу действия все больше вопросов. Например, зачем с таким усердием служить королю – круглому дураку, если кардинал весельчак, добряк и к тому же патриот Франции. Хотя, скорее, это были вопросы к Дюма-отцу.

Восторженно принятый публикой спектакль вселял надежду Сиру на создание молодежного театра в Баку, где классика преподносилась бы так же свежо и дерзко, как «Вишневый сад» в интерпретации Сира. Для такого театра были все предпосылки, на капустнике в музшколе имени Бюльбюля мы наслаждались пародией на сцену из «Лебединого озера», где хрупкий юноша под смех публики пытался оторвать от земли пышнотелую партнершу. Пытается исполнить с ней непосильное для него черное па-де-де из «Лебединого» и еще более непосильное Большое классическое па Гзовского. Понял, что сейчас уронит толстушку и предлагает ей станцевать. В окружении трепетно мечущихся по сцене балерин эти двое под зажигательную мелодию группы Skorpions выдают такое, что зал взрывается в восторженном вопле.

1979 год. Идем с Сиром в литературный клуб, где собирались начинающие авторы. Зал битком, минимум 300 человек, от 17 до 70 лет.

– Это клад, – Сир радостно оглядывает переполненный зал. – Полный зал идей и сюжетов.

В первой части поэты читают стихи, час спустя – встреча с Максудом Ибрагимбековым. Писатель рассказал о своих творческих планах. Затем Сир предложил создать при клубе секцию «Фанаты КВН». В ответ посоветовали объединить юмористов с фантастами. Сир наотрез: «*Мы принципиально разные. Мы исправляем реальность, они от нее убегают. У нас активная гражданская позиция, у фантастов позиция фантастическая. Наша позиция – не проходите мимо, а фантасты пролетают над страной на тарелках инопланетян*». – А братья Стругацкие? – возразили ему. Ответ Сира: «*Стругацкие – соцреализм под микроскопом*». Словом, Сир нарывался на драку, фантасты не выдержали, и пошла стенка на стенку. К счастью, тогда юмористов в Баку было больше чем фантастов. Мы вслед за Сиром ринулись в атаку.

Один из учеников Сира студент Политеха Рустам Сеидов, в будущем ведущий специалист НИИ космоса, с удовольствием подлил керосин в костер, заявив: «Кто из нас собирает залы? Муслим Магомаев и мы, КВН. Кого слушают, замерев дыхание? Его и нас. Мы, кавээнщики, настоящие фантасты, волшебники и маги, держим зал в напряжении минимум два часа. А вы даже десяти минут не продержитесь».

Фантасты кипят, призывая джидаеподобных Седьмого Звездного Кольца и железообразных из Межгалактической армии сокрушить нас лазерным оружием.

Сир идет на добивание: «*Ваш кумир в своих «Гадких лебедях» сказал, что «будущее нельзя предвидеть, но можно изобрести». Верно? Так вот мы изобретаем, а вы пытаетесь предвидеть. Всего лишь*».

Разъяренных фантастов уже ничто не могло остановить, и начался бой. Одно удовольствие вспомнить, что тут стало с фантастами. Задыхаясь от возмущения, покрасневшие и жадно глотающие воздух визионеры черных дыр готовы были задушить Сира. В эти минуты сходство бакинца Миши Носоновского со своим французским двойником Сирано де Бержераком было абсолютное. Вслед за Ахиллом мы бросаемся в атаку.

– *Ребятки, я их заманил в ловушку, я их там и прикончу*, – жестом останавливает нас Сир и обращается к фантастам: – *Перебросьте классного кавээнщика в любой поселок СССР с двумя школами, и через полгода там будет две отличные команды. А что могут дать стране фантасты*?

В шутливой битве юмористов с фантастами в 1979 году позиция Сира раскрылась во всем победном блеске. Он заявил, что лозунг большевиков «Вся власть рабочим и крестьянам» пора сменить на «Вся власть Клубу Веселых и Находчивых». Он и его друзья приложат для этого все свои усилия, у Баку отлично получается быть лидером процесса. От каждого наставника по две классные школьные команды, и СССР расцветет, к зависти загнивающего Запада. Тогда как у фантастов нет ни своего клуба, ни своей игры, достойной внимания студентов.

КВН мог стать локомотивом образовательного процесса, все репетиции Сира были тому подтверждением. Он готовил эрудитов, актеров-авторов, мастерски владеющих накопленным арсеналом знаний. Воспринимал эту задачу не менее значимой для страны, чем мегапроекты, например, освоение космоса или БАМ.

Развал СССР – этого перспективного интернационального клуба, в создании которого он внес огромный вклад, – Сир считал тяжким преступлением. Уверен был в том, что у страны есть ресурсы выстоять гиперинфляцию. Экономические и интеллектуальные. Поражен был, с каким цинизмом новые певцы пафоса, политические мошенники и словесные жонглеры обанкротили страну.

Мастер выдал великолепный спич о певцах пафоса. *«Классику надо читать. О певцах пафоса и словесных жонглерах писал еще Лермонтов. Не ожидали? Вы думаете, одни вы задыхаетесь. Учитесь у Лермонтова задыхаться талантливо»*. Сир раскрывает томик Лермонтова и читает: *«Какое нам дело до криков всех этих горланящих шарлатанов, торговцев пафосом, мастеров напыщенности, всех плясунов, танцующих на фразе». Эти слова Огюста Барбье Лермонтов использовал как эпиграф к стихотворению «Не верь себе». О тех, кто профанирует высокое искусство трескучей риторикой, позерством и ложью. Ребята, читайте классику. Иначе обречены за свое выдавать давно забытое»*.

Десятки бакинских авторов мечтали о славе братьев Колмановских, постоянных авторов команды Гусмана. Обращались к Сиру: «Помогите. У вас связи, а у меня пять сценок, три песни, шесть монологов… Жена рыдала от смеха. Дайте почитать Юлику или Савелию Колмановскому. Только не говорите, что вы с ними поссорились, вы авторитет. Мы знаем, не отвертитесь». Прочитав, Сир говорил часто: «Великолепно, но не сценично». Ряды врагов росли и уплотнялись. Тогда он применил другой метод: «Я отдал прочитать Колмановским и самому Адамову. Их резюме: Гениально, но не блеск. Предложили быть глубже и тоньше, с элементами парадоксального мышления. Правда, что за элементы, не пояснили».

Братья Колмановские как сценаристы внесли большой вклад в создание великой команды Юлия Гусмана. Тогда как Сир внес большой вклад в создание обаятельной и живой бакинской публики, которой восторгался Жванецкий. Последнее не менее важно, к 1980 году всесоюзный авитаминоз достиг таких масштабов, стал до такой степени хроническим, что КВН как разрешенное коллективное творчество спас СССР от тотального разочарования в глазах той самой великолепной бакинской публики, о которой говорил Жванецкий.

Три сценки из жизни Сира. Случайно его увидел, проходя Молоканский садик. Стоит под деревом, притаился и наблюдает, как дети играют в прятки. «По тому, как играют дети, можно легко предсказать, кем они станут», – нехотя выйдя из засады, пояснил Сир.

Клуб моряков, 1978 год. Только один сеанс фильма Феллини «Сатирикон». Толпа монолитная, непробиваемая, сама не попадет на сеанс и другим не даст. Знакомый будущий режиссер применил три тактики: сначала тактику слона и с разбега врезается в толпу. Провал, толпа вышвырнула через минуту. Вновь разогнался и с львиным рыком понесся на стену. Толпа проглотила проходимца и очень скоро превратила льва в жалкого, визгливого шакаленка, выбросив на исходные позиции. Третья попытка, робкой хитрой лисичкой вкрадчиво пытается втиснуться, вползти в толпу. Но его уже ждали и заставили проползти между ногами, и когда ему показалось, что удалось, началось самое страшное. Бойцы с таким удовольствием перебрасывали его друг другу, что выполз из толпы помятым, сломанным на всю жизнь. Затем сделал попытку знакомый корреспондент молодежной газеты, в эмиграции с 1992 года ставший автором любовных романов. Если первый пытался использовать три стиля, этот выбрал самый примитивный – таран. Щуплый, сутулый невротик дважды пытался и дважды вылетал, с третьей попытки перешел на визг, моля толпу расступиться. Легко предсказуемые ходы, тривиальная тоска. Толпа была неумолима, беспощадна.

И тут я увидел работу мастера. Сир вышел из такси, неся перед собой огромные киношные кассеты с кинопленкой. На самом деле кассеты были пустые, выпросил у знакомого оператора. Толпа почтительно расступилась перед киномехаником. Он подходит к входу, один из стражей ему:

– А это что? «Сатирикон» давно здесь.

Сир:

– Фильм на завтра. Читайте.

На приклеенном к крышке кассеты бумаге написано: Dolce vita. Fellini. Чуть ниже четыре круглые печати.

– «Сладкая жизнь», – с обожанием глядя на пустые кассеты, произнес Сир.

– Знаю, знаю, проходите, – сказал охранник, и Сир оказался в переполненном счастливчиками фойе. Спрятал кассеты под кресло и смешался в радостно гудящей массовке.

Конечно, обожание Феллини. Но что-то еще. Обожание свежего, яркого, сочного, другомирного. И, конечно, прийти на праздник жизни со своим тортиком.

Попробуйте, ребята, может, и вам захочется что-то в таком роде испечь. Обращаюсь ко всем, кто усвоил стиль Сира. Мы от вас ждем, вспомните мастер-класс Миши Носоновского.

Сир и художник. Для какой-то постановки Сир просит художника по имени Закир – типичный представитель абшеронской школы – нарисовать такую картину. Представьте, бушующее море, на берегу стоит мужчина и всматривается в громадные волны, несущиеся на него. Напряженная поза, мужчина заворожен картиной разгневанного Каспия. Картину назовите «Беседа с чудовищем». Художник нарисовал не так, как хотел явно очень непонятный ему человек. Назвал картину «Беседа с морем». Сир был разочарован: «*Я ждал другого. Мужчина всматривается в сильное и безжалостное чудовище, которое отняло у него, жителя Абшерона, близкого друга. У тебя же получилась беседа с приятелем: тихим, мирным, спокойным. Мне нужна картина, где человек не заискивает, а всматривается в жестокое, беспощадное и грозное чудовище и готов ответить, бросить вызов. Надо сметь стать личностью. Надо сметь писать жестокое, опасное море. Это не страшно. Я же смею, и у тебя получится*».

Сир ошибался. Посметь страшно всегда, морских барашков рисовать легко и приятно, барашки не вызывают вопросов. Картина «Беседа с морем» мелькнула на какой-то выставке милым морским пейзажем. Такие картины заканчивают свою жизнь в номерах трехзвездочных отелей.

Тема голода и недостатков на объектах общественного питания, сухого московского пайка, слишком сухого для молодого свежего поколения была в 1970-1985 годы ведущей. Постоянно обыгрывалась, например, в таких монологах: «*Есть понятие высокая мода. А есть понятие высокая кухня. Наша бакинская относится к высокой кухне. У нас великолепная кухня, мы легко обеспечим вкусным питанием весь Союз. От наших первых и вторых блюд будет балдеть весь Союз, от Москвы до Владивостока. КВН стал высокой кухней и должен издавать книги о вкусной и полезной пище. Настоящая раскодировка КВН – кухня, вкусная и необходимая всем слоям населения. Особенно растущим организмам. Или мы творцы дома высокой кухни, или просто потребители всесоюзного общепита*». Подтекст улавливался бакинским залом мгновенно. Сир очень гордился, что Баку стал центром высокой кухни для страдающих от авитаминоза советских граждан, и он один из ведущих авторов рецептов новых вкусных блюд. Не эксплуатация экзотики и колорита, а поставщик новых тем и идей для Игры – в этом и было опережение бакинского КВН команд других республик. Для посторонних Сир – лишь рассказчик анекдотов, тогда как студенты-игроки воспринимали его как творца новых тем, сюжетов, мастера обыграть старые штампы. В 1970-х были в моде анекдоты про чукчей, настолько простых и бесхитростных, что и не обижаются на анекдоты про себя.

– *Не все так просто*, – говорил Сир. – *Откуда такое высокомерие? У чукчей есть поговорка «Смех делает человека сильным». Или «Если ребенок долго плачет после наказания, значит он плохо воспитан». Отличные воины. Никто, кроме чукчей, среди северных народов, не применял такой эффектный военный прием. Во время схваток с противником из задних рядов чукчей вылетали воины и приземлялись в тылу врага, пролетев над их головами примерно сорок метров. Только чукчи сушили ствол молодой березы по особой технологии и делали из него древко-батут. Летающие чукчи вызывали ужас у воинов враждебных племен.*

– Над чукчами нельзя, так над кем смеяться? – спрашивали мы.

– Над собой, – отвечал мастер. – Это единственный шанс создать свою версию батута для старта. Разве КВН не есть тот самый батут для самых находчивых?

Смеяться над чукчами расхотелось.

После смерти Брежнева Сир выглядел изумленно наблюдающим за переменами в стране. О свертывании эксперимента под названием СССР заговорили в 1988-м: «Если митинги в Вильнюсе, Тбилиси, Ереване происходят, значит в Москве это кому-то надо».

Изумлению поколения академика Мирзаджанзаде, Носоновского не было предела. Они полагали, чем многочисленнее КВН-поколение, тем легче будет снести устаревшую конструкцию и заменить ее легкой и изящной моделью, по типу шведской или финской, социалистической по сути и полной динамизма в научно-техническом и экономическом планах. Вслед за падением берлинской стены развалилась вся конструкция. Разваливаясь и падая, разметала поколение Сира по всему свету. Если бы кто-то в 1980 году сказал Сиру, что после распада СССР в 1990-х самым процветающим бизнесом в СНГ будут ломбарды… Что в 2022 году РФ, как в 1917-м, будет вновь воевать со всей Европой, с новой Антантой…

Разминка. Сир: «*Итак, погоняем по эрудиции. Пользуетесь пословицами, фразеологизмами? Например, что значит раскатать губу? Ваши версии*». Молчание. Объяснял: «*Губой называется надрез при выпечке калача. Когда калач выпекался, тесто поднималось и отверстие напоминало открытый рот. Что значит «проще пареной репы»? Несложно готовить, репу мыли, набивали в горшок и ставили на ночь в теплую печь. Откуда выражение «метать икру»? На Каспии живем, должны знать. Чтобы выбить из себя икру, рыбине приходится активно двигаться, бить по воде хвостом. Хотя бы знаете, почему чепуха именно на постном масле?*» Тишина. «*Все просто. Постное масло – самое дешевое*». Потребовал не просто прочитать, а изучать книгу Владимира Даля «Сборник пословиц…» Море идей и тем для сюжетов. Команда Гусмана выигрывала благодаря мастерскому владению эрудицией. В век информационного общества это актуальная проблема – управление информационными потоками. Сейчас, в век клипового мышления управление знаниями – актуальная проблема.

Все репетиции скорее можно назвать мастер-классом знатока: «*Учитесь азартно мыслить. Вы вместе для того, чтобы возражать интересно. Что для меня КВН? Поиск дерзко мыслящих и отзывчивых. Главной чертой бакинца считаю отзывчивость, во всей широте этого понятия. Есть реакция на вызов – наш человек. Нет реакции – да будь ты трижды в третьем поколении с Торговой…*»

Требовал задавать вздорные вопросы: «*Был ли Д'Артаньян настоящим гасконцем? Такой ли уж негодяй кардинал? Может, он вынужден играть мерзавца, потому что король – идиот? Не в этом ли тайный умысел Дюма-отца? Стоит ли искать черную кошку в темной комнате, особенно, если…*» Предложили десяток версий, одна из них: «*…особенно, если она никому не нужна*». Дело не только в поиске лучшей версии, но и в подключении к поиску новичков, в создании множества необычных вариантов.

Сир: «*Есть такая старинная пословица. Хорошо мне, хорошо Израилю. А как в наших условиях?*» И мы хором: «Хорошо СССР, хорошо мне».

Сами поразились – ответили сразу и хором. Советские люди, ясное дело, близнецы, но чтобы однояйцевые… Каждый из нас поклялся – никогда больше не отвечать залпом и хором. Сир попытался успокоить: «*Странно, обе модели хороши. Правда, каждая по-своему и в свое время*».

Сир: «*Баку стал чемпионом КВН в 1968 году. Чем еще знаменателен этот год?*»

Сам отвечал: «*В 1967 году в СССР запущен крупнейший в мире ускоритель протонов, который вывел нашу страну в лидеры исследований в области физики высоких энергий. А в 1968-м на советской установке Токамак Т-3 для исследования термоядерного синтеза был установлен мировой рекорд нагрева плазмы до почти 12-ти млн. градусов Цельсия. После чего такие ядерные установки стали строить по всему миру. То есть речь об ускорителе мирового масштаба. КВН считаю Токамаком еще большей мощности. Также в 1968 году братья Стругацкие написали повесть «Гадкие лебеди». Мы с вами – те самые гадкие лебеди*». Реакция: мы все бросились искать и читать «Гадких лебедей». Сир был прав, сходство потрясающее. Громадная страна: тут и Токамак, и тут же художник Меламид с «гадкими лебедями». Рассказал о роли художника Меламида, одного из самых нужных стране гадких лебедей.

Баку эффектно предъявил миру свой чемпионский потенциал командой Гусмана и командой «Парни из Баку». Убеждение в перспективность СССР было мастерски «вплетено» в выступления бакинских команд. Бакинский стиль игры в КВН резко поднял уровень пассионарности в стране. Неохотно московское жюри вынуждено было это признать. Сир был счастлив – участие в победе провинции над провинциализмом. Этим счастьем все годы пребывания в Баку от души делился делился с молодыми участниками конкурсов КВН. Побольше выскочек, хороших и разных. Баку в 1970-1990-е был щедр на выскочек: в бизнесе, литературе, эстраде, футболе, КВН, театре, джазе…

Победы бакинцев на всесоюзном уровне закономерны, так как Баку заявил, что внутри советской системы есть резервы противостоять возникшей моде на западную поп-культуру. Мы создаем альтернативу, ставка на обновление. Неслучайность появления КВН-поколения в Баку объяснима убежденностью этого одного из ведущих научно-технических центров Союза в ресурсах системы. Модернизация возможна.

В 1970-1980 годы в СССР расцвет соц-арта. Искусство направлено против коммунистического агитпропа, против засилия примитивной пропаганды, используемой советской властью для одурманивания населения. В 1972 году лидеры нового движения Виталий Комар и Александр Меламид показали серию из 25 картин, из которых вырос соц-арт. Очень востребованная и удачная попытка осмеять советские стереотипы, управляющие советским масс-сознанием. Комар и Меламид как истовые реформаторы иронизировали над западным и советским стилями китча. Не случайно «Китч как выбор народа» – название одного из заключительных их циклов совместного творчества.

Типично авангардистская позиция в 1970-е блестяще реализовала себя в КВН. Когда критерием качества являются эффективность воздействия и открытый диалог с молодежью. Для лидеров соц-арта искусство, идеология – не набор догм, а язык. Развивающийся, требующий обновления и обогащения. Бакинские команды не просто оседлали волну, в Игре они во многом ее и создали, победами в финалах доказав, что провинция развивается динамичнее и самостоятельнее, чем спящая столица. Соц-арт и КВН активно высмеивали требование развиваться с той скоростью и в том направлении, которые диктует центр. Миша Носоновский стал актуален для бакинских команд как тренер, наставник, сценарист потому, что был одним из самых тонких уловителей тайных, неписаных трендов советского нонконформизма.

Победа 2020 года требует развития. Национальный подъем посредством искусства, спорта испытывает потребность в мобилизаторах. Тех, кто формирует культуру соревновательности в обществе и умеет подключать новое поколение. Игра – всегда поиск мобильных.

Время подъема следует использовать рационально, надо вести поиск драйверов интеллектуального развития. Новая молодежная Игра как подключение, как социальные лифты, как аналог КВН необходима новым поколениям.

1976 год. Сир игрокам из Медицинского дает задание. Придумать сценку о роли кислородного голодания для нормальной деятельности головного мозга. Придумайте сценку на тему: «Что улучшает работу мозга». Студенты: «Физические упражнения, решение кроссвордов, изучение языков…»

Сир: «А у меня – наслаждение обществом маркизы де Савинье». И рассказал о графине, авторе знаменитого афоризма «Чем больше я узнаю людей, тем больше люблю собак». Маркиза в течении 30 лет писала дочери по три письма в день. Коктейль из колких и тонких наблюдений за светским обществом, светского и судебного очерка, литературной критики, афористики и философской эссеистики, просто исповеди, наконец. Письма мадам де Севинье – классика эпистолярного жанра, как известно, лаборатории прозы. Европейский роман во многом опирался на наследие маркизы де Севинье, даже не прибегая к форме романа в письмах.

Игроки придумали отличную импровизацию:

– Маркиза, общение с вами великолепный тренажер для моего мозга, – обращается человек конца XX века к светской даме XVII века.

– Польщена, а вы чем меня порадуете, – отвечает маркиза.

– Действительно, чем я могу порадовать и тем более удивить, – растерялся человек XX века.

Тут и началась игра, студенты стали перебирать нехитрый набор советских развлечений, способных заинтересовать светскую даму Парижа конца XVII века. Ненадолго маркизу заинтересовала Алла Пугачева, а после просмотра фильма Гайдая про похождения пса Барбоса, маркиза заявила: «Вы знаете, все-таки лучше, если вы исчезнете из моей жизни. Потому что моя симпатия к собакам после общения с вами ни на йоту не уменьшилась».

Поколение «проснись и пой» ушло в прошлое под песни Кобзона и Лещенко. КВН создал поколение задающих вопросы. В СССР для КВН было два светлых периода: с 1961 по 1972 годы, с 1986 по 1991гг. На старте Москва, Питер, Рига, Одесса, Баку, Киев.

В 1972-м на ЦТ закрыли Клуб веселых по «идеологическим причинам». Стране нужны веселые и находчивые, но не Клуб. Очень скоро Клуб находчивых превратится в Штаб и с легкостью проглотит Кабмин, ЦК и даже Политбюро. Потенциал КВН позволял предположить, очень быстро КВН уведет страну у Политбюро. И пока КВН не захватил мосты и почту, Смольный и Кремль, надо запретить подмывать устои, измываться над советскими святынями, возбуждая подозрение, что развитой социализм недоразвит. Но была и другая причина – неожиданно яркая провинция и бледненькая Москва. Бакинцы, рижане и одесситы разгромили московские команды. Вовлечением в КВН-движение, расширением сферы влияния, включением новых тем провинция обогатила игру. Идет подключение новых центров – все это благодаря Риге и Баку. Неприятный для столицы результат, и очень заметный. Игра конструирует молодое поколение, а ее центры очень далеки от Москвы. Успешная провинция – ладно, но не в качестве лидера.

На КВН-небосклоне в 1970-80-х в Баку зажглись несколько ярких звезд-игроков и таких, как Сир, идеологов игры. Последних знают единицы, но именно они сформировали лучшие команды, научив шутя, каламбуря и хохмя, вывести КВН-поколение на позиции обновителя системы. Поколение, способное создать из «империи зла» обаятельный образ на экспорт, а внутри страны создать условия для творческого обновления советской модели социализма, при условии расширения сферы влияния Игры и игроков. Эту тему Сир обсуждал с преподавателем Политеха, шефом студенческого клуба преподавателем Валехом Гаджиевым.

Общая позиция такова: как можно больше студентов вовлечь в КВН-движение. Баку эффектно предъявил стране свой чемпионский потенциал, который в случае создания карнавальной атмосферы будет реализован в игре, творчестве, театре, науке и в высшем образовании.

И Валех, и Сир, верили в возможность КВН-поколения внести вклад в модернизацию закосневшей системы. Главная для собеседников тема: как из исполнителей сделать авторов.

Победное шествие в Баку КВН-карнавала продолжалось и после закрытия на центральном телевидении выступлений команд Клуба. Закрытие КВН было сигналом. Тоньше, неуловимее, изощреннее. Система стара, капризна и очень обидчива. Спорить не умеет, критику не выдерживает, легко впадает в истерику и хватается за нож. Дряхлеющей змее очень мешает старая кожа, а самостоятельно выползти из нее не может. Академик Мирзаджанзаде, его ученик Носоновский, педагог Валех Гаджиев – абсолютно советские люди и, презирая старую змею, все же верили в потенциал социализма. Советский народ в состоянии создать грамотную, рациональную экономику и современное успешное государство. Не система с ее бездарным бюрократическим аппаратом, а новое КВН-поколение вселяло им надежду.

Расцвет КВН-движения позволял положительно ответить на ключевой вопрос 1980-х годов: способно ли СССР к реформированию косной, не гибкой, целиком проржавевшей системы управления. КВН-поколение было в состоянии сделать эту цель достижимой. Поэтому противники как за рубежом, так и в стране спешили. Внутри не способной к развитию конструкции чудом возникло динамичное, праздничное поколение 1970-1980-х годов. Необходимо было быстрее обрушить СССР, развалить и разметать успешное, креативное поколение по миру. Тогда чистая победа и – надолго. Тогда развал Союза и «присвоение» самого значительного достижения страны – человеческого капитала 1970-1980-х с его поразительным полиморфизмом. Надо было присвоить, перехватить динамичное поколение Сира, что и привело к взлету науки, экономики в Израиле, Германии, США, Канаде и в Австралии. Надо спешить.

Общее настроение этого поколения было отлично выражено словами Сира: «*Не может страна принадлежать к развивающемуся миру, тем более к третьему миру, имея такое громадное количество грамотных, талантливых, технических специалистов. Только в моем институте среди тридцати сотрудников двадцать великолепные инженеры и ученые. Нет в Баку ни одного НИИ, вуза, где я не найду единомышленников, сообщников и соучастников процесса*».

Есть некий поколенческий заговор игроков КВН. Чисто внешне все выглядит просто забавным, легкомысленным, студентики-трепачи. Но это был заговор мощного движения против из года в год все более дряхлеющей системы, и Сир был одним из идеологов заговора. Глядя на открытое лицо хохмача Сира, разве можно было заподозрить комиков Клуба в создании программы обновления страны. «Подумаешь, шутка: лакей в «Вишневом саду» – партработник, – говорили чистые глаза Сира. – Ну разве это шутка? Это правда, а на правду нельзя обижаться. Ей на ваше мнение наплевать».

Именно потому, что потенциал развития человеческого капитала был значительный, СССР и был разрушен торопливо, считал академик А.Мирзаджанзаде.

«*Интересный момент*, – говорил Сир узкому кругу – *во всех странах, по которым рассеялась советская интеллигенция, было далеко до создания атмосферы карнавала, детищем которого был КВН. Что много говорит о потенциале социализма в деле создания карнавальных поколений. Мы пытаемся вписаться в новую систему, которая оказалась крайне нестабильной, и сейчас происходят тектонические изменения. Выскользнув из объятий одной косной и неуспешной системы, мы хотели вписаться в другую систему, которую предварительно надо было грамотно исследовать*».

С 1972 года КВН стал восприниматься Москвой очень реалистично: Игра, ставшая гражданским институтом, штабом веселого и находчивого неповиновения. Не властью запущенного и не ею контролируемого. Игра могла стать партией, консолидацией педагогов и студентов, что и происходило в бакинском АЗИНХ – кузнице лучших кадров для нефтяной промышленности.

Тренд был уловлен, и это стало потрясением для центра, не отличавшегося ни гибкостью веселых, ни исследовательским нигилизмом находчивых. Легко и с удовольствием подключающих студентов всего Союза к веселой игре – атаковать советские мифы и лукавые химеры типа «социализм с человеческим лицом». Стоило на репетиции в 1976 году кому-то вбросить фразу про социализм с лицом, и тут же посыпались версии: «А с каким конкретно лицом? Женским, мужским, детским, пионерским, пенсионерским…»

Репетиции с Сиром были опаснее выступлений его команд.

Невиннейший вопрос Сира «что общего у КВН с йогой» спровоцировал море импровизаций. Внешне безобидных, как смех пионера. Но тайный умысел потряс стукачей перспективой взрыва инакомыслия в стране. Мы дали с десяток версий, а самой остроумной оказалась правда. Ответ: «У КВН и йоги все общее. Образ жизни, мышления, поведения. Это философия и стиль, мелодия познания и гармония души. КВН и есть йога».

Ужас сквозил в доносах на капитанов студенческих команд. Ужас и изумление: куда смотрит родная партия? Неужели Брежнев забронзовел настолько, что вообще не считается с мнением стукачей? Тогда кто-то должен принять меры.

В КВН в восприятии Сира воплощалась идея формирования полифонического и свободного общественного института как коллективного реформатора заржавевшего механизма. Этим интересен бакинский стиль – культ многообразия. Он вбирает в себя своеобразие национальных стилей и традиций, доказывая преимущества культуры диалога. В Союзе всего было пять таких городов. Советский опыт культуры многообразия разрушен, остался в прошлом и в печали носителей памяти. Но спустя 50 лет вдруг оказался востребован, сказалось пресыщение национальными квартирками. Вновь потребность создавать идеологию вовлечения, взаимообогащения, полиморфизма. Без чего для большинства этносов бывшего СССР процесс деградации в интеллектуальном и в отношении качества населения ускорится.

Отсюда высокая восприимчивость к стилю Сира среди студентов.

У любви к Баку у Сира есть верно выведенная формула – интерес к многообразию, развитие во взаимообогащении. Формула любви написана самим Баку. У города огромный интерес к многообразию. Не отторжение полиформизма, как в Ереване, но стремление познать и вобрать национальные разнообразия. Открытая система с интересом на протяжении веков изучала национальные своеобразия и, вбирая лучшее, делала их богаче, интереснее.

На репетиции Сир: «*Да что вы все* ***блин****, да* ***блин****. Правильно говорить «****млин****», на старославянском это нечто круглое*».

– А зачем это нам знать, – возражали игроки. – Наше дело – смешить, хохмить, набирать очки.

– Зачем? Так ***хохма*** – это на еврейском мудрость. Чтобы выйти из КВН личностями, а не исполнителями. Знаниями надо владеть.

В переводе с языка Сира означало – игра требует учиться управлять эрудицией и обогащать выработанный стиль.

Если хохма – мудрость, тогда хохмачи – кто? Мы хором и очень удивленно: мудрецы. Мы тогда не знали, к какой изящной ловушке Сир нас подводит. Конечно, задача Сира из актеров сделать актеров-авторов нам была симпатична. Мы и представить себе не могли, куда Сир ведет нас. Симпатично и продолжение: а значит, авторское отношение к игре и к жизни. Не исполнительское.

Это абсолютное развитие позиции Мирзика в отношении своих учеников. Сир сделал КВН великолепным методом превращения исполнителей в авторов – исследователей деградации советской модели. Чисто внешне – забава, и мы, команда, охотно следовали за Сиром. Но вот это «хохма – мудрость и тогда хохмачи – мудрецы» нас сильно напрягало, не устраивало, вызывало страх. Мы не хотели быть мудрецами. У Мирзаджанзаде, Эберлина и Сира был очень трудный путь. А мы хотели резвиться, играться, влюбляться, на всю катушку отработать молодость. Мы мечтали затянуть детство. То самое, помните? На Первое мая на параде здоровые работяги с какого-то завода несли плакат «Спасибо родной партии за наше счастливое детство». Ощущение, что работяги сами не вышли из детства и другим не позволят. Базовый лозунг, один из самых основополагающих.

«*Мы должны быть на голову выше противника и на шаг впереди. В игре и в жизни, как специалисты. Пример? Мы живем в стране культа мастерства, в частности, ковроткачества*, – говорил Сир. – *Как раньше получали естественные красители? Например, брали луковую шелуху, добавляли чайную ложку соли, заливали холодной водой и варили минут десять. Получаете краску чудесного теплого цвета – от охристо-золотого до ярко-красного и даже темно-коричневого. Все зависит от опыта мастера, от времени окрашивания и качества шелухи. Чистый желтый цвет получали с помощью скорлупы и перегородок грецкого ореха. А желто-золотой дает варка с шафраном. Золотистый цвет дает также кора дуба. Отвар из свеклы дает розовый или белый цвет. А зеленый оттенок придает крапива. Натуральные краски также получали из корней марены, листьев винограда, кожуры граната, из кошенили, из прокисшего молока…*»

Игроки раскрыли книги по истории ковроткачества – все верно. Но зачем нам это знать?

«Настоящие краски, настоящие мастера. Не улавливаете? – подсказывает Сир. – *Мы сами создаем краски, ковроткачество есть искусство алхимии и символ мастерства. Все в процессе создания ковра создается мастером, зависит от него. От красок до композиции. Если мастер знает тайны каждого этапа изготовления. От тебя зависит, ты можешь создать шедевр, равный картинам Рембранта. Мы должны владеть тайнами всех этапов создания ковра, картины, технологии, теории… Нам повезло, живем в стране культа мастерства. Вокруг нас во всех ремеслах таятся уроки для будущих мастеров»*.

Это звучало как объяснение в любви Баку, где развиваются традиции восприимчивости открытой системы, зона контактов национальных традиций, стилей, смыслов, установок. А что характерно для настоящих мастеров? Изучение и сравнение стилей. Тогда как в Ереване подобное отторгается, принимается в штыки. «Мы начало всех начал. От нас учатся все, мы ни от кого».

В Баку нет предубежденности, нет отторжения идеи многообразия, вбирания, контакта разных школ и стилей. В ковроткачестве все та же идея – интерес к многообразию, характерный для Азербайджана, где веками шел процесс взаимообогащения региональных школ ковроткачества. Мастера учатся у мастеров других школ.

После этих слов КВН воспринимался совсем иначе. У игры большие задачи благодаря таким «расширителям» горизонтов, как Сир. Как только это уловили в 1972 году, так КВН и прикрыли на центральном телевидении. С позиции аппарата КВН – враг, лютый и непримиримый. Закрыли на годы и не позволили Игре состояться как партии интеллигенции, которая в критический период после смерти Брежнева, Андропова не позволила бы разрушителям СССР прессинговать так нагло и открыто, выдвигая на первые посты унизительные для великой страны откровенно нечистоплотные и бесчестные, примитивные типажи, такие, как Горбачев, Ельцин, Гайдар, Чубайс, которые очень быстро были бы Игрой разоблачены.

Под прикрытием КВН особая каста под названием научно-техническая интеллигенция готовила кадры для переформатирования управления страной.

«*В каком-то смысле мы сами виноваты, – отмечал Сир в 1986 году. – КВН слишком явно растоптал весь идеологический аппарат компартии, нанеся ему ошеломительно унизительное поражение с разгромным счетом. Лучших нападающих сбивают с ног. Вроде бы он поднялся, да уже не так быстро бежит к воротам. С нами произошло то же самое. Сбили с ног и не позволили подняться*».

В словах мастера и гордость, и печаль, дракон оказался слишком живуч, слишком много голов. Тупых и пустых, но их было слишком много. А коллектив рыцарей был малочисленным и разобщенным.

КВН как советский стиль йоги. Внешне наивная, не опасная форма самовыражения, а сколько в ней неконтролируемой центром вызывающей, эпатажной дерзости.

Поразительно и печально, ни в одной бывшей республике нет ни одного исследования о самом важном вкладе СССР в понимание качественной, динамичной эволюции общественных моделей. Так как нет признания того, что наибольшая потеря Союза в целом, республик по отдельности в период распада страны – это уничтожение самого значительного достижения Союза – полиморфизма (от греческого полиморфос – многообразный), национального и интеллектуального, где одним из лидеров, несомненно, являлся Баку. Тогда как США, Западная Европа, Израиль именно это достижение вожделели и приняли как самый значительный капитал из всех вывезенных из разрушенного СССР. Среди десятков полных горечи статей о вывезенных из СССР заводах и технологиях, очень мало о потере подлинного золотого запаса каждой страны. Об уничтожении Горбачевым самого успешного советского проекта – культуры человеческого полиморфизма, достижения которого с нетерпением перехватил запад. Кроме обогащения собственной элиты, это и гарант невозрождения СССР, этого поразительного по эффективности периода торжества стратегии полиморфизма.

Доктор биологических наук С.Савельев отмечал: «Многонациональность страны – залог успеха. Так как результат – полиморфизм, рост изменчивости мозга, что наблюдалось в СССР».

В языках программирования и теории типов полиморфизмом называется способность функции обрабатывать данные разных типов. Человечество характеризуется полиморфизмом, то есть присутствием в пределах одного вида резко отличных по фенотипу особей.

Деградация элиты противника имеет стратегическую цель: неспособность адекватного реагирования на вызовы времени, нарастающие от поколения к поколению, и создание из осколков СССР государств-неудачников, что в отношении большинства бывших республик удалось в полной мере. Все государства-неудачники характеризуются одной известной итальянской сентенцией: *in Italia troppe feste, troppe teste e troppe tempeste* – в Италии слишком много праздников, слишком много дурных голов и слишком много провалов. Последнее как следствие двух первых компонентов. Что и объясняет, почему «в кризисной ситуации страна провисла в концептуальной пустоте, продуваемая всеми ветрами, но, обладая активной институтуализацией и кадровым потенциалом, могла эффективно преодолеть риски переходного периода», – писал А.Неклесса, председатель комиссии по социокультурным проблемам глобализации совета «История мировой культуры» РАН. Приведено мнение лишь двух ученых, которые мечтают на машине времени вернуть страну за год до точки старта трагического каскада событий. Вернуть время созидателей праздника, которыми были все герои этого очерка.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ

Cogito ergo sum. Мыслю, значит существую. Бессмысленное вегетативное существование, когда человек не осознает себя в качестве личности, по мнению французского философа Рене Декарта, его еще называют отцом современной философии, не является существованием в полном смысле этого слова. Революционная идея для XVI века.

Сегодня появился искусственный интеллект, который, с некоторыми оговорками, также способен мыслить. Вернее, компилировать громадную массу информации и извлекать из нее рациональное зерно. Появилась надобность в создании подобного интеллекта, на мой взгляд, вследствие громадного массива информации, полученного человеком. Ориентироваться в информационном океане все сложнее, а машина, с ее педантичностью и методичностью, возможно, справится с поставленной задачей.

У создателей искусственного интеллекта стали появляться сомнения в безопасности для людей их детища. Один из них Джеффри Хинтон выступил с сенсационным заявлением, в котором предупредил об опасности ИИ, могущего в определенный момент принять решение избавиться от несовершенных людей и заменить их совершенными роботами. Франкенштейн, выпущенный из лаборатории, получает шанс взять вверх над людьми.

И без искусственного интеллекта, мы знаем много случаев, когда человек сам, по доброй воле передавал другим людям, иногда, группам людей свое неотъемлемое природное право на мышление. Уточню, критическое мышление. Все ментально здоровые люди мыслят, но критическое мышление в некоторых случаях делегируется кому-то, к примеру эксперту, который, по определению, должен разбираться в выбранной теме.

В самом деле, зачастую необходимо выслушать мнение эксперта, чтобы понять и разобраться в том, что происходит в действительности. В наше время экспертов, по совместительству блогеров – довольно много и каждый поет свою песню, высказывает свое компетентное мнение.

То же самое мы видим на экранах телевизоров, где люди, называющие себя экспертами, рассказывают о том, что происходит в мире, государстве, а иногда и в отдельной группе социума. Вся информация, которую вылили на голову потребителя, чаще всего обывателя, или как сейчас говорят, глубинного народа, превращает эту человеческую массу в инструмент, которым легко может воспользоваться любой деятель, имеющий власть. Для такого феномена найден термин – Lavagedecerveau/Промывание мозгов.

Почему многие люди так охотно готовы отказаться от собственного мнения и согласиться с мнением, которое ежедневно вбивают в сознание послушного населения? Только ли благодаря массированной атаке пропагандистов на малодушное сознание сограждан? Не думаю.

Прежде всего потому, что имеется негласный социальный контракт, заключенный между авторитарной властью и безмолвствующим населением. Мы, власть, даем вам возможность жить, воровать, устраивать свои дела, закрываем глаза на ваш маленький «гешефт», а вы, в свою очередь не вмешиваетесь в наши дела. Мы знаем, что надо делать, как надо разбираться с наглыми соседями, и вообще, не стоит забивать себе голову государственными проблемами. Для этого есть мы, власть.

Мы все знаем.

Как продавать природные ископаемые, куда девать сверхприбыли, как надувать щеки и пугать ядерной бомбой изнеженный Запад. Мы знаем. Как-нибудь разберемся без вас, обывателей.

И конечно, страх. Тот самый страх, ставший одним из элементов генетического кода жителей стран, так и не вырвавшихся из когтей авторитарных режимов. Безусловно, тем, кто течет по течению, не пытаясь подвергнуть сомнению «генеральную линию» власти, в определенной степени спокойнее и уютнее в социуме, где «все, как один», в «едином порыве одобряют и поддерживают». Им кажется, на самом деле, только кажется, что подобным образом они уберегутся от опасности, сумеют неплохо обустроить свой быт и жить не тужить. Парадокс в том, что в итоге, потворствуя коррумпированной преступной власти, вместе с ней они погружаются в хаос, войну, разруху, горе. И все лишь потому, что удобная тихая гавань, где не надо принимать решений, где власти всегда знают лучше, что, когда и как делать, , превращается в охваченный огнем приют, из которого выберутся лишь единицы. В основном обладатели критического мышления.

Критическое мышление вырабатывается в ходе длительного процесса образования. Непрестанного. Оно появляется у людей, имеющих возможность сравнивать данные, информацию.

Если вам изо дня в день представляют одну точку зрения, мнение монарха, президента, премьер-министра, назовите его, как угодно, если только одна точка зрения довлеет и ее бесконечно пропагандируют, с утра до ночи вдалбливая в сознание людей незатейливые схемы, то рано или поздно, подобная неустанная работа даст свои плоды. И люди, даже те, кто образован, начитан, кому кажется, что у него есть моральные принципы, даже эти люди, совершенно неосознанно, не отдавая себе в этом отчета, начинают проникаться ядовитыми идеями верховного властителя.

В результате складывается трагическая ситуация. То, что мы видим сегодня на театре русско-украинской войны.

Российскому населению вдалбливают определенный взгляд, определенный угол зрения на соседние государства – «сателлиты» Великой России, на просветительскую, главенствующую роль России, россиян, в частности, русских, выступающих в качестве просветителей для так называемых малых народов. Они и сейчас называют Украину – Малороссией. Такой подход идентичен видению Российской царской империи. Высокомерное, снисходительное отношение к украинцам, вылилось в страшнейшую войну и удивительно то, что до сегодняшнего дня, хотя прошло больше года с начала войны, российский глубинный народ все так же пребывает в состоянии, как мне кажется, гипнотического сна, когда многие россияне уверены в том, что это не Россия напала на Украину, а как сказал господин Лавров, «это Украина напала на Россию». Российские обыватели смиряются с тем, что мужчины, стар и млад, идут на фронт убивать своих соседей, как они когда-то их называли, своих «братьев славян».

У украинцев есть все для победы. Моральный дух, смелая армия, умные руководители, у них есть поддержка западных государств.

Поддержка, которой не было у нас, азербайджанцев, когда наши соседи, армяне, вели с нами войну за Карабах. Первую карабахскую войну наши соседи выиграли с помощью России. В этом нет никаких сомнений.

Критическое мышление является главным препятствием для внедрения в сознание мифов и легенд. На то они и мифы и легенды, что, как правило, основаны на вымышленных историях. Совсем как мифы и легенды Древней Греции.

Например, одна из таких историй о том, что не существовало государства Украины. Совсем недавно российский президент, демонстрируя карту, (рассмотреть ее подробно не было никакой возможности), заявил о том, что Украины на карте нет. Журналисты, имеющие критическое мышление, заинтересовались картой.

Оказалось, что карту в 1674 году создал французский картограф Гийом Сансон, и Украина обозначена на ней, на французском языке, как Ukraine paysdes cosaques – Украина – страна казаков. Возможно, что российский президент не владеет французским языком, но чиновник, представивший ему карту с заверениями, что на ней нет Украины, сделал это, желая угодить боссу, пусть даже таким бездарным фальшивым образом. Фейк.

Вся российская пропаганда основана на фейках, на подтасовке данных.

Точно так же наши соседи армяне уверяют, что древний Карабах – не азербайджанское ханство, основанное в 1746 году Панахали ханом Джаванширом, (хотя имеются хроники, исторические документы), на самом деле, это древняя армянская земля Арцах. Для создателей мифов наличие исторических документов, хроник не является доказательством. Столица Карабаха не Ханкенди, а «древний» Степанакерт, к тому же названный по имени большевика Степана Шаумяна. В 1978 году армяне Нагорного Карабаха отмечали 150-летие своего переселения, и в честь этого был воздвигнут памятник в селе Марага Агдеринского района Азербайджанской ССР (ныне село Шихарх Тертерского района Азербайджана). Село названо армянами-переселенцами в память о своей первой родине – армянском селе Марага в Иране. Памятник в честь переселения первых армянских семей в Карабах, был разрушен армянами в 1988 году в начальный период Карабахской войны, а затем видоизменен до неузнаваемости.

Они затерли цифру «150», изменили сам памятный комплекс…

Без комментариев.

Российский, армянский обыватель, глубинный народ не будет разбираться в истории, политике, геостратегических интересах держав. Ему сказали, что Украины, как государства, не было, это креатура советской власти, значит, так оно есть. Сказали, что все украинцы – нацисты и наркоманы и их надо спасать, «эксперты» знают, что говорят. Российский обыватель охотно верит этим байкам.

Карабах отдал азербайджанцам Сталин. Турки и азербайджанцы – нелюди, только и мечтающие о том, чтобы уничтожить несчастных армян. Армянский обыватель не сомневается в этих «аксиомах». Никаких других аргументов ему, обывателю, не требуется. Если власть, авторитетные национальные деятели называют белое черным и наоборот, значит, так оно и есть.

Мифы – живучи. Мифы в картинках живучи вдвойне.

Без критического мышления выйти из парадигмы, очерченной властями, радетелями национальных интересов, не удастся. Наивность и доверчивость обывателя, а, главное, желание уверовать в свою историческую «миссию», «древность», «превосходство» ведут к катастрофе, войне, горю, потере близких.

Сегодня у сторонников партии мифотворцев появился конкурент – искусственный интеллект.

Картинка взрыва в Пентагоне, сгенерированная ИИ, вызвала переполох на биржах и страх у обывателей. Позднее выяснилось, что это фальшивка, и рынок восстановился.

Отличить правду от лжи будет с каждым днем все труднее. Тем важнее научиться критически мыслить.

Занятие непростое, но необходимое для хорошей жизни в мире и согласии.

В том числе и с соседями.

ЛАЧИН

Вода и вино

Рассказ
соч. 93

Кафе представляло собой настоящую залу, уставленную десятками столиков, с доброй сотней посетителей. За одним из столов, в углу у занавешенного окна, не было индусов. То было единственное место, отгороженное занавеской. За шербетом и сладостями сидели четверо франкоязычных писателей: Янг, из протестантского региона; португалец Жоан, урождённый индиец; Яношкина, гражданка Индии восточнославянского происхождения, и итальянец Джованни. По просьбе дамы, изучавшей испанский, разговор шёл на языке Кальдерона.

– Правила состязания ясны, но я повторю их. – Янг закурил, при этом его тонкое лицо утончилось до карикатурности. – Господа. То есть дамы и господа. То есть дама и господа. Тема: вода и вино. Превращение воды в вино галилеянином и Омар Хайям устраняются, ибо вспоминаются первыми. На языке Флобера, ибо, как признавал Томас Манн, каждый писатель уже немного француз. Не более тысячи слов. Краткость – она и таланту сестра.

– А гонорару – мачеха, – добавил лакей на ломаном английском, поднося кофе Жоану. И, смутившись, исчез.

– Я не верю в таких лакеев, – поморщился пухлый Джованни. – Яношкина, это вы его подучили.

– Вовсе нет, – отвечала славянка, надкусывая мармелад. – Кстати, в СССР это было не в диковинку.

– Сюжет должен тянуть на полноценный рассказ, – продолжил Янг, – пусть даже кратко изложенный. Философское содержание должно наличествовать. Наконец, без диалогов. Приз – трость Бальзака, ибо, хоть он творец комедии человеческой, не божественной, но усердие проявил нечеловеческое. За бранную лексику приз наполовину просовывается в анальное отверстие сквернословца. В случае этого перед награждением победителя награда тщательно отмывается самим провинившимся. Из уважения к дамам, в случае наказания Яношкиной трость почистит прислуга.

– А также и в моём случае, – сказал Жоан, помешивая кофе. – С моим ростом конец трости вынырнет из моей макушки. Однако начнём? Джованни собирался быть первым.

Ровный немолчный гул плыл под потолком залы. Неопрятные люди в небрежных костюмах, с тщательно ухоженными пышными усами, обсуждали цены, кинофильмы и бордели. Лишь за цветастою ширмой в углу в воздух врезались ритмичные фразы, на утончённом чужом языке.

Распятие с желчью

Многим подносила я желанный напиток. Говорила слова утешения – но каждый второй и не слушал, припадая к сосуду. Пираты, рассекавшие воду вёслами и тела железом; разбойники, под чьими руками кровь не мешалась с зелёною бездной (Древним море представлялось зелёным)*, а растекалась и впитывалась, по камням и в песок; грабители храмов, пытавшие терпение богов, как всякие люди, но жадные до чужого добра, как всякий бог; насильники, окроплявшие запретные чрева; бунтовщики, сбивавшиеся в стаи лютых волков, ибо их жёны, от голода оборотившись в*

волчиц, взывали к ним иссохшими сосцами. Потом они ложились на кресты, и удачливым пригвождали ступни и кисти, и они кричали, не оценив своей удачи, других только привязывали – они мучились дольше, томились дольше по желанному Аиду. Им больше бы следовало отпить пахучего напитка, умеряющего боли, но не всегда я знала, что ожидает их через минуту, и поровну делила свой кувшин.

В год девятнадцатый или двадцатый правления Тиберия (33-34 гг., согласно библейской мифологии, в это время распяли Иисуса Христа) *я стояла на пороге Аида – как всегда, провожающей, не уходящей – с тремя обречёнными. И двое отказались от вина с желчью. Бродячий проповедник, исхудалый, с бородкой, поминутно возносивший глаза к небу, и разбойник – рыжеволосый юноша с хищным, но весёлым лицом. Казалось, его ягодицами можно играть в резиновые мячики. И казалось ещё, если вырезать на монете сей профиль, ею будут спешить расплатиться – ожжёт она руки. Отпил только второй разбойник, тучный волосатый плешивец, призывая богов, мне неведомых. Но не возвеселилась я сердцем под вознёсшимися крестами двух не испивших, хотя цель моя была исполнена дважды. Узнай же мой обет, о путник, богине, чьё имя я тебе не назову: должно мне было поить распинаемых миротворящим вином, пока не встречу отказавшегося, смерть приявшего без обманного зелья – то будет бог. Но их оказалось двое – который? Десять лет я мучилась тайной, хоть обет и считала исполненным, и жало любопытства притупляла вином. Складки одежд моих ложились уже не столь изящно, как прежде, я почти побиралась, выторговывая лишнюю чарку. Но ещё не ставши старухой, успела узнать – есть уже считающие того, с бородкой, богом, и сыном бога, ждавшего его на небесах, воскрес он из мёртвых, и смерть его была лишь видимостью. Так разрешилась загадка. Огневолосый разбойник, не чаявший спасения за гробом; не моливший, дабы его миновала страдания чаша; вырезáвший сильных мира сего и казнённый рабом с одинаково хищной усмешкой, – приравнен богам, Гераклу подобно, и нектар его нынче достойный напиток.*

Прими эту чашу с водой, незнакомец. На перекрестье дорог я подношу её притомившимся путникам. Лишь ключевая вода достойна утолять людскую жажду: она не заглушает мысли и чувства, не покрывает наслаждения дымкой, не притупляет мук на кресте – всё врезается в память, чаша жизни испивается сполна. На земле боги пьют только воду, о путник!

***

– Это, кажется, богоборческое, – сказал Жоан, вытирая руки салфеткой. В руках лилипута салфетка выглядела большим платком.

Джованни молча обтирался настоящим платком – ратник, уставший от дел богоборческих.

– Это не вполне подходящее слово, – возразила Яношкина. – Хотя есть и оно.

– Ну что ж, если мужчина написал от женского лица, то вы, вероятно, от мужского. – Янг посмотрел на Яношкину, снимающую пиджак с видом изготовившегося к бою.

– Вы угадали, – отвечала она, пока Жоан вешал её пиджак на спинку венского стула.

Дон Лерма, не пивший вина

Жилище у меня скромное, немногие ценности, в нём находящиеся, недоступны пониманию большинства – пара редких монет, десяток раковин причудливой формы, несколько старинных книг редких изданий. Главная ценность хорошо видна входящему, но оттого не более понятна – портрет в тяжелой раме над письменным столиком. Это эмблема моей судьбы, сновидение, избегающее моих снов, мой крест, что всегда на Голгофе.

Четыре века отделяют меня от дона Лермы, идальго в четвёртом поколении. Я достаточно сведущ в истории, дабы узреть всю невозможность взаимопонимания. На тёмном фоне распускается белый цветок гофрированного воротника, его плод – голова модели, спокойное, полускорбное лицо с лёгкими залысинами и эспаньолкой. Левая рука, вероятно, держит оружие – нам виден позолоченный крест эфеса шпаги. Правая прижата к груди: средний и безымянный пальцы сведены вместе, указательный с мизинцем отставлены; сие означает, что рыцарь был добрым католиком – так писал свои модели и святых Эль Греко, католик пламенный. Сквозь бездну, отделяющую ортодокса старой Испании от атеиста советской закалки, дон Лерма не перекинет моста.

Но от меня к нему мостик есть, пускай довольно хлипкий. Я сейчас по нему пройдусь.

Старинная хроника излагает нам необычную судьбу многострадального идальго. Насаждая ядрами и шпагою веру Христову, он был пленён маврами, и одно время пребывал в заточении вместе с автором дона Кихота Ламанчского. В отличие от последнего, он не терял руки, но иное, более страшное испытание предстояло ему. Страшное по понятиям того времени, возразят мне. Но разве страх не теряет над нами власти, стоит лишь изменить о нём свои понятия? Ибо всё относительно.

Но в религии, как писал Бальзак, всё абсолютно. Дону Лерме предложили свободу, с условием, что отречётся он от римско-католической церкви, отсечёт свою крайнюю плоть, отсечёт и все мысли о прошлом, и речитатив муэдзина перекроет в ушах его звон колоколов. И был момент колебания.

Дон Лерма не описывал свои злоключения в плохих терцинах, подобно творцу Дульцинеи. Из рабства не был он выкуплен, но бежал, в одну из холодных ночей пустыни, когда порывы ветра, мешаясь с воем шакалов, лишают ненависти к вчерашнему зною. И благополучно вернулся, был признан родными и близкими, и унаследовал фамильные ценности. Но осталась печаль.

Покаявшись на исповеди, в постыдном моменте колебания, получил он отпущение грехов. Но кастильская гордость была уязвлена той секундною слабостью. И принял он обет, а точнее, определил себе наказание – не пить вина, до коего охочим был в юности, и вообще ничего, кроме воды. Даже продавцы оранжада не могли нажиться на нём.

Рыцарем Печального Образа именовал своего героя соузник дона Лермы. Герой наш не читал сего романа, предпочитал романы рыцарские, а не пародии на них. Но прозвище сие ему подходит. Печальной отрешённостью веет на меня с холста. Веет и от моего лица, когда остаёмся мы наедине. Был момент колебания, измены идеалам, для этого не пришлось даже оковать меня цепями, достаточно было поманить колой и голливудским кино. Какую епитимью мне на себя наложить? О том узнаю не от живых – от написанного кистью, кавалера ордена Сант-Яго, дона Лермы – Рыцаря Печального Образа, который не пил вина.

***

– Весьма оригинальное сближение старозаветного католицизма с просоветскими настроениями, – прокомментировал Янг, прежде чем приняться за апельсин.

– Кажется, антихристианская тенденция первого рассказа сменилась антиисламской во втором? – полуутвердительно вопросил Жоан.

– Вовсе нет, – возразил Джованни. – Речь идёт просто о верности идеалам. На место кабальеро с тем же успехом можно поставить некоего араба времён крестовых походов.

– Но образцом явилась именно римско-апостольская церковь, – настаивал Жоан.

– Это можно объяснить тем, что романский регион знаком автору более восточного. Не забудем, что она офранцужена.

– Как и все мы, – улыбнулась Яношкина.

– Ну что ж, – вздохнул Жоан, – наверно, я меньше всех стремлюсь к победе. Ведь я сам ростом с приз.

– Вы будете красоваться с ним, как копьеносец с копьём, – утешила его Яношкина. – Однако дерзайте, Жоан.

Раздавив окурок, португалец дерзнул.

Вино любви

Я была четвёртой дочерью в семье, и, как и старших сестёр, меня отдали в монастырь, невестой Христовой. В сумрачной и гулкой зале свершился мой брак, в окружении сумрачных лиц; пряди волос пали на каменные плиты беззвучно, и было это жутче, чем если б они рушились с грохотом. И не знали родители, сколь страшную игру со мной затеет Дьявол. Но… Дьявол ли? Мне не дано узнать даже этого!

Примечали необычное сёстры мои во Христе, примечала его настоятельница. Облик мой был непривычен им, когда молились пред ликом Господа нашего. Может, глаза мои, может быть, голос. И когда распластывалась в непредписанных молитвах, может, и в спине моей примечали непредусмотренное? Может!

Не скоро я решилась исповедоваться, не скоро решилась на смерть. Ибо признаться означало взойти на костёр. Краткой была исповедь, как пала я на колени пред настоятельницей в креслах, тихо пали страшные слова, пали в складки одежд настоятельницы, и было это жутче, чем если б сотрясли они стены, и долго не решалась я поднять лица. И узрела, решившись, что лицо матушки, бывшее ранее перезрелым плодом, стало каменным, только ужас тлел угольками в глуби глаз, в лабиринтах красных жилок в глазах. В дверь стучались, ломились уже, но мы застыли изваяньями, нет, одним изваяньем, будто связаны, слиты воедино кощунством моим, не слыша ничего; наконец она вырвала полы рясы из рук моих, ступила к двери, отперев, распахнула. «Пожар!», стегнуло нас этим словом, и по глупой земной привычке я метнулась спасаться, как прочие, хоть огонь этот был лишь подобием жалким пожара, полыхавшего в очах Спасителя нашего, когда глядела я в них, и не глядеть было тоже нельзя, ибо лик сей и был моей страсти предметом, и куда мне было деваться от гневных очей Господа нашего, возлюбленного мною – земною любовью?

В ночь, когда монахини разбегались, визжа, или корчились в языках пламени, крича уже беззвучно, или вовсе без крика задыхались в дыму, пала я под деревом, и погрузилась в сон более глубокий, чем ранее в келье, более крепкий, нежели в детстве, под колыбельную родительницы. Это ли не знамение?

И видела я Господа нашего Иисуса Христа, в винно-красных одеждах, и лик Его был спокоен, но непреклонен, и гнев только тлел угольками в глуби взгляда Его, как тлел в те минуты наш монастырь. И был он более суров, чем трибунал Святейшей Инквизиции, и желанным стало мне аутодафе – положил мне Господь расстричься и не зреть более лика Его. И, пробудившись, завидовала я телам погибших сестёр.

И погрузилась я в мерзость, дабы избыть свою тоску. Наложение рук на себя было запретным, хоть я уже предназначалась аду – ибо не попустил Мой Возлюбленный гибели моей ни на костре, ни при пожаре, и не присудил меня к этому. Но, карая себя, я отдавалась прохожим. Каждый, пронзённый желаньем, имел во мне готовую добычу. Если отвернулся от меня Желанный, пусть будет тело моё доступным любому, как трава на дороге. Водоносы на перекрёстках, матросы таверн, лакеи прихожих и бродяги больших дорог насыщали мной свою похоть. И притупляла я отвращение своё вином, цвета которого были одежды Его в сновидении, и сторонилась распятий.

Но наступил день пресыщения мерзостью, и плотью, в коей видела я теперь одну лишь грязь. И наступила минута, когда перестал прельщать меня – Господь наш во плоти. И возжелала я себе бесплотности. В ночь того дня явился мне Господь наш Иисус Христос в белоснежном одеянии, и лик Его лучился, и он говорил без слов.

Спасибо, гостеприимный хозяин, но я не пью вина. Неземным я теперь опьяняюсь вином, и чиста моя любовь ко Христу, как ключевая вода в этой чаше, и дозволь утолить свою жажду её чистотой. Спасибо, хозяин!

***

– Вот вам и вполне ортодоксальный христианский рассказ! – воскликнул Джованни. – В противовес моему. Для полной симметрии, в противовес дону Лерме, нам следует ожидать происламского опуса.

Все посмотрели на Янга.

– Я не лучший кандидат на эту роль, – улыбнулся он, поглаживая бородку, столь же тонкую, как его лицо и фигура. – Перед моим сочинением нам нужно отобедать. Ибо, как ни странно, мой сюжет требует, дабы эта зала опустела. Заодно станет ясно, почему я настоял на проведении этого вечера без вина.

– Какой интригующий сюжет! – расширились зелёные зрачки Яношкиной.

Лёгкий обед прошёл молча. Янг мысленно проводил сравнительный анализ сюжетов зачитанных рассказов, Джованни – ритмики, фонетики, Жоан – композиционного построения, Яношкина – идейного содержания.

– Любопытно, – сказал Янг, когда, закончив с обедом и сходив в срапукальню, все расселись и закурили. – Все трое написали от первого лица, притом мужчины – от женского, и наоборот. Все – в историческом жанре. У всех налицо христианская тематика, а в двух рассказах прямо фигурирует Христос. Можно подумать, что заданной темой были не «вода и вино», а «вода, вино и Иисус».

– Ну, это уж точно библейский сюжет о пире в Канне Галилейской, – подивилась Яношкина. – Просто чудо, как удалось нам избежать евангельского чуда.

– И кстати, – вмешался Жоан, – ведь не «вода и вино», а «вино и вода». Обратите внимание, что в каждом финале вода сменяет вино в качестве концовки.

– Это прямо какой-то канон, – обескураженно добавил Джованни. – Но, клянусь Аполлинером, мы его не обговаривали!

Джованни всегда клялся Аполлинером, поскольку тоже был франкоязычным итальянцем.

– Неужели канон соблюдён и вами? – спросила Яношкина Янга.

– Боюсь, что ни в едином пункте.

Чудо под подошвами

В далёком индийском городе, в Бомбее, есть питейное заведение, нечто среднее меж трактиром и кафе, довольно редкое по квадратной площади – это большая зала. С полудня и до позднего вечера в нём за армадой столов и столиков сидит легион посетителей, точнее, легионы сменяют друг друга. Обыватели опиваются вином, обсуждая стати кинозвёзд, астрологические прогнозы, качество марихуаны в том или ином квартале и цены на проституток того или иного района города. Кричат и спорят на восьми-десяти языках, пяти-шести языковых групп, но тем для споров только три-четыре. Уходя, с изжогой, икотой и похмельем, люди уносят с собой воспоминание о клубах табачного дыма, потрёпанных скатертях и винных бутылках. За собой они оставляют объедки, пустые бутылки, окурки и грязные салфетки, подчас на полу.

Поздним вечером лакеи сдвигают столы, складывают пирамидами стулья. Поломойки и уборщицы ходят и ползут по зале добрый час. Расходятся. И оставляют за собою чудо.

Дивной напольной мозаикой украшена зала. Полногрудые девы в небесных чертогах, птицы со сказочным оперением и неведомые нам небожители, пьющие из чаш некий нектар, амброзию. Вино богов.

Вереница веков за их плечами. Сотни тысяч, если не миллионы подошв прошлись по ним, сплёвывали, сбрасывали семечковую шелуху, разносили подносы, проливали земное вино. Тысячи поломоек и уборщиц прошлись по ним веником и грязными тряпками. Только чуда красоты не приметил никто.

Нагруженные вином, в шумной толчее, слишком пьяны и суетливы для этого. Трезвые лакеи и посудомойки, что пьют только воду, отуплены трудом и изнурены тревогой о завтрашнем дне. И красота остаётся неприметной.

Может, когда отомрут земляне, уподобившиеся стае саранчи, когда наступит тишина, на землю снизойдут божества. Приметят чудо этой залы и взойдут в неё. И разопьют неземное вино.

***

Первым встал тот, кому труднее было это сделать, – грузный Джованни. Шагнул и раздвинул занавески. В дальнем конце опустевшей залы у груды сдвинутой мебели копошились лакеи и кухарка. Плиты пола были свободны.

– О боги! – воскликнул последователь Аполлинера, то ли небесных богов разумея, то ли напольных.

– Пресвятая матерь божья! – прошептал Жоан.

– Вашу мать, – выдохнула Яношкина по-русски, непонятно, о чьих матерях: богов, мозаичистов, ушедших посетителей или коллег по перу.

– Простите? – переспросил Янг.

– Не переводится. – Яношкина нагнулась, почти залезши под стол, но никто не оглянулся на зад певца дона Лермы, обозревая подножную красоту. Она вытащила футляр, положив на стул, раскрыла, вынула трость и поднесла Янгу. Учтя одобрительные взгляды остальных, он принял её. – Я не думаю, что новеллы Джованни и Жоана плохи.

– Не говоря уже о вашей, – добавил Янг.

– Но победа за вами, – хотя бы в наказание нам, не примечавших под ногами искомого на небесах.

– И ещё, – сказал Жоан. – Ведь тем и отличался Бальзак, что обобщения и образы находил в повседневности, так сказать, под ногами. Разве весь эпос его – не та же напольная мозаика? Яношкина и Джованни не ударили в грязь лицом. Но извлечь из грязи шедевр – это стиль старика Оноре. Потому вы заслужили награду.

Лакей принёс на подносе бокалы вина.

– У Янга всё наоборот, – сказала Яношкина. – Каждый рассказ был больше предыдущего, но его – самый краткий. Годится в роли эпилога!

– А я догадываюсь, чей это заказ, – сказал Джованни, указуя на поднос.– У Янга концовка с вином, не с водой. Точное следование теме состязания: «вода и вино».

– Обыватели пьяны, и не замечают под пятой шедевров, – пояснил Янг. – Но мы уже пьяны вином искусства, и оценили красоту. Это и будет достойным финалом моей притчи – посвящённые, пьющие в уже опустевшей зале, как боги, что придут сюда после людей. И хотя во многом прав Джованни – «на земле боги пьют только воду», – но мы сейчас выпьем, как боги!

И, поднимая бокалы, четыре сочинителя на долю мгновения влились в число участников каменного, вечного пира.

Опубликовано в журнале «Новая Литература» 13.10.2022